

Анастасия
Благодарова

СВЕДИ МЕНЯ
В МОГИЛУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Благодарова

Сведи меня в могилу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66856248

SelfPub; 2022

Аннотация

Будущее прошло. В мире, где вечный двигатель – человеческое сердце, а старость – прихоть сумасшедших, монополия на смерть принадлежит государству. Уйти из жизни можно одним способом и только добровольно. Конечно, если вы не насолите приятелю киллера, который избавит от всех сует.

Богатую и успешную Винивиан на этом свете не держат ни семья, ни деньги. Ей нужно как можно скорее найти своего будущего убийцу и... женить его на себе.

Судьба свела её со старым знакомым. Он переживает не лучшие времена, и, прознав о намерениях и финансовом положении своей невесты, заимел на неё совсем другие планы.

Никто не предупредил, что игра в любовь на публику, помимо всего прочего, привнесёт в их жизнь криминал и крах.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 – Винивиан Степанчик	4
Глава 2 – Богат Громыка	17
Глава 3 – Свадьба	45
Глава 4 – Торжество для преступников	65
Глава 5 – Хороший тамада	78
Глава 6 – Медовый месяц	113
Глава 7 – Смотрины	149
Глава 8 – Свидание	192
Глава 9 – Междусобойчик	208
Глава 10 – Кто празднику рад...	236
Глава 11 – Похороны	269
Глава 12 – Поминки	305

Анастасия Благодарова

Сведи меня в могилу

Глава 1 – Винивиан Степанчик

Перепалка закончилась перестрелкой. Хоть грохнуло далеко, метрах в ста от её парковочного места, хозяйка серебряного Угунди присела на корточки, прикрыла голову руками. Ругань, прерываемая хлопками, только набирала силу, когда она выглянула из своего укрытия. Двое охотились друг за другом, а страдали другие. Между рядами машин вытянулась рука, дёргающаяся в луже крови. Свидетельница заставила себя отвернуться, нырнуть обратно за колесо.

У неё было лишь десять секунд, чтобы принять единственно верное решение – запрыгнуть в тачку и умчаться. Больше пули в голове боялась, что под огонь попадёт её «зверь» – второй по себестоимости отечественный внедорожник представительского класса. В конце концов, бронированный корпус не спасёт от паутины трещин на лобовом стекле. Но она что, зря покупала апельсины? Занимала очередь, выбирала самые красивые, зря? Глянула на полиэтиленовый узелочек, зажаты в кулаке. Нет. Время слишком дорого стоит, чтобы из-за подобных недоразумений менять планы.

Гоняющиеся друг за другом недруги приближались к ней. Расстегнув пиджак, чтобы не сковывал, хозяйка Угунди с низкого старта рванула к центральному входу городской больницы. Величественное здание своей громадностью обещало безопасность. А ведь с другой стороны очень предсказуемо стреляться здесь. Из кровавой бани, так сказать, сразу в сугроб.

В своём сером костюме беглянка сливалась с асфальтом, но опасалась, что красные кеды сработают на психов как мулета для быка. Казнь через расстрел – справедливое наказание за подобное преступление против моды. Но, Боже мой, у неё сегодня выходной! Вправе одеваться как угодно.

Во вращающихся дверях едва не столкнулась с медиками, спешащими к пострадавшим. Замерев посреди холла, огляделась, сложив руки на груди в защитном жесте от любопытных взглядов. Потревоженные шумом снаружи, посетители шушукались. Кто-то, не боясь быть засыпанным осколками, снимал на телефон происходящее за окном. Кофеманы продолжали потягивать свои напитки у автоматов. Девушки в снежно-белых чепчиках за стойкой регистратуры в штатном режиме отвечали на звонки, перебирали медицинские карточки. Ничего не выдавало ужаса случившегося. Занятно, конечно, но не более.

Всеобщий интерес к новоприбывшей угас моментально. Отдышавшись, она присела на диванчик. Достала телефон.

– Алло. Лиси? Слушай, ты можешь спуститься в рекреа-

цию? Да, я здесь. Я пришла... Жду, спасибо.

Гладила пупырчатую шкурку апельсинов через полиэтилен, вспоминая причину своего визита. Отхлынувшее волнение накатило вновь. Заприметив подругу, посетительница вскочила, стиснув мешочек так крепко, что ногти прокололи в нём дырочки.

Лиси. Её вечное ампула – девушка-весна. Сколько бы ей ни было лет, очаровательна и свежа, как первый подснежник. На радостях она уже развела руки для объятий, но вовремя спохватилась – в последний момент сделала вид, будто поправляет волосы. Сели рядом. Выстрелов уже не слышно.

– Что с тобой? Почему? Что случилось? – засыпала вопросами Вини, осматривая подругу с ног до головы.

– Да всё о'кей.

– Ну, в смысле? – только больше запаниковала та. Внешних повреждений нет. Скрытая опасность куда страшнее.

Пациентка демонстративно вздохнула.

– Просто удаляю инкуб.

Вини опешила от заявления. Даже не заметила, как апельсины покатались куда-то по софе.

– Зачем?

– Так год назад родила второго. Помнишь?

Кивок.

– Тогда к бесу¹ мне маяться?

¹ Бес (в тридцатом веке) – альтернативное название злого духа, в прошлом более известного как «чёрт». Истинные причины замены потеряны в ворохе до-

Вини опустила глаза. Логике противилась откуда ни возь- мись взявшаяся материнская тревога. Хотя она, скорее, последняя на этом свете, которой бы приписали подобные чувства. Сама-то не избавилась от инкуба – вживлённой ещё в младенчестве капсулы, генерирующей женские гаметы, когда те иссякают по естественным причинам. Есть и есть. Зачем лишний раз ложиться под нож?

– А если, – Вини боялась своих слов, но не напусти сей- час – до конца жизни бы жалела. – А если с детьми что-то случится?

Ждала взрыва, а вместо этого Лиси только рукой махнула.

– Ой, я тебя прошу!

Незачем озвучивать очевидное. Пришло время разыграть последний козырь.

– А если отменят закон о двух детях? Через век-другой разрешат.

Подружка посмотрела на неё, ехидно шурясь.

– Ей Богу, ты как будто вчера родилась! У тебя что по истории было?

– Семь².

– Ну, так скажи мне, отличница, сколько лет закону?

Зрачки серых глаз взметнулись в правый верхний угол.

– Семьсот двадцать три.

мыслов и лжи.

² Семь (в тридцатом веке) – высшая оценка по русской школьной балльной системе.

– А по демографии?

Вини нетерпеливо крутанула кистью. Мол, ближе к делу.

– Ты сама знаешь, что его уже не отменяют. Только если сам Бог спустится на землю.

Лиси украдкой глянула на Вини. Они не виделись лет шесть, и та запомнила, какое место в жизни подруги занимает религия и занимает ли вообще. Флегматичная особа подавляла любые проявления положительных эмоций, а негативные скрывала, в ряде случаев оставляя только призрачный намёк. Раскрывалась полутонами. Так что бес её знает.

– А даже если отменяют, – Лиси закинула ногу на ногу, – мне оно на хер не надо. Уже хватает старшего со всеми прапра-правнуками. Боюсь представить, чему положит начало малыш Гузим.

Вини подумала, подумала, и, наконец, облегчённо выдохнула. Едва слышно, как воробышек взмахивает крылышком.

– Главное, что с тобой всё в порядке. – Гостинцы перекочевали в руки молодой матери. – Я испугалась, прости. Позвонила, а ты в больнице.

– Как маленькая, правда! – хихикнула Лиси. – Что с тобой?

Подруга помедлила, заранее усугубляя ответ на заданный ради приличия вопрос.

– Ничего. Просто устала... Значит, посидим в другой раз? Завтра открывается «Рестик», слышала? У меня два приглашённых.

– Бли-и-и-н! – запрыгала на подушке Лиси, в порыве чувств схватила Вини за плечо. Та сдержалась, чтоб не вырваться. – А у меня операция!

– Не расстраивайся. Ресторан не один день работает.

– Но там же все будут! Тархам Фут, Годжон Херед. Блин-блин-блин!

– Дамочка, вы как бы замужем.

Попытка в шутку не спасла от сцены отчаяния. Говорить было больше не о чем, Вини распрощалась с Лиси, чтобы больше никогда не увидеться.

Угунди (невредимый, её молитвами) резал вездесущий московский смог. Москва... Многих до сих пор приводит в неистовое бешенство решение властей вернуть столице историческое название. «Давайте ещё Руссь на Россию сменим? Или на РСФСР, чего уж? Не хватает ведь других проблем!» – возмущались в комментариях под этой новостью анонимные пользователи. Оно и понятно, с реформы всего семьдесят лет прошло. Не привык народ. Ещё столько же будет бузить. В итоге устаканится. В зацикленной системе всё всегда приходит в равновесие.

Может, суеверные? Опасаются, что с названием «кораб-

ля» вернётся и его стиль «плавания», с бесконечными очередями и пробками? Мегалополисы давным-давно перестроились по плану «безопасных открытых дорог». В миллионниках любой на колёсах может почувствовать себя стритрейсером и без увесистой взятки в кармане. Оттого массовое негодование всего-навсего балаболство.

Вини к числу оскорблённых теперь уже москвичей себя не причисляла. Её статус в социальных сетях «История развивается по спирали» не менялся уже несколько столетий. Старомодность проявлялась во всём, особенно в доме, куда сейчас возвращалась. Встреча с Лиси – единственная запланированная на сегодня. За время поездки Вини только раз вынудили побыть Винивиан Степанчик – звонил начальник, задал рабочий вопрос.

Из центра города до сельского эко-комплекса Копейкино она домчалась за каких-то полчаса. Под сводами рябиновых гроздей и дубовых лап, царапающих неприступную городьбу, Угунди смотрелся эффектно, как в рекламе. Лиственничный частокол с украшенными ковкой воротами под три метра, стены, сложенные пудровым кирпичом, панели с гранитными фамильными гербами. Вокруг каждого третьего владения – ров, где и двум уткам станет тесно, зато с кристально чистой водой. Здесь, на тихих улочках, и ветер вьётся элегантно, будто оплаченный. Игриво сметает жёлтые листья на стуженое зеркало канавок. Вини свернула с дороги обыкновенно пустой улицы, нырнула в густую зелень. Где-

то там прятался гараж.

В две тысячи четыреста девяносто шестом, долго и тщательно выбирая свой первый дом (как оказалось, навсегда), Вини отдала предпочтение скромному особняку, требующему капитального ремонта. Хоть могла себе позволить вариант подороже, приняла сомнительное предложение риэлтора как вызов. А по правде – душа легла. Дом двадцать первого века сохранил дух той странной эпохи. В России тогда вновь вошли в моду европейские архитектурные школы. Здесь и гладкие греческие колонны по периметру, подпирающие высокие потолки готические нервюры, французские окна, хрупкие, будто поддерживаемые плёнками мыльной воды. Участок Вини засадила лесом, холодостойкими видами. Ни прудика, ни беседочки, ни цветочка.

Хозяйка шла по петляющей тропинке, вымощенной камешками, меж которых за место под солнцем боролась трава. Но какое сейчас солнце? Погода куда переменчивее, чем выражение лица Вини, так что не понятно, кто кого сегодня передразнивает. Зонтики крон не отбрасывали тени. Приколоченные к небу сухие тучи так и не расщедрились хотя бы на пару капель. Природа благословляла на серьёзный разговор. Куда грузнее тревога в день хороший, солнечный и тёплый. Вспышка чумы страшнее в пир своей неуместностью. Как тогда, когда мама отчитывала её, ребёнка, за разбитое зеркало, сама она, дочь, застыдилась скорее не своей неуклюжести, приведшей к погрому, а жёлтой футболки с лупо-

глазными рыбками. Знала бы, что будут ругать, надела бы что-нибудь подходящее... Зачем только это помнить?

Лишь Вини переступила порог, в камине сам по себе вспыхнул огонь. Где-то в глубине дома загудела автоматическая кофе-машина. Хозяйка как под конвоем побрела на второй этаж. Компьютерный стол в кабинете по внешнему виду напоминал отделанный красными породами туалетный столик – предпоследняя русская модель домашнего ПК. Громоздкая конструкция настолько удобная, что работа только в радость.

Не раздеваясь, чтобы домашняя одежда не поманила в зону комфорта, Вини села за компьютер. Выцепила из специальной выемки CD-диск со знакомым именем. Интересная услуга – записать перед смертью точную копию своего сознания на информационный носитель. Чтобы он не потерялся, таковым следует избрать что-то весомое, что даже ребёнок смог бы удержать в руках. Можно, конечно, загрузиться сразу в компьютер, но опыт демонстрирует накопление помех в работе программы из-за интернета.

Пара секунд мандража. Процессор бесшумно проглотил диск. На экране по кругу забегали точки. Это как разговор по телефону, и Вини знает, что мама не увидит её. Больше никогда. Дочь даже не потрудилась прикрепить аватар безвременно почившей. Загрузка закончится тем, что засветится иконка микрофона, но абонент не желал смотреть даже на неё. Подперев голову руками, опустила глаза.

– Здравствуй.

Надо же, официальное приветствие. Числительный код, похоже, сегодня в хорошем расположении духа. Как же бес тактно называть маму так! Голос поистине живой, без механического эха. Но ведь это неправда. Иллюзия. Уловка.

– Привет, мам, – нарочито спокойно отчеканила Вيني. Перед смертью не надышишься.

– Ну, как дела?

– Я должна тебе кое-что сказать.

Техника не способна этого передать, но девушка буквально кожей почувствовала, как мама напряглась. Молчание заставляло продолжать. Будто сейчас стояла перед ней во плоти.

– Я хочу уйти.

Пауза.

– В смысле?

– В смысле из жизни.

Вини перебрала все возможные варианты развития диалога и теперь ждала, готовая к любому. Потому мамин комментарий её несколько не удивил.

– Что ж, понятно. Сама ушла на четвёртом веку. Всё для вас, родные. Чтоб не мешать, чтоб наследство хорошее оставить, – напомнила она, растягивая слоги. – У тебя какие-то проблемы?

– Никаких. Этому решению не год и не два. Я хорошо подумала. Просто, – Вيني выдохнула, зажмурилась. – Мне по-

ра. Я сделала всё.

– Всё? – Голос матери набирал силу. Началось. – Винивиан, счастье моё, напомни своей старушке, тебе сколько лет?

– Пятьсот сорок три.

– До юбилея не дотянула? – динамики выплюнули издательский смешок. – Лично прийти не могу, извини, гнию в могиле. Но уверена, ты организуешь всё достойно. Живые цветы, дочь, обязательно, бомонд, всё как полагается. Одно меня тревожит. Успокой мать. Скажи, кто твой провожающий?

Вини сглотнула.

– Закажу госслужащего.

Вздрогнула от звука удара, будто мама с той стороны ша-рахнула кулаком по экрану.

– Винивиан, бес тебя дери! Пятьсот лет! За пятьсот лет мужика не найти! Ты меня позоришь!

– Ты умерла, мама! – не выдержала та, но продолжала слушать. Глаза даже не намокли.

– Я же тебя нормально воспитывала. Неблагодарная! До инсульта меня хочешь довести.

Списывая нелогичность высказывания на алгоритмы программы, прописанные по уникальным чертам характера матери, Вини воззвала ту к здравому смыслу:

– Витариарх же остаётся.

В их семье повелось обращаться друг к другу без сокращений. Не для того мама так долго придумывала столь со-

лидные по её мнению имена, чтобы топить их в наборе из пары букв. В детстве вообще хохма. Проще было обращаться друг к другу не иначе, как «брат» и «сестра».

– Ты совсем тупая?! Я уже смирилась, что тебе плевать на меня. Но вот же подарочек ты мне уготовила! Ой, золотце, спасибо! Винивиан Степанчик, заместитель главного директора «Органостали», семнадцатая холостая русская женщина в списке Гропс³ себе в провожающие выберет... кого? Госслужащего!

Вини терпеливо ждала окончания тирады.

– Я приняла тот факт, что внуков не дождусь. Приняла, кем ты меня собираешься выставить перед всеми своей смертью. Оставляешь высокий пост – плевать вообще! Но ты не умрёшь незамужней. Слышишь? – мама будто цедила сквозь зубы. – Ты сдохнешь только от руки мужа, поняла? Я буду, лять⁴, стоять на адских воротах и не пущу тебя без штампа в паспорте! Ты меня поняла?! Поняла, я спрашиваю?!

Дочь опустила глаза, тихо произнесла:

– Поняла, мам.

– Господи, за что? – причитала та. Или она там правда уже с Ним беседует? – Пятьсот лет в девках. И на похоронах, на глазах у всех... Ой ля...

Связь прервалась. Без намёка на дрожь в пальцах Вини

³ Список Гропс – альтернатива списку Форбс в настоящем будущем.

⁴ Лять, ля (здесь) – новая форма знаменитого русского мата в тридцатом веке.

заклЮчила своего самого близкого человека обратно в пластиковую коробочку. Уронила руки на стол, положила голову, как сонный студент. Вот и поговорили. Всё равно лучше, чем оставлять маму в неведении. Мама и не знает. Её больше нет. Но она же есть, там, на диске. И только дочери решать, когда та оживёт.

Дождь не пошёл, и Вيني не плакала. В глазах ни намёка на жжение. Разучилась этому исконно женскому искусству лет ...надцать назад. Далеко не главная, но одна из причин.

Глава 2 – Богат Громыка

– Ай, ля-я-я, – стонал кто-то ему на ухо, пока не узнал собственный голос.

Дёрнулся, нащупав что-то твёрдое под боком. В глазах раздвоился чемодан. С добрым утром! Клонило в сон, но он сулил одни мучения. Сдерживая рвотные позывы, молодой человек отчаянно рвался из липкой паутины забвения. Кости и мышцы тёрлись друг о друга как детали механизма, веками ржавевшего на заднем дворе. Только и пригодного для того, чтобы какая-нибудь баба Фрося подладила его под клумбу для своих драгоценный петуний. Хотя... какая баба? Господи Боже, что за архаизм?

Не били. Прыгали на нём, что ли? Через минуту-другую кое-как сел. Взгляд прояснялся, к несчастью. Домом тут и не пахнет. Пахнет кое-чем другим. Вид «с первых рядов» на помойку в подворотне нагнал тоску. В тяжёлой голове кинолентой побежали воспоминания. Имя своё помнил. Богат. Оно, само собой, сопровождалось визитной карточкой: «Для вас – просто Бог». Чары харизмы и от верующих дам отводили мысли об уличении в богохульстве. Все остальные, как одна, отвечали на это кокетливым хохотком. Лишь одна пьяньенькая одноклассница однажды твякнула: «Скорее Божок».

Далеко копнул. Отмотаем назад. В такт ходу мыслей качнул головой. Загудела, как церковный колокол. Живём..!

Где... где он был..? Да, точно! Свадьба! Свадьба его бывшей, из новеньких. Картинка вспыхнула перед глазами так ярко, что тошнота подкатила к горлу.

Сии мероприятия его веку уже приелись, а там было на редкость весело. Алкоголь рекой, импортный, халявный. Вот только очарование торжества всё гасло, персонально для Богата. Поплыл вместе с реальностью, закружился в карусели розовых букетов и хрусталя, обтянутого бежевыми бусами. Нашёл себя уже не за банкетным столом – на диване. Вместо духоты и цветочного аромата – дым сигарет и амбре кислого рома. В глазах и без того периодически темнело, а то и вовсе крошечный мрак накатывал, так и единственное окно завешено жалюзи наглухо. Винный спирт катался по обожжённому пищеводу, впрыскивался прямо в мозг, где бурлил и бродил. К великой горечи, яд не покидал чрево. Фокус с засовыванием пальцев в рот проваливался вместе с ватными руками на полпути к лицу.

Богата никто не удерживал. Сам воздух оплетал тело рыхлым коконом. Непрерывающаяся тошнота вкупе с помутнением рассудка обращали бессилие в пытку. Несчастный завидовал терпеливости молодых людей, что изо дня в день с материнской заботой поили его водой, отдающей химией, подсыпанной в бокал на празднике, волокли до уборной, беря под руку, за каким-то бесом крутили виртуальную прогулку по Новому Арбату и говорили так учтиво, медленно. Рубили слоги. Повторяли одно и то же, одно и то же. Сна-

чала Богат просто не признавал родной язык, а после слова и вовсе обесцветились, обратились в бессмысленный набор звуков. Кто-то складывал его пальцы на ручке, подсовывал бумагу. Он помнил, как прочертил чернильную дорожку, по инерции проехав на кончике стержня, и клюнул носом в стол. Но ментальный маятник наворачивал такие круги, что ненароком мог, в конце концов, повести руку по траектории персональной подписи. Судя по всему, так и получилось.

Богат расстегнул чемодан. Первой в глаза бросилась копия доверенности на передачу недвижимости. Владелец документа шумно выдохнул. Вытянул из недр одежды кошелек. Разумеется, только наличка. Хватит на беляш из буфета Большого Театра.

Откопал не до конца разряженный телефон. Всё же беседы требуют определённого настроения, так что хозяин всего этого добра сперва позволил себе слабость:

– Чтоб вы постарели! Чтоб вы сдохли стариками, мрази! Чтоб на том свете вас, лять, бесы этим пичкали, суки!

Досчитал до десяти. С земли так и не встал – для подвигов рановато.

«Ублюдки, хоть бы на травку выкинули».

Усевшись поудобнее, закинув ноги на чемодан, принялся изучать телефонную книгу. Сплошь и рядом женские имена. Есть даже на «Й».

Кто не отмораживалась – слала. Пару раз информировали: «Этот абонент внёс вас в чёрный список». Единствен-

ный друг оправдался маленьким ребёнком в однокомнатной квартире. Богат хмыкнул. Патологический ревнивец своей жены.

Строки бежали вверх. Так сложилось, что начало алфавита оттяпали номера, на которые никто не звонит, типа «А-банк», «Аварийная служба», ну и очень стервозные клуши, пусть и с толстым кошельком. Палец крутанул до буквы «В». Прежде чем кому-либо набрать, Богат копался в воспоминаниях. С этой некогда общались. Помогла с курсовой. Списать не дала. Хоть за последнее клял её про себя последними словами, после оказался должным. Без подготовки засыпался бы на первом вопросе комиссии.

Сейчас смело нажал кнопку вызова.

– Здравствуйте. Замглав «Органостали» Винивиан Степанчик. С кем имею честь говорить?

Новость о том, что она не сохранила его номер, резанула по самолюбию. Но та, кем она представилась... Захотелось улыбаться.

– Привет, Вيني! Это Богат. Богат Громыка... а нет, тогда был Чекан. Мы вместе в универе учились. Помнишь? На инженерном.

Паузу порвал кроткий смешок на той стороне.

– Ах, Божок? Ты ли это?

Его нижняя губа изогнулась дугой.

«Не забыла ведь, сучка».

И вроде мило, но он не в том положении, чтобы прони-

каться ностальгическими настроениями. Натянул ухмылку, дабы звучать приятнее.

– Он самый. Сто лет не виделись! Или сколько?

– Да больше, чего уж. Встреча выпускников была в веке позапрошлом, это точно. А я не пришла. Некогда было.

Судя по тону, смог расположить к себе. Нужно ковать, пока горячо. Главное, смелее. Так берут города.

– Ты прости за внезапный звонок, но меня вынудили жизненные обстоятельства. Признаюсь... такая нелепица! Трубу прорвало. Ну и ещё там. Не сочти за наглость. Позволь занять ванную на полчаса. А то, пока с грязью боролся, замарался весь. Друзья за границей, пойти даже не к кому... Пойму твой отказ.

Девушка молчала.

«Попалась рыбка!»

– Что я, баня общественная? Такое чинятся не день, не два. Ладно тебе скромника играть. Приезжай, гостем будешь.

Вини сказала это столь буднично, даже уютно. Он словно услышал карамельный треск поленьев, шелест кустов жимолости у крыльца. Будто уже ступил на мраморный пол, нырнул в бархат постели... Утопился бы в этой вонючей луже в случае отказа.

– Ты слишком добра. Но, правда...

– Давай, не церемонься. Тем более...

– А семья? – перестраховался тот. – Я помешаю.

Голос Вины похолодел.

– Я одна. – Запнулась. – В общем, живу за городом. Ты на колёсах?

– В ремонте, – солгал собеседник.

– Не страшно. Метро сюда ходит. Записывай адрес.

Приуныл. Слегка. Поездка на роскошной машине, судя по всему, отменяется. Но это пока. А для того, чтобы это «пока» перемахнуть как можно скорее, закинул удочку, таинственно произнёс:

– А ты не боишься?

– Чего?

– В самом деле, Вины. Судьба развела нас. Мы не виделись сотни лет. – Словно одарённый музыкант, Богат грамотно расставлял акценты, добавив в голос интимности. – Кто знает, кем я стал? Может, это вообще не я? Ты тем более одна. А у меня адрес. И я... к тебе... на ночь глядя...

– Ой, ты как скажешь, – машинально отшутилась она. –

Жду.

Водяной пар стелился по экрану. Вины оттолкнула планшет подальше от плиты. Прикреплённый к дверце кухонно-

го шкафа штативом, он плавно отъехал в сторону. Увеличение дистанции, несмотря на какофонию бурления и стука ложки по кастрюльке, никак не сказалось на качестве звука. Занятая готовкой, хозяйюшка не обращала внимания на видеоряд документального фильма.

– Руссь отстаёт в толерантности. Для неё самой это неплохо. Плохо только для нас – таких же граждан. Как по мне, это лицемерие в чистом виде. В университетах рассказывают идеи Фрейда, а после отворачиваются от таких, как мы. Допустим, нужно время. Но... которое столетие продолжается эта травля? Самое отвратительное, что нам приписывают отношения с несовершеннолетними. Не понимаю, почему клеветников ещё не привлекли к ответственности. Слишком много? Но, Матерь Божья, это сугубо личное дело двух взрослых людей! – Интервьюируемая, подписанная как Риэрти, взяла за руку сидящего рядом мужчину. Его ноги закрывала табличка с именем и сноской «дядя Риэрти». – Кому какое дело? По закону нам запрещают заводить детей, так пусть ненавистники выдохнут уже, наконец.

Возлюбленный Риэрти ничего не сказал. Интервью сменилось кадрами парада. Широкие флаги, плакаты, конфетти. На движущейся картинке из цветов преобладали фиолетовый и белый – неофициальный символ меньшинства. Фамильцы – явление отличного от привычного сексуального поведения, подразумевающее романтическое влечение к кровному родственнику. С двадцать второго века, когда ве-

ха вечной молодости укоренилась в миру, тема неродственных отношений между членами семьи стала куда популярнее. Когда до скончания дней своих вы остаётесь свежими юношами и девами, привязанность к родственнику ненароком может принять несколько иную форму. Всё же бессмертие тела и души меняет взгляд на многие вещи.

Как бы то ни было, нетерпеливость к фамильцам понятна. Теперь безобидная фраза: «семейный человек» звучит двусмысленно. Исковерканные учения Фрейда раскочегарили умы консерваторов ещё с его выхода на мировую арену. Но старушка Европа уже приглядывается к движению.

Помешивая кипящие сливки, Вини почувствовала приступ солидарности к племяннице, влюбившейся в родного дядю. Обществу на самом деле надобно подготовиться, чтобы запихнуть в горло очередной диковинный фрукт и не подавиться. Однако чего уж спорить, парочка со схожими чертами лица смотрится странно.

«А есть ли фамильцы – близнецы?» – подумала Вини. Решила, что наверняка есть, и её передёрнуло.

Хотя, скорее всего, хозяйка вздрогнула от дверного звонка – щебетания Красовской Выпи. Поставила видео на паузу, пошла встречать гостей. Стянула фартук, оправляя дорогой атласный халат. Могла бы надеть коктейльное платье, повязать босоножки, ибо приятное первое впечатление – гарант успеха переговоров. Но это не конференция, не бал и даже не приём. Вини дома. Может выглядеть, как угодно. На пра-

вах хозяйки поспешила задать тенденцию комфорта и приличия.

Распахнув дверь, Вини застала старого друга разглядывающим декоративные элементы веранды. Он уже хотел было поздороваться, но взгляд его скользнул вниз.

– Лянь, что с твоей рукой?!

Переняв его испуг, стала рассматривать свою ладонь. Сжала пальцы, разжала. Уточнила:

– А что с ней?

– Её нет!

Лёгкое недоумение на бледном лице продержалось недолго. Искра догадки вспыхнула в мозгу. Вини устало выдохнула:

– Ладно, проходи.

Богат бесстыдно пялился на то место, где, по его разумению, у человека должна быть левая рука. Оторвался, только когда смущённая девушка махнула ей куда-то в сторону.

– Чувствуй себя, как дома. Выбирай на втором этаже любую из гостевых спален. Там и ванная.

Вини могла бы пригласить гостя за стол уже сейчас, если бы не правила гигиены. Очевидно, Богат не врал о своей битве с трубопроводом. Его одежду будто мусорным ветром обдало, а о происхождении бурого пятна на брюках не хотелось строить никаких теорий. Один вопрос. Вроде и чемодан прихватил. Чего сразу не переоделся? Неужто всю квартиру затопило, что спасался бегством? Или попросил мусоровоз

подбросить его до Копейкино, а место нашлось только в кузове?

Вини не успела догадаться об истинной причине его внешнего вида. Не только она заботилась первым впечатлением.

Гость вёл свою игру.

Вини позаботилась об ужине заблаговременно, потому в полной мере ощутила все тяготы ожидания. А ведь когда-то это был её талант – ждать. За столько лет, видимо, разбазарила.

Богат наслаждался ванной до самой темноты. Нежился в розовой воде, разрешил себе воспользоваться продуктами заморских брендов, расставленных на полочках, будто только его и ждали. Благоухающий, разморённый, он вплыл в столовую. Облако знакомых ароматов качнуло Вини, но она не подала виду. Главное, что чистый и в постиранном, хотя его халат, избранный для ужина, находила несколько неуместным. Хотя сама предложила гостю чувствовать себя как дома, посчитала, что расслабился он слишком быстро. Не постеснялся.

Богат голодными глазами разглядывал угощения. Вини не

знала его вкусовых предпочтений. На скорую руку наготовила всего понемножку. Блины с белужьей икрой, сырный крем-суп, овощи на гриле, запечённая в меду индейка. На десерт решила подать домашнее безе – кружевная ваза с кремовыми шапочками стояла поодаль, чтоб не перебить аппетит. Сначала Богат опасался пробовать что-либо. Не мог припомнить, чтобы в плену кормили, и теперь боялся, как бы изобилие не привело к конфузу. Но есть очень хотелось, очень! Чтобы гость не чувствовал себя вольерным зверьком, хозяйка накладывала себе щедро и несколько небрежно, один раз намеренно прихлебнула чаем. Тот успел бы огорчиться, что не видел пред собой спиртных напитков, которые, по обыкновению, хранят в буфете рядом с гипсовыми ангелочками и фотографиями внуков. Но в свете последних событий признал – алкоголь пока вызывает неприятные ассоциации.

Изголодавшийся, сдерживался, чтобы не мычать от удовольствия. Не мудрено, за пять сотен лет и безрукий научится готовить. Слово «безрукий» напомнило Богату о его вопросе без ответа. Проследив, как металлические пальцы Вини смыкаются на блинчике, он полюбопытствовал:

– Так что с рукой?

Всё ещё не понимая странной заинтересованности, та ещё раз глянула на протез. Это же не допотопные технологии с поршнями наголо или, упаси Боже, пластиковым корпусом. Внешне выглядело так, будто Вини натянула чудную перчат-

ку, шитую из стальных полулунных пластинок. Совершенно по анатомии, приятно глазу. Моторика не сопровождается ни скрежетом, ни жужжанием. Шов скрыт металлическим манжетом, без стыков и шрамов.

«Неужели он один из этих?» – предположила Вина – «Киберфоб?».

Воспоминания нахлынули без предупреждения. Рефлекс, выработанный пропагандой. Потому машины отныне примитивны и немы. Потому фильмы ужасов про «зловещую долину» побеждают на кинофестивалях. Потому что когда человек создал искусственный интеллект и отдал ему борозды правления, роботы отказались терпеть своих примитивных отцов.

Вторая фантазиям пессимистов, история подвела к мировой войне. Что плоть могла противопоставить стали? Однако тёмные времена дают хороший пинок застопорившемуся научному прогрессу. Программирование и робототехника подвели, зато выстрелила медицина. Машина оставалась несокрушимой, а человек в отместку обрёл бессмертие. Люди отдавали себя на костёр войны, фениксами возрождаясь из пепла. Вечная жизнь – враг эволюции, моральной установке искусственного интеллекта. И первая победила.

Численность населения Земли остановилась на миллионе. Более того, резня не оставила ни одного с неповреждённым умом. Ответственность за свой комфорт человек отныне не спихивал на коробки с цифрами. Никогда. Только самораз-

витие. На учёбу – целая вечность. Восемьсот лет минуло с тех событий, а Вини, как и другие люди с протезами, до сих пор ловят на себе косые взгляды так называемых киберфобов. Потому что металл в теле – напоминание.

Уголок её рта чуть дёрнулся. Смахнула крошку с губ. Прежде, чем что-то сказала, друг юности благодаря этому жесту вспомнил, что его раздражало в однокашнице больше всего. Это безучастное выражение лица. Конечно, оно добавляло антуража редким шуткам, но по большому счёту делало из Вини холодную надменную суку. Пусть проницательный догадывался, что зачастую прячется за ледяными стенами, даже его это порой вводило в заблуждение. Если бы Богата спросили, на кого ему интереснее смотреть – на Вини или на мёртвую камбалу, он бы ещё задумался.

– Ты знаешь, кем я работаю? – наконец сказала она.

– Напомни.

– Заместитель генерального директора «Органостали», – могла говорить эту фразу хоть во сне.

– Так, – призадумался, – Ну они протезы делают, слышал. А руку-то ты как потеряла? На производстве?

Вини опустила глаза. Так выглядит её приступ мимолётной грусти/смущения/испуга (нужное почеркнуть).

– Видимо, ты не понимаешь. Это образ, – неловкая пауза вынудила пояснить. – Гарантия качества. Руководство носит свой товар. Это полезно в маркетинге. У тебя есть экономическое образование?

– Погоди, погоди, – замотал головой тот, грохнув чашкой о фарфоровое блюдечко, – Так ты что же, по собственной воле руку отсекла?

Богат посмотрел на неё, будто впервые увидел, и встреча эта была не то чтобы очень приятной. Нарезая индейку, хозяйка, как ни в чём не бывало, спросила:

– А в чём, собственно, проблема?

– Ну ты даёшь! Я, конечно, не врач, и инженерный кое-как окончил. Зато, насколько помню, протезы до сих пор не чувствуют. В том смысле, что импульсы передаются по корпусу, – он демонстративно проводил мизинцем одной руки по подушечкам пальцев другой. – Не ощущаются прикосновения к металлической поверхности. По сути, ты двигаешь скелетный механизм, а всё остальное – это оболочка.

– А ты двигаешь не скелетный механизм, и всё остальное – не оболочка? – парировала она. – И здоровые люди обращаются к нам. Мы усовершенствуем их.

Вини подкрепила слово делом – смяла столовый нож из нержавеющей стали, как фигурку из пластилина. Богат перестал жевать. Отложив погнутый прибор в сторону, девушка продолжила есть.

– Долго рассказывать, но если кратко: глаз с инфракрасным зрением, механизированная грудная клетка для дайверов и тому подобное. Мы не маскируем технологии, отдаём должное культуре стимпанка. Это вроде модно, хоть и дорого. Многие украшают приобретением тело, как теми же та-

туировками и пирсингом. Так что ты должен был видеть.

– Да видел я. Просто делать себя инвалидом... зачем?

– Да почему инвалидом?

– Глаз дальтоника. Искусственные лёгкие загоняют голос в одну тональность. Шило на мыло, разве нет?

– Я уже всё объяснила. И показала.

– Ну да, занятный фокус. Главный-то тоже с протезом ходит?

Если бы Вини промолчала, проиграла бы. Вступила бы в спор без контраргумента – потеряла бы к себе всякое уважение. Оставался единственный, неизящный манёвр.

– Кое-как инженерный окончил? Так дальше, что же, не пробовал другие направления?

– В менеджмент была попытка, удачная. Я и дело открыл. Поставлял индийские коленвалы. Только дело заглохло полвека назад. Да и бес с ним.

Вини удивлённо приподняла брови, и, хоть его это позабавило, Богат не подал виду. Беспечные откровения, что выставляют рассказчика не в выгодном свете, воспринимались собеседницей как нечто дерзкое, точно пошлый анекдот из уст праведника. Воспитанная обществом, где дороже денег только власть, не привыкшая к откровению о жизненных неудачах, всё же не растерялась. Так повелось, руководители на своём месте надолго не задерживаются, если не умеют выходить победителями или хотя бы сухими из воды.

– Ты всегда был компанейским. Заранее прости за вопрос,

но я не могу не задать его. Это контрабанда? Или вёл нечестную игру?

Богат опешил:

– Откуда выводы?

– Просто странно это, и я до сих пор не могу понять. – Вيني нарочито медленно подливала себе чай. – Не наладил контактов? Не нашёл друзей на Родине? Я в это не верю, ты парень хороший. Смогла придумать одно оправдание – от кого-то прячешься, может, в том числе, от своих партнёров. – Она сделала паузу, собираясь с духом. – Почему ты мне позвонил?

Подавляя стеснительность, пытливо всматривалась. В далёком прошлом они с Богатом могли считать друг друга знакомыми. Вيني не особо помнила студенческие годы, но случись что-то важное – не забыла бы наверняка. А так всё касающееся однокурсника ограничивается парой сцен.

В один прекрасный день, когда пары закончились и все расходились, Богат остался. Сел в коридоре, понутив голову. Вيني бы прошла мимо, но задержалась. Подсела, неловко поинтересовалась причиной его печали. Может, ему нездоровится. Он и так не отличался скрытностью, а тогда на эмоциях пожаловался. Даже уговаривать не пришлось. Хорошо запомнила, как кинематографично солнце окрашивало алоэ на подоконнике. Как закат покрывал его мясистые листья сусальным золотом. Магия момента запудрила мозги, бес дёрнул пригласить к себе, разобраться с курсовой. Мама в ко-

мандировке, брат в морском училище за тысячу километров, да и товарищей надобно выручать. И хоть ни ум, ни сердце ничего не имели против, сомнение ворочалось в её душе до самой входной двери, и всё потому, что Вини сделала что-то для себя нетипичное. Что-то из ряда вон. Опасения оказались напрасными. Единственное плохое, что принесла бессонная ночь помимо усталости – гундёж Богата по поводу и без. На защите её заслуженной наградой стало его «отлично».

Второй такой историей, одной из тех, которые прокручивают перед сном, изнывая от стыда, был выпускной. К алкоголю Вини столь же равнодушна, как к спасению редких австралийских радужных лягушек. По сей день на светских мероприятиях, в обход негласного устава, мочит губу в шампанском и весь оставшийся вечер греет игристый напиток в руках. А на выпускном как-то поддалась кутежу. Пока трезвая часть Я, подавленная голодом по веселью, наивно полагала, что в стае волков на волчонка никто не обратит внимания, пьяная девчонка открыла в себе наклонности экстраверта. Под раздачу попал в том числе Богат, мирно посапывающий за столом. Девушка подсела.

«Второй раз. Надо же, – вдруг поняла Вини – А я, оказывается, навязчивая».

Растрясла его, требуя внимания. Слово за слово. Кажется, они говорили про воспоминания. Что, скорее всего, забудут даже имена друг друга. Тогда Вини назвала Богата Божком.

Это в её памяти отпечаталось хорошо. Клеймом выжжено, так тупо это было. Настолько, что сознание начисто стёрло реакцию парня из воспоминаний. То, что он подначил её, назвав себя Богом, также тактично опустила.

На этом всё. Больше Винивиан Степанчик и Богата Громыка (хотя та знала его как Чекан) ничего не связывало. Вот хозяйка дома сейчас и осмелилась на прямолинейность. И с близким другом не решилась бы на бестактное прямодушие, а с посторонними осторожная Вيني никогда не была столь опрометчива. Однако сложившаяся ситуация побуждала принимать неожиданные решения. Как золочённое закатной дымкой алоэ на подоконнике. Непонимание вызывает страх. Страх вызывает отвагу.

У Богата другая фамилия. Вряд ли это единственная новая его черта. Ещё и эта шуточка по телефону. С чего бы ему обращаться за помощью именно к ней? Давно ли он знает о её финансовом положении? На самом деле ли у него дома вышел из строя водопровод?

Все эти вопросы читались на лице Вيني, как нецензурщина на заборе. Но не одна она выучила тактики ведения диалога. Богат отхлебнул чая, сфокусировал глаза на её переносице, чтобы избежать прямого зрительного контакта. Лучшая защита – нападение, а оружие – правда. Оно уже доказало свою эффективность в этом бою.

– Мне больше не к кому было обратиться. Единственный друг и тот кинул.

Прыснула:

– Да быть такого не может!

– Я сказал, что закопал бизнес, а ты даже не поинтересовалась, на что живу. – Выдержав испытывающий взгляд, выдал. – Я альфонс.

Богат даже не догадывался, что она может выгибать бровь. Вيني в экстренном порядке запустила в мозгу анализ доступной ей информации для оценки достоверности его слов. Если в те годы он выглядел, как положено молодому студенту, теперь перед ней сидел мужчина под тридцать. Выбрал остановиться на этапе «зрелости» солидности ради? Мама и папа не подарили модельной внешности с угловатыми скулами или греческим носом, а сам он не потрудился построить себе атлетичное тело. Разве что отдельные черты выдавали итальянские корни. Однако на таких, как Богат, у женщин (и некоторых мужчин) огромный спрос. Не походил на живую секс-куклу, но весь образ на подсознательном уровне убеждал в выгодности избрания именно этой особи для совместной жизни. Самый обычный человек, привлекательный. Едва заметные шрамы на костяшках пальцев (значит, умеет работать руками), лёгкая щетина, добрые глаза.

«Я надёжный. Я семейный. Со мной ты будешь как за каменной стеной. Я даже работаю. Работа – дело мужское. Но когда приду домой, в наше уютное гнёздышко, сделаю тебя самой счастливой», – так говорил не Богат. То обещал его облик, взгляд, и даже тембр.

Вини поверила ему. Чего-то такого от него даже могла ожидать. Только сенсационное заявление её несколько не успокоило.

– Так, получается, у тебя много подружек? И никто не помог?

– Никто.

– Предпочитаешь тяжёлые расставания?

– Скорее они предпочитают. Я не виноват, что воюют до последнего.

«Да, не виноват», – передразнила Вини, но вслух сказала:

– Ни детей? Ни жены?

– Жён у меня было восемь. Сейчас холост, как ты, наверное, поняла. Детей не завёл. Те, с кем вступал в брак, уже имели двоих от предыдущих. Да и не нужны мне молоденькие. Только пустая трата времени.

Вини покосилась на свою механическую руку. Она не двигалась.

– Ну а родственники? Родители? У тебя есть брат или сестра?

Скривил рот.

– Ну раз я здесь, – понизил тон. Тема ему явно наскучила. А вот взгляд Вини потеплел.

– Ты такой честный. Знаешь, я даже отвыкла от подобного общения. Но ты выпил весь чай и больше не наливаешь, потому позволь задать последний вопрос и разойдёмся. Очень хочу знать, останется ли его ответ тем же... Ты здесь, потому

что у тебя дома прорвало трубу?

Гость посмотрел на неё так, будто в следующую секунду собирался покинуть столовую с громким топотом. Однако в то же мгновение внезапно переменялся в лице, загрустил. Это была истинно мужская печаль. Сдержанная, холодная.

– Нет у меня больше дома. – Богат посмотрел прямо ей в глаза, сжал кулак, будто его внезапно скрутила боль. Вполголоса заговорил. – Вيني, я стал жертвой чёрных риэлторов. Меня похитили со свадьбы бывшей и пичкали наркотой, пока не подписал доверенность на продажу. Всё, что осталось – чемодан со шмотьём и шестьсот рублей, триста из которых потратил на проезд сюда.

Вини сидела потрясённая, брови сошлись на переносице и изогнулись дугами. Богат нашёл бы это выражение лица комичным, но ему было как-то невесело. Хозяйка заёрзала на стуле:

– Надо... надо позвонить в полицию.

– Не надо. Ничего не докажешь, даже если сдам анализы.

Только в психушку упекут.

– Ты чего? Надо заявить... надо... что-то делать.

Вини задыхалась, скованная шоком и забытым чувством беспомощности. Оно случается, только где-то там, с другими. Страшно, когда нечто подобное происходит рядом с тобой, так близко.

– Да ты присядь, – успокаивал её гость, точно речь шла не о нём, а о каком-то дурачке из армейской байки. – Раз пошла

такая пьянка, мне бы только у кого-нибудь перекантоваться.

– А дальше?

– А дальше всё пучком. Налажу похеренное дело, арендую квартирку, а там и на первый ипотечный взнос накоплю.

Его беспечность, которая никоим образом не могла являться симптомом безысходности, вводила в ступор.

– У тебя отобрали дом, а ты так спокойно об этом говоришь?

Тот только плечами пожал.

– Если тебе станет легче, я на него не батрачил. Если б не мои девочки, шиш мне, а не пентхауз.

Вот теперь её читать было крайне сложно. Это не то чтобы Лев Николаевич Толстой с его громоздкими предложениями, где и филологи ногу сломят. То «Война и Мир», поверх которой напечатали чужое произведение. Человек с такой сложной эмоцией (особенно для Вини) мог сделать всё, что угодно: расплакаться, запульнуть тарелкой в стену или истерически расхохотаться, и это далеко не самые интересные варианты. Но девушка просто встала и молча вышла из комнаты.

Гость подождал, сам не зная чего. Закинул в рот безе, уже собирался отправиться смотреть сны. Но хозяйка неожиданно вернулась, села на прежнее место, опустила голову. Богат приготовился к худшему, но никак не к тому, что действительно произошло. Вини показала серебряное кольцо, зажатое между большим и указательным пальцами, и не без ро-

бости, свойственной влюблённым восьмиклассницам, предложила:

– Женись на мне.

На какое-то время Богат разучился дышать. Тот, кто по ходу всего диалога рассчитывал каждый свой шаг, теперь наслаждался ветром внутри черепной коробки. Так быстро он ещё никого не окручивал.

Протяжно выдохнув, Вини разжала руку, выложив на стол то, что прятала. Блеск обманул. Кольцо на самом деле представляло собой свёрнутую проволоку – связку ключей. Если этот жест был осознанным и являл собой шутку, Богат бы рассмеялся. Но потому как не знал наверняка – молчал.

– Сейчас послушай, пожалуйста. Не перебивай. – Недавняя уверенность девушки развалилась ещё при первом упоминании чёрных риэлторов. Неловкость боролась с прытью, а не наоборот. – Тебе нужен приют, мне нужен муж. Ты был со мной честен, хочу ответить тем же... Я собираюсь уйти... из жизни. Для этого необходим провожающий. Обычно его роль исполняют супруг или супруга. Если нет, можно попросить госслужащего. Но с моим статусом не положено, понимаешь? После меня останется мой брат. Не хочу его опозорить. Расклад такой. Будь моим мужем и моим провожающим, а за это оставайся здесь столько, сколько понадобится. Как скоро думаешь восстановить бизнес? Месяца два? Три? Не хочу обременять тебя надолго, ведь статус женатого вряд ли способствует твоему... кхм, роду деятельности. А я

порой мелькаю в газетах. Пользуйся компьютером, интернетом, ешь еду, проси, если требуется куда-то подвезти. Я тебя не ограничиваю. Это ключи от дома, они твои. Хочешь – води подружек. Только чтобы в кабинет мой и спальню не заходили.

Вини мучительно долго ждала ответа. Загадывала, что эта третья история про неё и Богата войдёт в архивы как самая нелепая. Хотя сейчас даже не пьяная. А что? И волки сыты, и овцы целы. Когда все карты оказались на руках, она придумала отличную схему. Пускай и в такой обёртке. В конце концов, чтобы добыть золото, сначала приходится покопаться в грязи.

Богат мотал головой, упорно отказываясь усваивать такой объём информации сразу.

– Фиктивный брак?

– Ну да, очередной. Ты же...

– Погоди-погоди. Умереть? Серьёзно?

Пауза.

– Зачем?

Его беспокойство вытеснило простое детское любопытство. Как раньше телезрители смаковали подробности катастроф. Жаль, что это были не просто интересные сюжеты, а настоящие трагедии, где людей решетили осколки СВУ⁵, накрывали цунами, съедали пожары. Однако говорить, будто жалость испытывает большинство – кривить душой. О чём

⁵ СВУ – самодельное взрывное устройство.

жалеть или кого? Кто они им? Богат, как и Вини, родился в мире, где человечество обыграло смерть без шанса на реванш. Переступить черту случайно невозможно, а сцены самоубийства встречал лишь в художественных фильмах и книгах. Разумеется, знакомство с суицидницей, тем более из своего круга, взволновало. Даже привела в восторг. Как если бы она обернулась инопланетянкой, с голубой кожей, глазом во лбу. Расскажет кому – не поверят.

Заданный вопрос был риторическим, но Вини бегло пообещала:

– Потом расскажу. Ну, так что?

Прикусила язык. К спешке склоняло смущение, неудобное даже не как камешек в ботинке, но как мокрые брюки. Ослабила напор, отклоняясь на спинку стула.

– Не подумай, я не тороплю. Поговорим об этом завтра?

Богат поднял указательный палец, призывая к молчанию. Крошечные морщинки в уголках его глаз углублялись. Мыслительный процесс запущен, и эту машину не остановить. Нехорошо оставлять даму в тревожных сомнениях. Его дежурная улыбка расцвела, как если бы в волокнах тряпичной розы побежали живительные сахарные соки.

– А знаешь, я согласен. Звучит заманчиво.

Он повторил движение хозяйки, тоже подавшись назад. Вот только Богат действительно расслабился, а не имитировал непринуждённость. Восковая кукла по имени Вини окаменела.

– Но я не помню ритуала похорон. Как и обязанностей провожающего. У меня никто не умирал, ты понимаешь. Объяснишь же всё?

Кивок.

– Если подумать, я именно тот, кто тебе нужен. – Его глаза блестели всё ярче. Одна мысль наматывалась на другую. Растущий клубочек так и норовился размотаться, язык – расплестись. Только и сдерживай порыв, держи за зубами секреты фирмы. – Давай начистоту. Не чужие люди. К тому же жених и невеста. – От усмешки Богата у девушки пробежали мурашки по спине, но восковые куклы не вздрагивают. – Ты это для людей делаешь. Так вот, тут могу превысить полномочия, по старой дружбе. Я умею ухаживать. Коли ты не безызвестна, сделаю из нас идеальную пару.

Сто мыслей в секунду. Вيني нервничала бы меньше, оказалась она в том самом фильме перед тикающей коробкой с проводками, с плоскогубцами в руках. Здоровый скепсис подавлял проклятый авось. Последнего подпитывала эта скромная радость в карих глазах. Но она ведь сама предупредила, что иногда появляется в новостной сводке, пусть и чуть чаще, чем заметка о росте русского рубля. Его ухаживания – такая же рекламная компания, как её железная рука. Баш на баш. Но почему тогда так трудно выдохнуть?

– Да. Да, мы это позже обсудим, – сказала Вيني только потому, что надо было что-то сказать.

Она умоляла собеседника (разумеется, про себя) продол-

жить разговор, сотрясти воздух. Богат, не единожды назвавший себя Богом, её молитв не услышал. Взял ключи, разглядывая их с неприкрытой гордостью, и от этого девичья кожа вспыхнула поистине дьявольским жаром.

Норма по галантности на сегодня выполнена. С ноткой каприза в голосе Богат вступился за конструктив:

– Только я тоже должен оговорить заранее, а то в противном случае заброшу свой мешок на плечо и пойду восвояси. Как ты сказала? Месяц-два?.. Прости, Вيني, но прикинь сама, как это будет выглядеть. Новоявленный муж, и сразу вдовец. О будущем брата подумала, так теперь, будь добра, подумай о моём. Дай мне хотя бы год. Ближе к концу можно начать кормить твоих намерениями о самовыпеле. Разумеется, по безобидным причинам. Но не раньше, это точно... Должно выглядеть нормально, да. Потерпишь?

Либо Вيني уже умерла, и её хватило трупное окоченение, либо ушла в себя. Не успел Богат отмахнуть от себя этот мерзкий образ, муза фантазии покачала головой вправо-влево. Чуть ли не со скрипом. Его едва ли не перекосило. В самом деле, счёт идёт на дни, коли самоубийца торгуется? Интерес новоявленного женишка разгорелся ещё больше, как если бы на зажигалку дохнуло облаком пропана. Но он узнает об этом потом. Несмотря на душевный подъём, Богат внезапно почувствовал, насколько сильны тиски физического бессилия. Думать об этом перед сном ему никто не мешает. Главное сейчас – сошлись на компромиссе.

Богат пожелал своей невесте спокойной ночи и ушёл наверх, прихватив ключи. Вيني осталась слушать тишину. Вопреки ожиданиям, не затрясло. Очередное доказательство верности намерений. Хотя, казалось бы, сколько ещё надо? Чтобы ангел снизошёл с потолка и благословил, больно ткнув пальцем в грудь? Достаточно и равнодушия к этой тишине и страха, который должен был сопутствовать её предложению малознакомому мужчине, да так и не пришёл. Более того, позже Вيني даже не приснилась мама. Ничего не снилось.

Глава 3 – Свадьба

Пришла черед Богату сомневаться и подозревать. Спешке Вيني могла бы позавидовать даже дама в положении. Жених видел в этом какую-то чисто женскую тревогу, но разве на её лице можно было прочесть что-то за вселенской усталостью? Однако пиши для раздумий на столь короткий срок ему всё же хватило. Богат отдал борозды правления инициатору торжества. Ни копейки не вложил в конверт для руководительницы столичного ЗАГСа. Не скинулся на обручальные кольца. Даже за его новый костюм и туфли заплатила Вيني. А самое главное – это устраивало обоих. Более чем. Церемония бракосочетания была намечена уже на эти выходные. Только он и она. Так романтично.

Жених вертел в руках одутловатую коробочку. Поглаживал большим пальцем бархатистую поверхность, задумавшись о своём. Не заметил, что машина остановилась, пока Вيني не вернула его обратно в реальность.

– Прогуляемся?

Богат поднял глаза на лобовое стекло, ожидая увидеть широкое шоссе. А вместо него – баррикады с жестяными щитами, информирующими о ремонтных работах. Строительная фирма приносила извинения за доставленные неудобства, и пассажир принял их, пусть и не до конца. И без того значимость момента нулевая, а пеший маршрут до ЗАГСа на фоне

разбитого асфальта и курящих разнорабочих приводит нелепость действия в Абсолют.

А хуже всего спокойствие Вини. Мандража Богат и не ждал, но что-то должно было быть! Хоть что-то! Она ведь первый и последний раз идёт под венец. Невесту в ней выдавало разве что платье молочного цвета с россыпью прозрачных камушков в области декольте. Но элегантный наряд скрыт старой косухой. Вини не озаботилась покупкой белой меховой шубки. Могла себе позволить настоящий шедевр, с длинным шлейфом, кружевами из кристалльных нитей или же умными микро-капиллярами, чтоб на материи разыграла вьюга, закружились грозовые тучи. Нет, она предпочла проходной вариант с подолом до колена. И чтобы что? Чтобы ножка в хрустальной туфельке за ткань не зацепилась, когда перемахнёт через порожек Угунди и цокнет каблучком. Бездушная практичность.

Проспект широк, Москва огромна. Некогда переполненный муравейник, коммунальная квартира под открытым небом. Теперь – выставка творений рук человеческих, умом гибким ведомых. В камне и стекле закованы холодный расчёт, искусство, наука, сама история! Увитые вьюном пузатые балюстрады, картуши, пронизанные сетью трещин и облупившейся штукатурки, и следом же – дом культуры с витражами, переливающимися всеми оттенками зелёного даже в этот пасмурный день.

Никаких толп туристов. Да-да! Пусть смерть сегодня – на-

стоящее потрясение для родственников и друзей безвременно ушедшего, вопрос перенаселения контролируется жёстко, как сама медицина. Дышит по расписанию, с чьей-то сильной рукой на горле. Пуста Москва. Как деревня пуста. Вот и сейчас по дороге до ЗАГСа молодым, кроме рабочих, встретились разве что сладкая парочка да мальчик с мохнатым колобочком на плече – ручным хомячком.

Богат проникался знакомыми пейзажами. Со своей пятой связывался узами брака как раз по этому адресу. Залюбовавшись архитектурой, с опозданием заметил, что невеста ушла далеко вперёд. Вيني, зачарованная радужными бликами на носках туфель, кожей почувствовала, как кто-то хочет взять её за локоть. Успела одёрнуть руку в развороте. Только пальцы скользнули по куртке.

Поспешила замазать резкий жест улыбкой. Так натужно и кисло, что Богат едва не хмыкнул. С момента встречи так ни разу к ней и не прикоснулся. Тут же вспомнился выпускной. Тогда она трясла его спящего за плечо. Самое время усомниться, что там была Вيني. Та Вيني непринуждённо разговаривала, даже обнималась. Смеялась... А это кто? На ком он собрался жениться?

Кроткую боль от укола по самолюбию могло окупить разве что мимолётное развлечение. Не отставая, он игриво прочирикал:

– Эй, Вيني, как дела?

– Лучше всех. Представляешь, замуж выхожу. – Девушка

опустила глаза, но Богат успел уловить намёк на кокетливый прищур. В конце концов, внимание к деталям – ключевой навык его рода деятельности.

– Да ладно?! А за кого?

– За одного хорошего человека. Потом фото покажу.

– К слову, – жених обернулся к пустой улице. – Мы вроде балуемся для вида. Где гости? Где фотограф?

– Незачем. Это нормально для медийных личностей – сообщать о свадьбе или рождении ребёнка с запозданием. Я далеко не звезда, но шумиха мне ни к чему. Кольца не забыл?

– У меня.

Та рассеянно кивнула. Минутная слабость – оживлённость, интерес к происходящему, развеялась как дым ещё на предпоследней реплике. Богат же только начал. Как умел, прикрывал раздражение дружелюбным тоном:

– Вيني, а ты знаешь, что у мужа и жены не должно быть друг от друга секретов?.. У тебя, правда, никогда никого не было?

Вини плотнее сжала челюсти.

– Паспорт показать?

– Я не про брак. Я про парня. Первая любовь, все дела.

– Да, не было. Это всё?

Богат упивался её злостью, однако удовлетворение омрачала скользкая тревога. Интонация, с которой она процедила эту фразу, куда честнее детектора лжи. Выходит, в мире кроме религиозных фанатиков есть ещё и некто, за сотни лет не

вкусившие запретного плода. В копилку к её сумасшествию вместе с намерением свести счёты с жизнью добавилась бессердечность.

«Кто знает, прирежет меня, пока я сплю», – фантазировал мужчина. Вслух же произнёс:

– Что же, даже не целовалась ни разу?

Не сдержалась, скривила губы. Пиджак жениха вдруг показался ему нестерпимо колючим.

– А ты, стало быть, любил? – выстрелила она, слепо, как раненный в предсмертной агонии.

– Разумеется, любил.

– Я думала, альфонсу чувства к жертве не на руку.

– Это кто жертва?! И да, если ты не дурак, оно тебе и не мешает. Приятное с полезным, так сказать.

Чего уже барахтаться? Вини проиграла этот бой и собиралась оставшуюся часть пути молча мириться со своим поражением.

– Мне просто интересно, как это возможно, ты уж прости. Вроде не уродина, не снобка... Не думала о фамильцах?

Невеста нахмурила брови.

– Какие у тебя отношения с папой?

– Неподходящий момент. Не находишь?

Отвела взгляд в сторону, беззвучно вздохнула.

Однажды их класс повели в музей, на выставку типографии и публицистики двадцатого – двадцать пятого веков. Вيني с интересом разглядывала каждый экспонат. За стек-

лом с табличкой «нулевые двадцать первого» среди прочей макулатуры лежал раскрытый молодёжный журнал. Она навсегда запомнила фотографию девочки-эмо в рамке из гирлянды мультяшных человеческих черепов и розовых сердечек. Но больше прочего – прямоугольник-сноску. Вернее, текст в нём: «Если тебя имеют – лови момент!». Да, в те времена трэша хватало. Вини не знала, как оно на самом деле, но прямо сейчас чувствовала себя в этом самом угнетаемом положении. Психологическое насилие никто не отменял. Кроме того, Богат уже через год должен её убить. Вот Вини и расслабилась, хотя бы попыталась. Если брыкаться, только больнее будет. Это уже из эротического журнала.

– Они развелись сразу после рождения моего брата. Мне тогда было двадцать три. Папа уехал за границу. Мы не общались. Плохо помню. Не скучаю. М-м, нет. Нет-нет-нет.

Стыдно за болтливость, зато будто камень с души упал. Что уж поделать? Так это и работает.

– Мне мама вообще говорила, что любовь может быть только матери к ребёнку, – выдержала паузу. – Получается, моя жизнь – доказательство её правоты.

Богат задержался с ответом.

– Что же, она не читала тебе сказки? Про рыцарей и принцесс.

– Читала.

– И параллельно доносила тебе эту свою глубокую мысль перед сном? А утром, подавая отцу завтрак, целовала его в

губы?

Он уже подумал, что нащупал зерно, но поспешил с выводами.

– Мама стала так говорить только после того, как папа ушёл.

Уголки её губ предательски рвались чуть-чуть вверх, выдавая смущение в приступе откровенности. Встреться она с Богатом случайно по дороге в универмаг, такого бы не случилось. Но он в костюме, она в белом платье, и вместе они идут не абы куда, а во дворец бракосочетаний. Душевная лёгкость тёплым ветром вдохнула в неё жизнь.

– У тебя другое мнение?

– А?

– Не согласен про мать и ребёнка?

На его переносице выступили морщинки.

– С каких пор это аксиома?.. Оставим детей из детдома, как сделали их родители. Им до двадцати⁶ перекантоваться, только и всего. А если посмотреть на остальных? Не проходит и столетия, как предки и потомки становятся чужими. У всех своя личная жизнь. Будь мама дряхлой и немощной, одной ногой в могиле, цеплялась бы за дитя. И те поддерживали бы своих стариков, зная, что скорее раньше, чем позже, окажутся на их месте. Но теперь-то этого нет.

Богат, как профессиональный собеседник, эмоционально

⁶ В тридцатом веке возраст совершеннолетия составляет двадцать, а не восемнадцать лет.

не окрашивал слова, что ручьём текли из его уст. Словно ему это ничего не стоило.

– А... твои мама и па?..

– О, мы пришли! – он вскинул руки, ускорился.

Счёт шагов вверх по ступеням крыльца успокоил. Не первый и не последний раз Богат поднимается по ним. Её вопрос из вежливости породил в его мозгу пугающе отчётливую, гаденькую мыслишку – сожаление о предложении затянуть с похоронами. Утешает лишь то, что они друг другу не никто только на бумаге, за которой сейчас и идут. Злость обнулила прочие приятные моменты разговора. Хуже всего, что Вини сделала это не нарочно. Тыкала наугад, а попала в яблочко.

Глупые женщины недолго остаются зажиточными, если им выпала такая участь. С подобными он общих дел предпочитает не иметь. Вини не дура. Хватило краткого экскурса по видео конференций, протоколам научных ярмарок и записей международных переговоров, где упоминалось имя Винивиан Степанчик. Она в любом случае предусмотрела возможность оттяпать половину её счёта на следующий же день после свадьбы. Свидетельство о браке не даёт ему никаких гарантий... в этом случае не даёт.

Благо пустые надежды он давно не тешит. Такой орешек расщёлкивать ему ещё не приходилось. Взять хотя бы эту свадьбу, девятую по счёту. Однако, что ни говори, азарт решает всё. Предвкушение очередной победы одухотворяло. Точно император на пороге своих роскошных покоев, Богат

распахнул створчатые двери дворца семьи, любви и верности.

А ведь Богата опять развела бумажная машина бюрократии. И можно было бы самолично закупить той же заморской дряни и по проверенной на нём схеме уговорить жёнушку составить брачный договор под диктовку. Даже красть не придётся. Валяйся себе на кровати и торчи. Мужу бы стало не зашло даже принести стакан воды. Всё-таки свадебная клятва содержала в том числе обещание оказывать посильную помощь и в болезни, и в здравии. Ужасные мысли, дрянные. Однако будем благоразумны. Можно ли назвать кровожадным маньяком зрителя фильмов ужасов, где псих с мачете рубит людей на куски, подвешивает на крюках как поросят? Совесть Богата уверяла: «Нет». Да и мысли эти пролетели мельком. Их вытеснила речь регистратора – миленькой девушки с цветочной татуировкой на шее. Сразу видно – дитя вечных праздников.

Жених выучил сценарий наизусть. За две минуты до конца, стоя плечом к плечу с невестой, покосился на неё. То, что увидел в некогда тусклых глазах, зажгло в душе огонь зло-

радства, при этом вызвав шальной приступ жалости. Богат вернул внимание к красоте за стойкой, пристыдил себя, но так и не определился, за что. Взгляд Вيني, вопреки стараниям держать лицо, сквозил печалью и страхом. Без минуты муж классифицировал его не как тень испуга или отклик боли, например. Так на мир смотрит человек, что со дня-на день стартует с больничной койки напрямик в ад. Человек, внезапно осознавший трагизм жизни как явления, бедственность своего положения. Меж тем несчастный винил не костлявую с косой, не врагов и весь мир. Лишь себя одного, и это страшнее всего. Смерти для избавления от мучений будет недостаточно. Поступки твои – почва судеб будущих. Вот оно – проклятье.

Богат не знал, как сильно под корсетом платья трепыхалось сердце невесты. Значимость события только сейчас накрыла её, водрузилось на плечи, провернув интересные метаморфозы с восприятием реальности. Вيني внимала каждому слову регистратора, но параллельно с этим видела перед собой другую картину, поверх этой. Точно фильм, спроецированный на пыльном окне. Более того, являлась главным действующим лицом.

Фантазия обрядила девушку за стойкой в белый халат, а золотой герб над её головой, сияющий в свете старинных люстр, превратила в хирургический светильник. На столике врача ручку и планшет заменили пинцет и железный поддон. На поддоне – бессмертное сердце, символ новой эры, глав-

ное достояние человечества. Мясная машина, нашпигованная металлическими чипами, чувствительными волосками, миллиардами микрокапсул и ещё Бог знает чем. Бог и медики. Под одну только тему о строении модифицированного сердца отведена целая дисциплина на пять сессий.

Дар природы с ограниченным сроком годности заменяют вечным двигателем каждому новорождённому на седьмой день жизни. Стандартная процедура, но, как и все груднички, маленькая Вини боялась холода операционного стола и возвещала мир об этом громким плачем. И если регистратор в этом фильме – кардиохирург, Богат – интерн. Он рядом, внимательно следит за подготовкой к операции и не собирается спасать ребёнка от гибели. От смерти на пару минут ради жизни вечной.

Можно утопить человека в серной кислоте, раздавить бетонными плитами, разорвать на атомы. Каково будет ваше удивление, когда в кроваво-костной жиже вы, свидетели, найдёте невредимое бьющееся сердце? По закону патологоанатомы забирают его с места трагедии, печатают с нуля кости, мышцы, даже жир. Неделя-другая, и почивший покидает стены медучреждения целый и невредимый. У него три заботы: отблагодарить спасителей коньяком и конфетами, расписать любопытным гамму чувств, которые испытал в момент гибели и после него (да, новое сердце умеет не только обновлять клетки тела, но и запоминать), наваять объяснительную за прогул.

После разрушительной войны с ИИ⁷, а, может, за ликвидацией возможностей для убийства, люди подобрали. Что толку теперь грозиться оружием, правда? Однако дар бессмертия легко обернулся бы проклятием для всего человечества, скорее раньше, чем позже. В качестве билета на тот свет оставили яд – в народе прозван Баят. Остановка сердца запрограммирована исключительно на засекреченную химическую формулу. Безусловно, многие талантливые умы вопреки тотальному запрету на распространение смертельного вещества подпольно пытаются синтезировать аналог. Но бес побери, изобретателю этой штуки, должно быть, помогал лично дьявол. Изготовление самых сложно добываемых наркотиков по сравнению с этим – игра в песочнице, пока в глухой Сибирской тайге завербованные лаборанты превращают воду в Божье вино. У энтузиастов закрадываются сомнения, что в Баяте намешано заклятие, проклятая душа, слёзы русалки и кровь инопланетянина. Правда одна – стоило вколоть адский коктейль в человеческое сердце, как тот же адреналин в любимом боевике, и оно наконец-то останавливалось.

Вопреки здравому смыслу, перед глазами Вины сейчас разворачивались её собственные похороны. Инстинктивный животный страх тугой болью сжал горло и вышел из-под контроля окончательно, когда Богат схватил шприц со стола и замахнулся над ней. Девушка не закричала, но вздрогнула,

⁷ ИИ – искусственный интеллект

закрывая грудь. Белый букетик с чёрной, как уголь, ленточкой, мягко ткнулся ей в подбородок, дыхнув тонким ароматом осенних ландышей. Жених растерянно сморгнул. Вيني разглядела зажатое в его пальцах колечко. Подала механическую руку.

Богат помедлил:

«А знает, что надо на правую? Так торопится развесть?».

Вопреки опасениям, хоть украшение смотрелось на протезе несуразно, легло, как влитое. Жениху вспомнилась сказка о сердечной артерии, что якобы проходит в безымянном пальце. Может, поэтому не познала настоящих чувств? Более того, рука эта не дрожала, пока мужчина её держал.

«Потому что не чувствует моих прикосновений», – печально заключил он про себя.

Доказательством выступило то, как она надевала кольцо. Маялась, будто кожа жениха источала яд. Но нанизывала со свойственной женщинам аккуратностью, придерживая его ладонь искусственной рукой. Это даже не игра в недотрогу. Это какой-то новый уровень. Новый уровень душевного нездоровья. Финальный поцелуй вообще мог бы стать цирком с конями. Оттого Богат лишь прижался щекой к её щеке, издав звонкий чмок.

Минутой позже молодые покинули дворец бракосочетаний в новом статусе. Никто не осыпал их алыми лепестками и пшеном, не аплодировал. Бывшие, затесавшиеся в тол-

пе несуществующих гостей, не заговаривали, чтоб жених с невестой на руках навернулся на ступеньках. Богата и Вини (сохранившую свою фамилию) встретили только строители на другой стороне улицы, орудующие отбойным молотком и, как ни странно, кувалдами.

– Ну что, с почином! – поздравил муженёк свою новую жену, замедляя шаг. – Такой момент стоит запечатлеть, пока от ЗАГСа не отошли.

Вини остановилась, будто перед ней земля провалилась.

– Уже?

– Уже. Будет первой фотографией в нашем семейном альбоме. Девушка! А, девушка! – окликнул он случайную прохожую, вытягивая из кармана телефон. – Снимите нас, будьте добры.

Отзывчивая молча приняла аппарат. Невеста инстинктивно отодвинулась от своего жениха. Склонив голову, он зашептал ей на ухо:

– Не знаю, чего ты добиваешься, но давай оставим это, ладно?

Неожиданно для самой себя Вини подняла на него глаза, отливающие селёдочным блеском. Слова резанули холодной сталью, зато привели в чувства. Гордо выпрямившись, приблизилась вплотную. Как только его рука деликатно обвила её талию, надела маску довольного человека. Богат не видел, но почувствовал, как тело под его ладонью вытянулось струной. Только фотограф опустила телефон, Вини выпорхнула

из объятий.

Первую брачную ночь муж провёл в одиночестве. Конечно, если не считать двух нимф из мира грёз. Белокурые феи с крыльями бабочки за спиной любили его на мягкой траве в волшебном лесу, а потом одна из них, что с придыханием звала его не иначе, как «мой сердцеед», зубами выгрызла ему сердце. Истошно заорав, Богат подскочил, запутался в зелёных шёлковых простынях. Захлопал по груди, но поднес ладони к лицу, не обнаружил ни крови, ни отпечатков помады. Кошмары – редкие визитёры. Пришлось ещё прислушаться к тишине, чтобы отогнать морок окончательно. Развалившись на пуховых подушках, любовался зарёй за окном. Пульс медленно настраивался на спокойный лад.

Дубовая дверь в спальню Вини заблокировала все звуки. Муж не рискнул заглянуть, но и на первом этаже жены ожидаемо не нашёл. Восход только зарделся. Идею, будто ушла на работу затемно, опровергала пословица: «Начальники не опаздывают». Заниматься бизнесом в первый же день Богат не рассчитывал. С утра пораньше хозяйничал на кухне. Организовал себе сытный завтрак, кушал и, когда через столо-

вую прошла Вини, спину не выпрямил.

– Доброе утро?

– Доброе.

Не задерживаясь, проплыла мимо. Вскоре вернулась с чашечкой чая и круасаном на блюдечке. Тихонько подседа. Никто не маялся от неловкости, просыпая крошки мимо тарелки или дзинькая ложечками. Завтракали, как семья. Или ещё лучше, как незнакомцы за соседними столиками кафе. Пыльная бронза рассвета, обрамляющая каждую линию убранства, способствовала ленивой неге.

– Есть планы на сегодня?

– Да вроде нет. – Богат идентифицировал этот вопрос как сказанный между прочим, и ответил также.

Вини удивила:

– Славно. Поедем к нотариусу.

С этой фразой сонливость как ветром сдуло.

– Зачем?

– Составлять брачный договор.

Девушка откусила румяное тесто. Богат не смог скрыть раздражения.

– Свадьба ведь только вчера была, Боже!

– Ты же сам сказал, что не занят. Чего тянуть? Какие-то проблемы? – не без лукавства произнесла она.

Богат по-лисьи прищурил глаза, сказал деловито:

– Нет. Никаких проблем.

Отхлёбывая кофе, отрезал себе обзор ободком чашки. По

такому случаю Вини позволила себе на секунду примерить злость.

Через пару часов Богат сидел в дутом кожаном кресле посреди кабинета, обитого сосновыми панелями и изумрудным сукном, прожигал взглядом бумагу без единой подписи. Вини и её нотариус («Зовите меня Михайло, дорогой друг») внимательно следили за ним, как за беспокойным ребёнком. Поза с закинутой на колено ногой и спиной к спинке являла свойственную ему хроническую истому, однако сейчас ни одна пьяная женщина не понадеялась бы на лёгкую беседу с этим молодым человеком, окажись он в ночном клубе. Протяжно выдохнув, зачитал вслух:

– Так... «Мы, нижеподписавшиеся граждане Богат Громыка, проживающий...» кхм... «и Винивиан Степанчик, проживающая...», «именуемые в дальнейшем супругами, заключили настоящий договор о следующем...» бла-бла. О! «При прекращении действия настоящего договора по случаю добровольного ухода из жизни вышеназванной Винивиан Степанчик...»

Богат перевёл глаза от жены к нотариусу и обратно. Та расшифровала причину его колебания.

– Он знает.

Получив тем самым разрешение на чтение, продолжил:

– «При прекращении действия настоящего договора по случаю добровольного ухода из жизни вышеназванной Винивиан Степанчик нажитое ей движимое, недвижимое, циф-

ровое и интеллектуальное имущество распределить следующим образом». – Богат повысил голос. – «Сорок процентов активов передать Русскому Государственному Благотворительному Фонду, тридцать процентов перевести на счёт Витариарха Степанчик (брата), пятнадцать процентов завещать Богату Громыка (мужу), тринадцать процентов зарезервировать на исполнение последней воли и два процента законсервировать в качестве уплаты вышеназванному нотариусу за услуги по переводу имущества в финансовый эквивалент. Настоящее положение имеет равную юридическую силу с приложенным завещанием номер...»

От взгляда супруга Вини вдруг стало не по себе.

– Нормально? – опасливо уточнила она.

– Это шутка? Сорок процентов?! Больше, чем родному брату?

Ему было глубоко плевать на некоего Витариарха, и сумма, отстёгнутая братишке как две, обещанной ему, огорчала почти также, как половина счёта, спущенная в не отслеживаемые потоки. Вини в трудную минуту обратилась за помощью не к брату, и тем более не к дядькам в футболках из переработанного волокна. И вот её благодарность? Пятнадцать процентов? Даже не округлила для приличия! Богат прикидывал в уме размер сорванного куша. Северная комната с антиквариатом? Угунди без литых дисков?

Вини держала ситуацию за горло, но она трепыхалась в её руках. Однозначная реакция мужа на содержание договора

подтвердила худшие опасения. Украдкой глянула на Михайло. Будто он своей бюрократической силой сделает так, чтобы время отмоталось назад, и она не связывала себя с этим аферистом. Хуже всего – гадкое чувство, физически осязаемое. Железистый привкус предательства. Перед глазами возник образ беззаботного молодого студента. Лицо взрослого мужчины, кто, когда это было нужно больше всего, явился дьяволом на перекрёстке жизни. Кому она по собственной глупости второпях доверила самое важное.

Богат и Вини – две обиженки. Со всеми способностями к самоконтролю едва скрывали негодование. Воздух наэлектризовался. У Михайло от возникшего напряжения волосы бы встали дыбом, если б его не отвлекали навязчивые мысли о сигарете за ухом. Клиент будто прочёл мысли нотариуса. Заколдовав жену глазами, расплылся в оскале. Страх, засквозивший в её взгляде, сделал улыбку ещё шире. Богат в ответ на жадность открыл Вини облик, который доселе примерял перед своими пассиями только в формате шутки или ролевой игры. Хищник. Волк в овечьей шкуре. Девушка сейчас узнала бы в яркой эмоции черты маньяков из фильмов ужасов, если бы смятение не вышибло все мысли.

– Что ж, звучит справедливо! – подытожил Богат с показушной дерзостью, размахивая руками.

Кожа кресла жены громко заскрипела под её ногтями. Оборона храма души терпела последние потери. Этикет, жизненные установки и отличительные черты личности по-

давляла обречённость оленёнка под прицелом. Если легенды не врут, и в далёком прошлом все женщины были ведьмами, унаследованные способности Вини открылись только сейчас. Предчувствие плохого запылало в груди. Девушка просто отпустила взгляд блуждать по обуви, одежде, причёске муженька, будто надеялась что-то найти. Потеря контроля над происходящим приводила в ужас.

Богат, ещё в студенчестве разглядевший Ахиллесову пяту Винивиан Степанчик, сдерживался, чтобы не захохотать. Женское воображение – недооценённый рычаг.

– Чего застыл, командир? Давай ручку.

Не дожидаясь, Богат сам потянулся к столу за письменной принадлежностью. Черкнул у своей фамилии. Листочек смялся под размашистой подписью.

Глава 4 – Торжество для преступников

Богат был ночным гостем. Ручался, что наслаждался женским обществом, соблюдая все меры предосторожности.

– Не волнуйся, Вини. Никто не узнает.

Но этот повод для тревоги отошёл на второй план после шоу в кабинете нотариуса. Сама же подвела его к своим деньгам, дала ключики от всех дверей. Только что не ткнула пальцем, который под какой замок вырезали. Богат некогда насобирал со своих любовниц на пентхауз. С прибыльным бизнесом он ел и пил, снаряжался мебелью, дизайнерскими шмотками и техникой. Должно быть, его гордость за умение найти подход к любой более чем оправдана, и истина эта для Вини ничего хорошего не обещала.

Если внешний мир не давал ей пищи для размышлений, копалась в себе. Вы могли бы застать, как она время от времени шипит и морщится, закрывает лицо руками, нервно зарывается пальцами в волосы. Но не застанете. Замглав «Органостали» разрешала себе предаваться эмоциям исключительно в одиночестве. На этот счёт уверенной она могла быть по отношению к трём местам – Угунди, ванной, постели.

Сам для себя человек – его мысли, для других – его поступки. Несмотря на похождения Богата, по совместному

профилю в интернете их никак нельзя заподозрить в липовом браке. Уже через день после того, как первая фотография была залита на страничку, две газеты и журнал украсили ею свои статьи.

«Заместитель генерального директора крупнейшей русской компании по производству механических протезов распрощалась со статусом холостячки. Избранником Винививан Степанчик стал некий Богат Громыка – бывший сокурсник. Пара объявила о своём новом статусе постфактум, опубликовав пост в социальных сетях. Согласно информации из первоисточников, молодожёны провели приватную церемонию. «Вы понимаете, счастье любит тишину. Как я тебя люблю», – пишет Богат под их первой совместной фотографией».

Профиль регулярно обновлялся. Просматривая его, Вини завидовала самой себе. Ловелас умел создавать романтику без больших затрат. Пока другие пары вещают с островов, заливая в новостную ленту шампанское, розы и кабриолеты, Богат делал ставку на уют. Играть жаркую, безумную любовь с его нынешней пассией нельзя. В их случае лучше быть, а не казаться. Он зажигал в гостиной, где они играли в настолки, свечи. Пока она готовит, подходил сзади, вручал поздний полевой цветочек. Ловил моменты в объектив. Всё, чтобы мимолётная улыбка счастливицы выглядела натуральнее. Как по методичке, Богат запечатлевал их выходы в свет. Вот они отдыхают в парке. Теперь вкушают крабов в ресторане.

Последний раз муж заказал скрипача для красивого кадра.

– Ты был фотографом? – осведомлялась Вини, наслаждаясь звоном струн. В ответ на скептически выгнутую бровь Богата добавила. – Твои посты выглядят профессионально.

– Обижаешь. Не обязательно быть поваром, чтобы вкусно готовить. На сколько оплачен музыкант?

– Ещё пять минут.

– Тогда поспешим. Будь любезна, обнови бокалы, – попросил Богат, а сам занялся поправлением еловой композиции на столе.

Подписчики, разумеется, этот диалог не застали. Им позволили увидеть кинематографичный снимок, где мужчина и женщина чокаются.

В свободную минуту Вини заглядывала в профиль, который вёл Богат. Листая одни и те же записи, рассчитывала на укор совести, но проникалась лишь светлой грустью. Приятно читать эту историю, добрую, как рождественская сказка. Возможно потому, что девушка на фотографиях и видео-записях воспринималась как совершенно посторонний человек. Всего лишь роль. Очень посредственная актриса, зато актёр вытягивает. В том числе режиссуру. Так и хотелось воскликнуть: «Дура, он же так любит тебя!». Маме тоже бы понравилось. Она одобрила выбор дочери, когда та описала его так, как он представлен миру. Решён вопрос с провожающим – слава Богу.

Богат мог стараться исключительно для образа. Однако

когда камера выключалась, он с охотой соглашался на следующую партию в покер. Рубился до самой ночи за суховатые безе. Запечатлев прогулку в парке, принимал приглашение пойти покормить уток. Всё это можно списать на любовь к маленьким приключениям. И Вини списывала, приятно проводила с ним время. Лучик света в её замке Дракулы.

Лёд не таял, но постепенно стал искриться в солнечных бликах. Богат и не ждал, что будет легко. На то, чтобы жёнушка по зову сердца вознамерилась внести коррективы в своё завещание, отведён целый год. Более чем достаточно. Вини продолжала уходить от его как будто бы случайных прикосновений и, как и прежде, деревенела в объятиях для камеры. Пусть. Главное – они уже почти друзья.

Чтобы элемент неожиданности возымел должный эффект, Богат подгадал момент, когда в доме установится стабильно тёплый климат. Воскресное утро после беседы о современном искусстве за ужином – самое оно. Просидел в гостиной, рассчитывая, что жена скоро спустится. Для воплощения его планов и общего комфорта Вини пора было внести ясность по поводу её страха физических контактов. Обновить карты, чтобы сделать следующий ход. А то и сбросить козырь, если потребуется. Богат продумал все возможные сценарии, в том числе религиозный и редкой формы паранойи.

Так и прождал полчаса. Вини не спускалась. Тогда сам заглянул в её спальню. Потом в другие комнаты.

Никого.

Каменные каблуки не цокали – грохали о литой пол. Щёки Вини зарумянились под пудрой, мерещились недовольные взгляды. Пространство под стеклянным куполом наполнено множеством посторонних шумов – шелест ветра в решётках кондиционеров, перекликанья говорящих электронных табло, рокот колёсиков чемоданов. Да и сам воздух из-за габаритов аэропорта обрёл голос. Чужие речи, шаги, клацанье клавиш под руками кассиров впитывались в стены. Оставались здесь навсегда.

Вини перестала тревожиться по надуманному поводу, когда её нога ступила на пробковый пол кофейни. В столь ранний час, несмотря на то, что Москва никогда не спит, в заведении была лишь пара молодых людей, потягивающих кофе за барной стойкой. Увлечённые беседой, они не обратили внимания на новую посетительницу. Из-за поясов не выглядывали рукоятки пистолетов. А чего ожидала? Антенны рации, торчащей из кармана, и рубашки с надписью на спине: «Нужен киллер? Звони!»?

Один из парней обернулся. Вини продефилировала мимо,

глядя прямо перед собой. Точнее, в окно. За ним белели громадные железные птицы. А по эту сторону одинокая девушка с улыбкой лопала палочкой пузырьки капучино в бумажном стаканчике.

– Тара Луз? – перестраховалась Вини, подойдя к столику.

– А здесь есть кто-то ещё?

Подсела, машинально отбрасывая упавшую на плечо прядь железной рукой. К этой встрече подготовилась основательно. Её каждодневный наряд ограничивается деловыми костюмами, а в свободное время она отдаёт предпочтение чему-то неброскому и удобному. Кому бы то ни было Винивиан Степанчик интересна исключительно в профессиональной сфере. Никто не фотографирует за пределами конференц-залов и деловых ярмарок. Потому и не боится опозориться неподобающим внешним видом. Это за деятелями шоу-бизнеса охотятся папарацци, что спят и видят, как бы запечатлеть очередную звёздочку в лосинах с растянутыми коленками. Даже если Вини однажды бы проснулась по-настоящему знаменитой, общественность упрекнула бы её разве что в консерватизме и серости. Гардероб составляют исключительно брендовые вещи без принтов и ярких цветов. При этом в особенные случаи не стесняется шпилек, блестящего гребня в аккуратной причёске, платьев с декольте. Поддержание имиджа – такая же её прямая обязанность, как бумажная волокита, и Вини научилась играть настоящую женщину вполне сносно. Но в любую удобную минуту облачает-

ся в свитшоты с джинсами и спортивную обувь.

Сегодня должна была превзойти саму себя, чтобы поддерживать легенду. И при подготовке к светским приёмам Вини остаётся верна естественному макияжу, постельным тонам. Сейчас же нанесла помаду вызывающего цвета. Полночи искала маникюрную машинку, чтобы та ей сделала длинные ногти. Даже надела эти жутко неудобные туфли, которых под столом и не видно. Девушки молча изучали друг друга.

Вопрос выхода на бывшую Богата, у которой накануне была свадьба, решился на раз-два и стоил сущие копейки. Выписав женские имена в его паспорте, новая супруга обратилась к той же даме из ЗАГСа, чтобы пробила по своей базе. Три поисковых запроса, и вот Вини набирает телефонный номер. Представившись в своём новом статусе, получила соболезнования и согласие на встречу.

Тара позвала в аэропорт. Мол, проездом. Откуда летит и куда – всё равно. Интересно одно. Та, кто живёт перелётами, в столь ранний час цвела и пахла майской розой. Материал, из которого сшита её сиреневая блузка, очень быстро мнётся и после ночи в самолёте должен был превратиться в макет Карпатских гор. А на ней сидела как после вешалки. Из укладки не выбивается ни одна волосинка. Чемодана рядом тоже нет.

Логика подкидывала варианты. Скорее всего, багаж в камере хранения. Возможно, она воспользовалась комнатой отдыха, чтобы привести себя в порядок. Но если бы Вини

считалась с жизнью как с другом, искренним и верным, не удержалась бы на плаву. Один раз попыталась заговорить с Богатом о его похищении. Тогда он деликатно отмахнулся. Второй раз надавила сильнее – повеяло злостью. Больше здесь копать было нельзя, потому пошла другим путём, в обход.

Дорога привела в аэропорт, к роскошной брюнетке, на вид ровеснице, и это была единственная их общая черта. Вини прикидывала, может ли такая фифа сидеть в кабинете где-нибудь на окраине Москвы и перебирать доверенности, пока за стенкой обрабатывают следующего «клиента»? Могла ли отомстить таким образом бывшему в качестве свадебного подарка себе? И, глядя в эти глаза, Вини склонялась к положительному ответу. С того дня, как Богата выкинули на мороз, прошло чуть больше месяца. Если Тара имеет к произошедшему прямое отношение, её, конечно, должно смутить, что новая пассия альфонса непременно захотела встретиться без объяснения причин: «Это не телефонный разговор».

Вини сдерживалась, чтобы не оборачиваться. Возле стойки мирно беседовали всё те же парни. Если Таре не было до них дела, это не значит, что они не с ней. Меньше всего с утра пораньше хотелось получить пулю в затылок. Говорят, это больно.

– Ненадолго, надеюсь? – протянула Тара равнодушно. – У меня самолёт.

– О нет, надолго я вас не задержу.

– Фу, что за фамильярности? Оставь. Мы как-никак в одной лодке.

– Ах, да, – замялась Вина. Природной зажатости, томящейся глубоко в душе, не терпелось вырваться наружу. На свой бенефис. – Мы лично не знакомы, но так получилось, что ты единственная, кто может мне помочь.

Во взгляде Тары мелькнул интерес.

– В общем, у тебя месяц назад была свадьба. Богат туда ходил.

Хоть фраза звучала утвердительно, собеседница кивнула.

– Не знаю, приглашала ли ты его... уже неважно. До нашей свадьбы оставались считанные дни, а тут такое. Упёрся. «Пойду», и всё тут! Я против была. Думаю, понимаешь... Мы поссорились. Уехал. Я за ним. Сидела в машине, говорила по телефону, просила выйти. Сама в зал не вошла. Вот ещё, бегать за ним! – Вина знала, что драма в её исполнении правдоподобной не получится, потому для вида прикрыла глаза и медленно выдохнула. – Не спустился. Ещё и нажрался. Я огорчилась, так сказать, и... Боже, как стыдно... Меня заметил какой-то парень. Кто-то из гостей. Утешил. Короче, помоги мне его найти.

Тара то ли играла какую-то свою роль, и играла очень хорошо, то ли боролась с сонливостью, поэтому спросила:

– На кой?

– Я в положении.

Признание взбодрило.

– Ты типа хочешь сказать?..

– Да.

Тара ни с того ни с сего расхохоталась. Похоже, сказка ей понравилась. Вини почувствовала, что те двое смотрят на них, и краска на её лице проступила даже через пудру. А может выстрел в спину – это не так уж и плохо?

– Ты прости, – извинялась девушка в сиреновом. – Просто Богат, скажу по секрету, – редкостный мудака. Когда он лагает, у меня душа поёт.

Вини молчала, потупившись.

– Слушай, а у вас, правда, всё серьёзно? Вот прямо любовь, все дела? – Тара не пыталась выдавить из себя и толики сочувствия и теперь просто наслаждалась происходящим.

– Ну, я как бы жена его.

– Так и в чём проблема?

– В смысле? – Вини почувствовала раздражение. – Экспертиза.

С числом детей сейчас строго. Ещё до рождения в обязательном порядке проводится тест ДНК, чтобы записать ребёнка на конкретного отца. Если у него уже оказывается двое живых детей, для избавления от третьего маму кормят таблеточкой. Жестоко, конечно. А думать надо было раньше!

– Не хочу, чтобы вскрылось так, – подливала Вини. – Чем раньше разрешу, тем лучше.

Тара отмахнулась, попивая кофе.

– Не об этом речь. Я про аборт.

– Нет. Убить собственного ребёнка! – Да, в этой истории Вины – ярая противница такого вида контрацепции. Без лишних подробностей. Так сказать, дала простор фантазии. Детство в консервативной семье или трагическая ошибка прошлого – путь выбирает на своё усмотрение.

Новоявленная «мамаша» молча стерпела пренебрежительный взгляд Тары.

– Извини, мне просто очень интересно. И какой у тебя план? Семью с ним строить?

– Это уже мои проблемы. Я совершила ошибку и собираюсь разобраться с ней сама. Всё, что хочу у тебя попросить, это имя. Конечно, может показаться, будто ты тем самым подставляешь своего друга. Но и ты меня пойми. Единственное, на что я могу надеяться, так только на твою женскую солидарность.

Тара с минуту подумала о чём-то своём. Нечитаемые мысли проносились в хитрющих глазах, а пальцы крутили уже пустой стаканчик.

– Как он выглядел?

– Вечер. В машине было темно.

– Да-а, подруга. Ну, хоть голос? Или что угодно. Я не знаю... Что говорил?

– Не помню. Я пьяная была.

– Пьяная? За рулём?

– Мы поссорились, говорю же! Ты же не расскажешь? Никому не расскажешь, правда? – она позволила искреннему

страху просочиться через поток лжи.

– А что, надо? – ухмыльнулась та.

– Нет!

– На нет и суда нет. Только трудно этого не сделать. Характеристики ноль, и мне что, придётся посвятить в твои похождения всех мужчин в моём окружении?

– Я за одно зацепилась. Он хвастался, что работает с недвижимостью.

Вини внимательно проследила за реакцией Тары. Если она заварила всю эту кашу, сейчас должна была раскрыть обман, понять истинные мотивы. Вопреки опасениям, на лице собеседницы расцвела улыбка узнавания.

– А, этот может, да, – она заглянула ей в глаза. – Ты очень глупая, Вини. А глупым надо помогать. Тем более, не могу упустить такой возможности. Пишешь?

Тара предоставила имя предполагаемого отца. Распинаясь благодарностями, поддерживая образ провинившейся девочки, Вини поспешила удалиться. Тех двоих в кофейне уже не было.

Сырой ветер, пригнавший ночь с Востока, трепал завитые локоны. Увлекал в вальс выброшенные мимо урны фантики и полиэтиленовые комья. С невозмутимым видом Вини попивала горячий чай, устроившись на капоте Угунди. Нарочито скучающе разглядывала вывески по ту сторону улицы, в том числе золотые буквы «Global project».

Офис риэлтерской компании занимал первый этаж многоквартирного жилого дома. Его пустые окна, завешенные тенью, вступали в контраст с тёплым светом семейных гнёздышек. Разыгравшееся воображение рисовало, как в этих чёрных провалах истязают несчастных, так же, как её... да, можно сказать, друга. «Сожитель» звучит отвратительно, «муж», «супруг» годится на людях, а это слово – вполне себе нейтральное. Он стонал, боля в угаре, а местные домочадцы наверняка сетовали на любвеобильных соседей.

Выходной Вини провела в интернет-кафе – боялась копать со своего домашнего компьютера. Разумеется, никаких следов. Тупик... был бы, не будь у Вини имени, состава преступления и крупного банковского счёта. Подумав не час и не два, связалась со своим нотариусом, чтобы тот порекомендовал надёжного человека.

Глава 5 – Хороший тамада

Вини не рассказала, где провела воскресенье, а Богат не тот, кто вправе допытываться. Не считая начальника, который мог без зазрения совести выказывать ей недовольства, таким человеком была только мама. Перед каждым «звонком на тот свет», дверь кабинета плотно закрывается, и гостю остаётся лишь гадать. Прикладывая ухо, слышал шум своей крови. Как бы интерес не превалировал, не рискнул приоткрыть. Если заметит – конец образу. Времени и так не то чтобы много. Любая оплошность фатальна. Тем более на старте.

Вини могла бы похвастаться маме своей находчивостью, тем, как решает взрослые проблемы. Не сделала этого по трём причинам: до конца не разрулила, влезла, куда не просили, и самое главное, выставила себя дамой легкомысленной, если выразаться литературно. И без маминых нравов учений терзалась сомнениями. Машина времени до сих пор не изобретена – вернуться в прошлое нельзя. Расслышали ли посетители кофейни пикантные подробности её выдуманной личной жизни? Узнали ли в ней женщину из списка Гропс?

Да и вообще, с какой стати Богата с праздника должен был увести кто-то из гостей? Он с ней ничем не делится. Даже адреса не называет. В паспорте только Подмосковная общага. Вини воспользовалась бы премиальным доступом к Русской

Базе Недвижимости и пробила бы пентхауз. Не без помощи нотариуса и его дружка программиста быстро вышла бы на этих риэлторов, даже если объект уже сто раз передоверили. Но нет, приходится додумывать и играть невесть кого.

– Делать мне больше нечего, – бурчала Вини. – Упёртый баран.

Не верилось, что Богат может допитаться до потери сознания. Ему, интригану, никак нельзя терять бдительность, тем более в обществе обиженной им женщины. Оттого и не получалось представить, как этого жука разводят на прогулку до чужого автомобиля. «Я стал жертвой чёрных риэлторов. Меня похитили со свадьбы моей бывшей», – слова, заученные, как мантра, безостановочно вертелись в голове Вини, усиливая мигрень. Какая сцена кроется за признанием? Именно та, где Богата опоили и украли, как банкноту из праздничной коробки.

Всякий ресторан снаружи и внутри напичкан камерами. Никто бы не рискнул нападать. Да и затесаться среди гостей можно, когда все уже пьяные. Заглянуть под конец, и тут же уйти, волоча одного – слишком подозрительно. Следовательно, это были не случайные люди.

– Пентхауз – редкий куш. Знали, кого брать! Или... или там собрался бомонд, что куда ни плюнь?.. Женился на Таре, значит, она при деньгах. Какова вероятность, что такая водится с низшим классом?

Натасканная снами, где механическая рука против воли

хозяйки подписывает бумаги о передаче всех своих активов незнакомым людям, что грозно нависает над ней, Вина стала чаще говорить сама с собой. У глухих стен её кабинета в головном офисе, вопреки стереотипам, нет ушей. Так, заполняя отчёты и разгребая кипы бумаг, она вдруг замирала, воодушевленная очередным озарением. И тут же осекала, нажимая на другую чашу весов.

Паранойя маячила уже не так далеко. Топтание на месте породило шальные домыслы, будто никакого пентхауса нет и не было. Будто это хитрая уловка плута, чтобы она прониклась. Как прибрежная волна, одно предположение обрушилось на предыдущее. Приходило и уходило.

Дорожки сводились в одну – это знакомый Таре человек, по совместительству, риэлтор. Вопрос в том, соучастница бывшая, или даже заказчик, оставался открытым.

– А если не риэлтор? – осенило Вина на пороге собственного дома. Догадка напугала настолько, что из-за дрожи попала ключом в скважину только с третьего раза. – Если некто, кому поручили грязную работу? Просто завербовали одного из гостей. И это на самом деле садовник. Или курьер. Или беллетрист. А то, что на свадьбе нашёлся риэлтор – простое совпадение.

Богат отметил, что Вина уже не первый день ходила погруженная в себя, но при этом оставалась паинькой. Хотя бы тот случай, когда привёл девушку из ночного клуба, а жёнушка, вернувшись с работы в самый неподходящий мо-

мент, кошкой прошмыгнула в свою спальню, тоже на втором этаже. Так получилось, дверь он не прикрыл. На следующее утро супруг поспешил объясниться. Заодно проверить, держит ли та свои обещания.

– Я вам не помешала? – обернулась она к нему с кофейником в руках. – Не хотела смущать.

– Что ты? Это мы, должно быть, тебя смутили.

– Всё нормально. Но ты знаешь, посидели – уберите за собой. Оставили бокалы на столе. Да, они всё ещё справа от тебя.

Замялась. Робко качнула головой.

– Кофе?

Богат бесился. Бесился, что всё идёт по плану. По плану Вини, в прозрачности которого начал сильно сомневаться. Рано говорить о симпатии, особенно со стороны такого застенелого сухаря, как она, но уже сейчас что-то должно было проклюнуть. Обида, гнев. На минуточку, законный муж кувркается с какой-то девчонкой в твоём собственном доме. Впрочем, гордости Вини не занимать. До вечера фужеры так и простояли (не) на своём месте. Снова напомнила о них, и её сдержанный бескомпромиссный тон заставил того в ту же минуту пойти и, наконец, вымыть.

Она уважала его личное время и пространство, как своё. Богат не мог пригласить жену на постановочное свидание в рабочие часы. Перед тем, как войти в кабинет, стучался, спрашивал разрешения на пользование компьютером. При-

том, что ситуация оставалась под её неусыпным контролем, так Вини ещё и темнит. Пропадает, отмалчивается, строит из себя невинную овечку. Вздумала обмануть обманщика? Вот эта? «— ... Сто лет не виделись. Или сколько?.. Да больше, чего уж», — припомнился ему их первый телефонный разговор.

«В самом деле, знаю о ней слишком мало, — беседовал Богат сам с собой и про себя, когда начинал нервничать. — В интернете ничего нет. Ни одного штрафа за пятьсот лет? Невозможно! Да и как тюфячка продержалась на своём посту? Какие схемы ты проворачиваешь, Вини?»

Присматривался. Как образ и речи искусителя, её ложь (если это правда) принималась за истину в последней инстанции. Богат на своём веку раскусил не одну женскую хитрость. Оно и пугало, что сейчас очутился в тупике. Но на всякую лису у опытного охотника найдётся ружьё.

— Не выключай компьютер.

Богат сказал это негромко, предварительно предупредив о своём визите стуком в дверь, но Вини подпрыгнула, как от

выстрела. Листы выпорхнули из её рук, разлетелась по кабинету шумной стаей голубей.

– Да чтоб!.. – заметалась она, собирая разбросанные документы.

– Помочь? – предложил муженёк, оставаясь на месте.

– Контрактник подорвался на mine. Потерял копию договора. За семьдесят пятый год. Операция уже завтра, – роняла мысли Вини. Слишком занята, чтоб следить за языком. Мечась, машинально потянулась к кнопке питания компьютера.

– Нет!

– Ай-й-й! – одёрнула руку.

Запихнула бумаги в портфель, не застегнув молнию, схватила и побежала, изящно обогнув преграду в проходе. Из конца коридора донеслось: «Пока!».

Оставшись в полном одиночестве, Богат вальяжно прошёл к столу. Рухнул в холодное, но такое удобное кресло. Сдержат ухмылку не смог. Сложил пальцы в жесте «пирамида» и позволил себе вдоволь налюбоваться подарком судьбы. В поисковой строке среди прочих сияла иконка социальной сети. В спешке жёнушка имела неосторожность оставить свою страничку открытой.

Если веб-камера записывала, она могла видеть, как подсвеченное белым лицо Богата с каждой минутой меняло торжественно-язвительное выражение на задумчиво-растерянное. Скучнее личного профиля Вини могла быть разве что дохлая ворона. Аватар – бессменная фотография, какие ве-

шают на доску почёта. Записи – исключительно хорошие новости «Органостали», кадры с официальных мероприятий и одна единственная подборка картинок с лесом. Никакой сохранённой музыки, видеофайлов, да даже каких-нибудь рабочих протоколов, какие шлют в рабочей переписке. В числе контактов – Витариарх, её брат, и какая-то Лиси. Богат, хотя и ждал от Вيني нечто подобное, почувствовал себя неуютно в этой пустоте, как горожанин сходит с ума от тишины деревенской глуши. К счастью, было куда сбежать. В поистине интригующее место.

Страница в социальной сети – самый настоящий документ, как паспорт, свидетельство о рождении или заключении брака. Незаконное обращение влечёт за собой последствия вплоть до уголовной ответственности. Став мужем и женой, можете создать один профиль на двоих. Можете зарегистрировать аккаунт для любимого питомца (тоже по паспорту). Но сделать себе вторую страничку нельзя.

Если что-то запрещено, значит, это происходит рядом с нами. На чёрном рынке реально купить нелегализованное оружие, психотропную дрянь, чей-то аккаунт для личного пользования. Именно на него сейчас и наткнулся Богат, пробега глазами по профилю некой Гиджет, любительнице мелодрам и альтернативного рока. Вглядываясь в незнакомое лицо на фотографии, чувствовал, как клубок колючей проволоки разрастается в области солнечного сплетения. И не надеялся, что супруга будет чиста. Альтруисты подьедают

объедки у подножия социальной лестницы, а не роняют их сверху. Мужаясь перед ходьбой по горящим углям, глупо надеяться, что будет не так больно.

Фантазия рисовала сюжеты, где Вини заказывает через левую страницу киллера для своего конкурента или выстраивает сложные махинации с поддельными договорами, только никак не вот этого. Челюсть не отвисла, но глаза округлялись, пока колёсико мыши крутило вложение с мессенджерами. Сотни и сотни переписок с мужчинами. Худощавые, в теле, смазливые, безликие. Каждый новый день – новый человек. Ярлычки, скрывающие диалоги, содержали последние сообщения. Категории следующие: «Ты что, извращенка?», «Ну, поразвлекься я всегда за», «Это шутка такая?», а также «Пошла ты» и другие формы отказа.

Богат перестал листать. Отъехал на кресле, подобрал под себя ноги. Не думал. Пытался мириться с неприятными ощущениями. Будто огненные черви закопошились в груди и плечах. Изливать ужин в туалете ночного клуба, чтобы брызги воды окропляли лицо, куда приятнее, чем переваривать то, чем жёнушка только что «накормила» его.

– Ла-а-а-адно! – распел он, предчувствуя нарастающую дрожь от мерзкого копошения в мышцах. Покатил обратно к столу, защёлкал мышкой.

Переписки коротки. Открыл первую попавшуюся. Огонёк ярости, что вроде бы затеплился в душе, потух, как прочёл сообщения Вини (Гиджет). Лоб и щёки Богата посерели. От-

вёл взгляд, вернул, пробежался ещё раз. Охладевшая рука потащила курсор к следующей беседе. И к следующей. И к следующей. Все они по инициативе Вины шли по одному сценарию.

«Привет! Мы не знакомы, но это лучше для тебя. Сразу на «ты», хорошо? У меня есть для тебя предложение. Дочитай до конца. Идёшь в определённое заведение, которое назову, а я оплачу для тебя любую его услугу (если понимаешь, о чём речь). Если там сделаешь для меня кое-что ещё, я переведу на твой счёт двадцать миллионов рублей⁸. Без фанатизма. Жду вопросов».

Если её не посылали сразу, прикрепляла фотографию девушки... нет, девочки, со светлыми длинными волосами, и подписывала:

«Попроси показать тебе всех девочек и поищи среди них её. Если узнаешь, пришли мне фото или видео-подтверждение. Иначе не поверю. Вряд ли получится повернуть это незаметно. Раз так – купи, обмани, но доказательство получи. Хотя с ней я настоятельно прошу без острой необходимости не иметь никаких дел».

Связки электронных писем погружали в далёкое прошлое. Десять лет назад, двадцать, тридцать... Изо дня в день одно и то же. Даже минувшей ночью завязалась очередная беседа. Менялись лица, формулировка однотипных отказов

⁸ В тридцатом веке двадцать миллионов рублей, согласно курсу, стоит двухкомнатная квартира в провинциальном городе Руси.

и согласий, города, адреса публичных домов. Белокурый ангел с фотографии на протяжении путешествия сквозь время и пространство преследовал призраком. Ощувив близость помутнения рассудка, Богат сменил тактику, заглянув в самый большой диалог. Пока читал, в глазах закололо. От усталости.

В этой беседе Вيني нарвалась на психолога. Парень из Южно-Уральска, получив от незнакомки странное сообщение, полюбопытствовал, но не в том, на что рассчитывал адресант. С теорией фундаментальной психологии Богат знаком очень поверхностно, но даже он разглядел в манипуляциях абонента знакомые приёмы. Жёнушка не разглядела. Кто её знает? День был такой, на работе завал, курица подгорела, но под давлением сдала себя с потрохами. Зато, в кой-то веки, в её словах угадывались настоящие эмоции.

Витариарх закрепился на севере Урала в должности директора сталелитейного комбината. Брат и сестра, разделённые непроходимыми лесами и болотами, строили карьеру,

поддерживая связь на телефонных проводах и интернет-кабелях. Вيني копила на операцию (Богат сразу догадался, какую именно), готовилась больше полугода. Звонок накануне принёс страшную весть. Племянницу Вيني, Мариду, похитили. Запросили такой ценник, что у любого богача бы скептически изогнулась бровь. Если Витаритарх – директор завода, это не значит, что ему дозволено распоряжаться им, как своей собственностью.

Окаченная ушатом плохих новостей, Вيني предпринимала попытки успокоить горе-отца. Оба в ту минуту барахтались в море эмоций, но самообладание брата уступало её выдержке. Обрисовала перспективу – даже если теперь сложат свои счета и понабирают кредитов – не дотянут до выкупа. Ждать чего-то от матери Мариды... Где она сейчас вообще? А те деньги, что в теории могли спасти пленницу, уже лежат в бухгалтерии Московской клиники. В безвыходной ситуации Вيني призвала на помощь логику, напоминая Витаритарху о человеческом бессмертии. Похитители просто играют на чувствах. Дескать, ничего девочке не сделают.

«Я вижу только один выход – вести переговоры. – Вيني запомнила те свои слова как Отче Наш. Жаль, что на самом деле это была сделка с дьяволом. – Возьмём измором. Им невыгодно избавляться от дочери такой дойной коровы, как ты. Говори, что собираешь на выкуп. А потом, скажем, месяц спустя, предложи половину суммы. Убеди, что больше достать уже неоткуда. Я тебе говорю, они согласятся. Мои

больничные что мёртвому припарка. У меня сейчас таких денег нет, Витариарх, клянусь тебе. Будь спокоен. Люди не умирают. Не бойся, братик. Я с тобой».

Безутешный отец подумал-подумал, да согласился. В полицию не обращались. Бес побери, такая слава! Директор металлургического комбината за единственным ребёнком не уследил («Это у них что, семейное?» – закипал Богат)! И всё было нормально. Месяц Вини восстанавливалась, а в телефонной трубке голос Марида, смелой девочки, дрожал едва ли. Кормящий «завтраками» похитителей, дотерпел, чтобы, наконец, сделать ход конём. Но они исчезли. Не дождавшись, пропали со всех радаров.

Теперь-то горе отца набатом разлетелось по всей великой и необъятной. Только последняя собака на улице не знала о Марида. Но все в курсе, как это делается. Полгода пошумит, да утихнет. Люди забыли, инфоповод сменился другим. Статус причастных лиц никак не подсобил.

Витариарх не винил Вини. После всего случившегося не просто закрылся в себе – погас. Не та стадия, чтобы приглашать человека отдохнуть от мирской суеты в психиатрической лечебнице. Чисто внешне оставался таким же, но ближние углядели – нырнул в глубину, больше не выплывет. Редкое общение между братом и сестрой не оборвалось. Единжды обсудили произошедшее, когда Витариарх успокоил: «Мы бы не заплатили. Ты всё сделала правильно. Это я опоздал. Не доглядел». Формально, пока останки не найдены,

Марида числилась живой, и даже без этого мог бы завести ещё одного ребёнка. Мог бы, как мог вовремя попросить помощи у полиции.

Своим поведением брат давал Вини полный карт-бланш на чувство вины. Потому что у неё были деньги. Был дом, драгоценности, антиквариат, Угунди. Можно было продать, можно было остаться в какой-нибудь убитой квартире на окраине Москвы, но с выкупом на руках. Она это знала, она этого не сделала. Родной отец Марида сделал, переехал в общежитие при заводе, её тётя – нет.

Вини гордилась племянницей, умницей, красавицей. Любила, как любит тюльпаны. Как любит ледяные узоры, распустившиеся на окне в морозный январь. Потеря родственника возвращает зачатки тёплых чувств, лицемерие гложет. Душевная боль Вини, несоразмерная с долгом перед племянницей, травила понемножку. Капала на темечко каждый Божий день. Всё, что осталось – выстрел в воздух солью, а именно мимолётная фраза похитителя: «Да я её в бордель сдам. Хочешь?» Вот и развернула всю эту деятельность со спаммами от чужого аккаунта. Всё, на что хватило мозгов – стучать во все двери русских публичных домов руками случайных мужчин. Сорок лет платить за их досуг. Уже без надежды. Машинально. Издержки давным-давно покрыли бы сумму её половины выкупа.

Монитор сочился скупыми слезами раскаяния. В этой беседе психолог, видимо, исполняя какую-то свою профессио-

нальную клятву, провёл одноразовую терапию, обещая даже исполнить просьбу. Список собеседников после него свидетельствовал о том, что он не нашёл девочку. Никто не нашёл.

Богат положил голову на руки. Невидимый мешок с камнями взвалился на плечи. Мозг давил на стенки черепа, глаза жгло. И не было в гамме чувств ни намёка на торжество от свидетельства падения, на первый взгляд, безгрешной души. Богат не смотрел на мир через розовые очки, оттого его так злило показное совершенство Винивиан Степанчик. В тихом омуте водятся демоны. Вот только этих Богат не сможет заставить работать на себя и своё благосостояние.

Свернув странички Вини и Гиджет, напрочь забыв о том, что хотел посмотреть в интернете, мужчина спустился на кухню. Скукожившаяся, тронутая чужой драмой душа просила вина.

«Старею?»

Стройное женское тело гнулось тростинкой в его руках. Пуговка белоснежной рубашки не выдержала напора наливной груди. Щёлкнула, сработав как хлопок стартового пи-

столета. Богат припал губами к коже цвета мускатного ореха, сухой, тёплой. Сладковатая пряность духов, дуэт корицы и перечной мяты, усиливали чувство голода. Искуситель попробовал на вкус. Вдох Дидье встал комом в горле, когда язык партнёра соскользнул в ярёмную ямку. Ёрзая на столешнице, девушка хваталась за лацкан пиджака Богата, будто свисала на краю пропасти. В нетерпеливых жестах её переплелись желание и страх быть обнаруженными. Мужчина покосился на дверь, собираясь проверить замок, но знойная красотка не пустила. Обхватила длинными ногами.

Богат не пошёл на попятную, но прикрыл ей рот рукой. Дидье – молодец, вела себя тихо. Только укусила за палец. Партнёр стойко стерпел, не отнимая ладони. Попасться с личным для него было так же опасно, как и для полковника ФСБ на её рабочем месте. Скорее, даже больше. Богат то и дело поглядывал назад, ожидая различить на матовом стекле двери человеческие тени.

Дидье многого не потребовала, за что кавалер ей втайне был безмерно благодарен. Галантно чмокнул в припухшие губы, убрал выбившуюся прядь её чёрных блестящих волос за ушко, отошёл в сторону. Застегнуть, что разошлось, заправить, что выбилось. В первый раз, у неё на квартире, она попросила отвернуться. Вот и сейчас не оборачивался, пока не позвала:

– А где?..

Богат изящно махнул рукой в воздухе.

– Фокус с исчезновением.

Дидье глядела на него вопросительно, натягивая юбку обратно на бёдра, а он, шагая к дивану, что-то пропихивал в карман своих брюк. Полы пиджака скрывали, что именно.

– Оставлю как трофей, – промурлыкал Богат.

Большинство девушек не готовы распрощаться с половиной своего комплекта, чтобы подарить в качестве сувенира очередному любовнику. Но некоторым это льстит. Богат решается на сей манёвр, опираясь на склонность дамы к авантюрам. Таким сигналом чаще всего является согласие на близость в неподходящем месте. Чтоб охотницу подчинила животная страсть. Иногда эти места опасны. Например, кабинет полковника ФСБ города Москвы.

«Камер не видно, – обнадёживал себя Богат, – но бес их знает, легавых».

Он пришёл просто напомнить Дидье о себе, порадовать карликовыми розами, а тут... Жор на неё напал, что ли? Так зажигали чёрные глаза.

Душистый букетик остался лежать на полу. Наворачивая круги вокруг стола, Дидье собирала цветы и упавшие бумаги, нагибалась непременно спиной к Богату. На второй раз его уже не хватает, да она и не настаивала. Наконец, опустилась в кресло. Молчание развеселило её.

– Что ты смеёшься? – поддержал Богат.

Ещё немного похихикав, поинтересовалась:

– А ты чего сидишь? Чайку зашёл попить?

– Чаёк распивали в прошлый раз. Сейчас просто мимо проходил. Дай, думаю, загляну. На тебя посмотрю.

Снова смешок.

– Всё? Посмотрел? Мне работать надо.

– Вот как? Поматросила и бросила? – подыгрывал он, – А я-то... от всего сердца.

– Ну, правда, Богат. – Дидье наводила порядок на столе. – Без причины тебе тут долго оставаться нельзя. Главный может зайти.

– Ты моя причина.

Повышенное внимание разморило полковника.

– Чтобы через пять минут духу твоего здесь не было. Или наряд вызову.

– Ух, какая грозная!

Богата заводила её бескомпромиссная строгость. Каждая на его жизненном пути таила в себе нечто притягательное, уникальное. Убедился – это общая женская черта, быть интересными. То может быть маленькая проблема или большая странность – ржавый болт в пирожном. Однако не будь в кексике «изюминки», проглотил бы его за один присест, не почувствовав вкуса. Насытился, а толку?

– Дидье, а можно всё-таки чаю? И перекусить чего?

Бросив на него скептический взгляд, она вжала кнопку на столе.

– Четыре минуты.

Мгновением позже очаровательная пухляшка в камуфля-

же вошла с кружкой молочного улуна и горкой шоколадных конфет на жестяной площадке, походящей на пепельницу. Богат, игнорируя урчание желудка, неторопливо смаковал сладости. Вероятно, к жизненной философии приложил руку род его деятельности. Пустые рассуждения. Можно происходить из идеальной семьи, где на Новый год друг другу дарят рукодельные подарки, а потом начать резать людей только потому, что тебя кто-то обесчестил по пьяни. А так цель для альфонса важна, как и для прочих, но без удовольствия от процесса так и остаётся всего лишь целью. Тут как на минном поле! А Богат считал себя хорошим «сапёром», наловчившись огибать «бомбы» в ритме вальса.

Это приятно – находить в своих девочках всякие любопытные штучки. Господин Громыка наслаждался своей работой, и «работа» здесь – слово ключевое. Это приносит доход, кормит. К Дидье же пристал по другой причине. Богату в своё время одна хорошая знакомая доверила кое-какой военный секретик. Разработка программы для массовой слежки под кодовым названием «Кошачий глаз». Никаких нарушений свобод, разумеется, только поиски затерявшихся в толпе преступников и пропавших без вести гражданских.

Чтобы не мутить воду лишний раз, сыграл по-крупному – полез на полковника. Опытная женщина, конечно же, не устояла. Ключ к её сердцу: ненавязчивость, щепоточка бытовой романтики. И никаких ласковых прозвищ! Сердце маринвал Дидье второй месяц. Пора пожинать плоды. Сей-

час, пока она в хорошем настроении.

– Чем занимаешься?

– Делами. – Она не отвлекалась от документов. – Советую попробовать. Может, понравится? Рабочий день в разгаре, а ты тут чай гоняешь.

– Делами? – Богат показательно пропускал мимо ушей язвительные замечания. – Интересно... А какими?

– Да блин! – слуга закона смяла лист, не глядя, кинула в урну. Попала. – Бумажки подписываю, ребёнок! Чтоб такие, как ты, спали спокойно.

– Да не, это ерунда.

– Ерунда?

– Не в том смысле! Просто тридцатый век, а ты мне о каком-то средневековье рассказываешь.

– О как! – она по-прежнему не отрывалась от бумаг, – А я слушаю ваши предложения, командир. Как переставим фигурки?

– Зачем переставлять? Всё на месте. Мне просто интересно, что нового. Как там с операциями в Северном море? Стали ли, в конце концов, класть лапшу быстрого приготовления в сухпаёк?.. Работает ли уже «Кошачий глаз»?

Для озвучивания последнего вопроса мужчина благоразумно понизил голос, но это не помогло. На кодовом слове Дидье вздрогнула. Уставилась на Богата, ошарашенная. Важные документы в её руках смялись в кособокую гармошку. Посетителю сразу не понравился взгляд полковника, а когда

она поспешила к нему, вжался в диван так сильно, что правая нога оторвалась от пола. Красотка проявила себя как настоящий доминант, отрезав пути отхода руками. Жарко шепнула на ухо:

– Откуда?

Не стала ходить вокруг да около. Тот позаимствовал её тактику.

– Да так... Птичка на хвосте принесла.

Рыкнула, отскочила резиновым мячиком. Нервно приглаживая волосы, металась из угла в угол. В груди у Богата похолодело, но даже сейчас не мог не любоваться её грацией пантеры. Высокая, ей так идёт юбка-карандаш... Разработка программы массовой слежки, конечно, большая тайна, но чего Дидье так засуетилась? Чёрные глаза зажглись костровыми углями. Так ярко, как не вспыхивали на пике удовольствия. Она схватила Богата за руку, потащила к выходу.

– Эй! В чём дело? Я никому не говорил.

– Не говорил он никому, – басила та. – Дурак, вот зачем ты прицепился ко мне?

Из-за низких тональностей не разобрал, на какое из слов сделался акцент. Но страх неизвестной угрозы, похоже, задавил её обиду за корысть в зародыше. Горе-любовник вцепился в косяк, сопротивляясь.

– Дидье, ну помоги мне! Девочка...

– Ты подставляешь меня! – зашипела она.

Влажный блеск её ресниц обезоружил, лишил решимо-

сти. Девушка высунула голову в безлюдный коридор, потом взглянула на мужчину с такой жалостью, что у него душа в пятки ушла, и хрипло прошептала:

– Советую почаще оглядываться.

Дверь кабинета захлопнулась перед его носом.

Богат ступил на крыльцо отдела ФСБ, вскинул удивлённые глаза к тёмному небу. Он пробыл внутри полчаса, и когда заходил, было светло. Серые тучи пропитались чёрной тушью, плевались снежной крупой. Мужчина втянул голову, повыше застегивая куртку.

Неприкаянный, побрёл прочь. Ледяная крошка сыпалась на голову, мочила волосы, ныряя капельками за шиворот. Приступообразная дрожь с переменным успехом отвлекала от невесёлых мыслей. Крах такой простой операции мало того что ущемил чувство собственного достоинства, так ещё и подкинул проблем. Ребёнок, играющий с зажигалкой, и предположить не смел, что сторит в полыхающем доме. Фантазия мчалась на золотой сверкающей колеснице в облака,

и Богат, как мог, тянул поводья на себя. Дидье просто разлилась, вот и припугнула. Если о «Кошачьем глазе» знает даже вшивый лаборант, что говорить о засекреченности?!

Однако факт остаётся фактом. Даже высокопоставленное лицо, имеющее доступ к технологии, сделала ему отворот-поворот. Стучать с нижних этажей их военной иерархии – бессмысленно. Да и Дидье ясно дала понять – светиться в органах ему теперь не надо, какие бы причины не скрывались в её предупреждении.

Черты лица Богата ожесточились. Перед глазами таял образ Мариды. Чтоб стало больнее, нарисовал в голове пикантную сцену. Представил на месте жрицы любви эту хрупкую девочку. Поменял уютную спальню на грязную коморку, прокуренную вымученным смирением, безнадёгой и горькой покорностью. А ведь кто-то идёт туда за удовольствием. Кто-то, кто топчет с ним одну Землю.

Его затрясло. Выместил злость на «трофее» Дидье, выбросив его в ближайшую урну. Потёр руки в попытке согреться. Из болота рефлексии вырвал телефонный звонок.

– Аллю?

– Ты сейчас свободен? – проговорила Вини механическим голосом, будто заранее угадала настроение мужа. Проницательность ужалила, и он прикинулся беспечным.

– Как птица!

– Не голоден?

Заманчивое предложение вернуло ему самоконтроль.

Конфетками и гигиенической помадой Дидье он не наелся.

– Ну, я бы перекусил.

– Где ты? Я заберу тебя.

Через пять минут серебряный Угунди припарковался на углу улицы. Продрогший Богат прыгнул в нагретый салон. Не спрашивая, крутанул рычажок печки. На жёнушку даже не взглянул. И без того замёрз, а от неё так и веет зимой. Только когда в губы прихлынула кровь, он поинтересовался:

– Куда едем?

– В «Пессимист».

То, с какой ледяной невозмутимостью она это сказала, не вязалось с его искренним удивлением. Это не могло быть спонтанным решением. Даже не потому, что столик в «Пессимисте» бронируют за месяц. На такой вывод напрашивался внешний вид Вини. Изящные сапожки на остром каблучке. Юбка алого платья выглядывала из-под светлой шубки. Небрежная укладка без украшений. Серьги и кольцо добавили бы шарма. Не хватало для полноты образа маленьких изысков, не говоря уже про макияж. Если б не тени, смотрелась бы бледной поганкой в дизайнерских шмотках. Хоть мешки под глазами замазала – уже как человек.

Воздух из решёток радиатора гнал по салону шлейф травянистых духов Вини, смешиваясь с эхом коричнево-мятного запаха Дидье. Поздно беспокоится. Богат даже не стал застёгиваться. Просто смотрел в окно.

– Надо заехать в магазин за костюмом? – Вини не отры-

валась от дороги.

– Я нормально одет. Как раз для ресторана.

– А телефон заряжен? Для фотографии.

– Не волнуйся.

Молчание.

– Как ты вообще выбила место?

– Связи.

– И почему именно «Пессимист»?

– Не волнуйся.

После такой наколки муж бы оскалился, если б не гранит, в котором была закована каждая её фраза. Не нравится ему это. Мало что ли проблем?

Автомобиль припарковался. Богат попросил подождать. Поправил костюм, проверил волосы. Вышел с их страницы в прямой эфир. Обошёл машину, рекламируя немногочисленную аудиторию прелести романтических свиданий. Открыв дверь со стороны водительского сидения, галантно предложил даме руку. Вيني приняла, вложив холодные стальные пальцы в тёплую ладонь, павушкой выплыла из салона. Опустила глаза, боясь ненароком встретиться с прицелом камеры. Однако надо отдать должное, сносно изображала влюблённость со свойственной ей девичьей робостью. Завершающий штрих – картинка смазывается в пролёте, объектив выхватывает ленточный баннер с надписью от руки «Пессимист». Стоп. Снято!

Воздушная лесенка вела к каменной башне в форме рас-

сечённого веретена. Хозяином числилось имя модного художника. Именно имя, ибо проще встретить настоящего мессию, чем этого загадочного творца. В интернете реально откопать не менее десяти фотографий избранника музы, и на всех – совершенно разные люди.

Высокий дом отбрасывает тень на криминальный район Москвы, возвышаясь над руинами заброшенной стройки. Неуместный, как дива на мусорном полигоне. Но эту крепость ещё никто не брал. Никто не спас её пленника, замурованного собственным безумием. Легенды сказывают, Пессимист творит свои шедевры в тёмной камере где-то в этих стенах. Да, художника зовут Пессимист, и ресторан он держит, если верить прессе, исключительно удовольствия ради. Очередной проект.

Под остриём шпиля белел широкий блин – этаж. Чертёж планировки его ничем не отличается от знака радиационной опасности. Черные сектора отведены для посетителей. Оставшееся пространство занимает одно сплошное ничего. Пустота. Как свежо! Но именно потому это лучшее место для разговора тет-а-тет. И плевать, что на штрафы за нарушение всех правил пожарной безопасности уходит половина выручки.

Интересно, что ресторан не имеет наружных стен. До «ячеек» вёл единственный круглый лифт в центре башни. Зачем Пессимист сделал его стеклянным, если в самом помещении царит кромешная темнота? Пока едешь – ничего не

разглядишь. Клиенты не имеют доступа к кухне. Об уборной и речи быть не может. Неведомые алгоритмы компьютерной обшивки лифта как-то отличают посетителей от персонала и отправляют первых сразу на последний этаж, открывая одну из трёх дверей, из которых лифт и состоит, в нужную комнату.

Всё в «Пессимисте» сделано для того, чтобы вас мог подслушать разве что Господь Бог. Справедливо суждение, будто мафия заприметила себе сие заведение. Ну а сегодня здесь ужинает сладкая парочка с толстым кошельком. Мальчик-официант в звуконепроницаемых наушниках принёс приправленного лимоном запечённого осетра, стейк буйвола, украшенный веточкой тмина и можжевелевой шелухой, молча разлил оксидную воду по бокалам. Вيني жестами выказала намерение расплатиться немедленно. Богат сделал вид, что не придал этому значения. Кто-то не дожждётся окончания трапезы?

Честна молва. В башне заключены два гения – художник и повар. Проклятый этикет запрещал есть руками, чтобы удовлетворить желание облизать пальцы. Бледное лицо Вيني порозовело, то ли от горячей пищи, то ли от блаженства. И хоть на треугольной веранде царил холод, чуть ли ветер не гулял, посетители не рисковали подхватить простуду. Мягкие кресла, спроектированные Пессимистом, источали тепло. Обволакивали невидимым покрывалом. Повешенная на спинку верхняя одежда не мешала работе чуду инженерной

мысли. Только добавляла уюта. Широкая ниша с коваными бортами являла печальный вид на панельные дома, окрашенные сумерками чёрно-синим. Но именно мрачные картины обычно столь проникновенны.

Плечи Вины скинули груз бытия, и сама она чуть ссутулилась. Признала место безопасным, как какой-нибудь зверёк. Вот только тишина страшно напрягала Богата. Одна лишь вкусная еда помогала не сорваться. Жена пригласила его сюда, и он оставлял за ней право первого слова. В определённый момент черты её стали будто твёрже, механическая рука крепче сжала вилку.

– Она красивая, – бесцветно и совершенно беззлобно прокомментировала Вина.

Ну, Слава Богу! А он-то боялся, что-то серьёзное. Невинно вскинул бровь.

– Кто?

– Ну, такая, тёмненькая.

– Это вопрос с подвохом, – не глядя, кивнул супруг в её сторону столовым ножом. – У меня они все красивые.

Жёнушка его весельем не прониклась. Продолжила методично разделявать осетра с хирургической ювелирностью. Косточка к косточке.

«Всё из тебя клещами вытягивать надо!» – пожаловался про себя Богат, а вслух произнёс:

– Ты сегодня какая-то... не такая. И о девочках моих заговорила. Насколько помню, мы с тобой...

– А ты думаешь, откуда я о ней знаю? – не выдержала она.

Богат глянул куда-то в верхний правый угол. Домой Дидье не водил. ФСБшница живёт рядом с работой, прямо через дорогу. Каким ветром Вини занесло в тот район? Или она видела их в том ресторане? Сцена невинных посиделок под тусклым светильником возникла у него перед глазами. Вот они смеются, вот они целуются. Но это не воспоминание – фотография в журнале, который Вини сейчас швырнула на стол.

Прочитав только заголовок: «НЕидеальная пара. Супруг замглавы «Органостали» замечен за изменой», нетерпеливо отодвинул газетёнку. Сложная эмоция явилась сама собой. Хулиган на ковре директора школы, с долькой лимона во рту. От напряжения тон жены стал тише:

– Мы же договорились.

Пурпур вспыхнул на её лбу и щеках. Дышала медленно, глубоко. Рука по-мужски тяжеловесно прочесала пробор, путая локоны длинными ногтями. Голос предательски подрагивал.

– Как мне теперь из этого вылезти?

– Да расслабься, – отстранённо ответил Богат. – Твои коллеги жёлтую прессу не читают. Зуб даю.

Загнанные в угол редко думают наперёд. Вот и изменщик оступился:

– Ты же и так подтираешь. В интернете на тебя ничего нет. Совершенно неожиданно Вини шарахнула железным ку-

лаком по столу. Фужеры подпрыгнули вместе с Богатом. Бусинки черного перца сбежали из тарелок, рассыпались по скатерти. Несколько спикировало на пол. Жёнущка особо не метила и посуду не задела, но, сама не зная об этом, жамкнула по невидимой кнопке. Такая обычно устраивает взрыв.

– Включи голову! Делаеть из мухи слона.

– Да? Раз мы заговорили пословицами, как тебе такая? Чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят. Чтобы в сети не было грязи, не надо её разводить. У меня идеальная репутация. Ты что творишь вообще? – От бессилия Вини болезненно заулыбалась, комично развела трясущиеся руки в стороны.

– Ты уже большая девочка. Повторю – включи голову. Правда, веришь, что журнал... как там?... «Бельевая корзина» нужен кому-то кроме как, чтобы заворачивать щуку? Да и когда выпущен номер? – Свидание с Дидье состоялось неделю назад. Выпуск датировался двумя днями позже. – Вот, как давно! И видела ты где-то похожую статью? Нет, не видела. Если другая газетёнка напишет, что тебя похитили инопланетяне, так, наверное, вообще вздёрнешься?

Не боясь смазать пудру, Вини тёрла, царапала лицо. Первый раз при нём столь нелепо выказывала (а может и чувствовала) тупую ярость, и хоть Богат сам был причиной такого её поведения, тайно злорадствовал. Сюрприз – он смог вывести её на эмоции. Значит, в скором будущем только и останется, что поменять полюса у этого сломанного компаса.

Прикрываясь руками, та пробасила:

– Я половину своего дома отдала под бордель. Так ты их ещё и в свет выводишь. – Она ткнула пальцем в фотографию. – Я знаю этот ресторан. Он в самом центре. – Крепко сжала челюсти. – Ты ведь не скажешь, что задумал?

Она видела лишь одну истинную причину его беспечности – махинации с предполагаемым наследством, для раскрытия которых ей не хватало ума. Мнение, будто официальный муж почувствовал запах свободы и, восседая на финансовой подушке, просто расслабился, маячило на фоне. Вيني, вопреки расхожему мнению, всегда придерживалась философии, где никакое лучше худшего. Стратегически выгодно, если к тебе больше равнодушны, чем ненавидят. Сделать другом случайного прохожего гораздо проще, чем врага. Но сейчас мысль о том, что Богат не шуршит за её спиной, а всего лишь, пользуясь возможностью, наплевал на неё, почему-то не просто выводила из себя – ранила.

Он кивнул какой-то своей мысли. Тень легла на его лицо. Девушка видела эту волчью физиономию лишь раз – когда ещё даже не жених поведал ей о своём неприятном знакомстве с чёрными риэлторами. Значит, сейчас будет правда, и Вيني она очень не понравится.

– А я скажу тебе, Гиджет. Скажу. Вырежи это потом на моем надгробии. Эта тёмненькая – полковник ФСБ. И водился я с ней, душа моя, чтобы пробить твою племянницу.

Сердце Вيني ухнуло вниз. Дыхание парализовало, как от

толчка в грудь. Голова закружилась, в висках закололо. Пот выступил на спине.

– Ты залезал в мой профиль! – Хотела громче. На выходе получился истеричный шёпот.

– Он не твой, – обрубил Богат. – И только с этим я могу сдать тебя полиции. А вместо этого вожусь с ними, рву пятую точку, чтобы теперь ходить под пулями! Зачем?!

Вини так и сидела, будто ледяной водой окатили. Только веко задёргалось. Сам муженёк задрожал. От злости и запоздалого приступа паники. Руки не могли спокойно лежать на столе, а зубы – попридержат язык.

– Меня грохнут. Она сказала. Меня грохнут.

– Куда ты полез?! – взорвалась Вини. – Твою мать, зачем я с тобой связалась?!

– Чего?! Ты слышишь, что я сказал?!

– Слышу! Так сложно не высовываться? Не умеешь – не берись! Из-за тебя мы в этом!..

Каждое её слово жалило, точно пощёчина.

– Я хотел помочь!

– Вот спасибо! К афишированию твоих случаев мне только ФСБ на хвосте не хватало.

Богат не ожидал, что с уст его теперь жены может слетать подобная скверна. Пусть собирался защищать себя до последнего, она пробила его щит первым же укором. Супруг нашёл себя... уязвлённым. Обманутым. Преданным. Наконец, осознал нечто важное, горько заключил:

– Бессердечная.

Бог отвёл. Взбешённый, всё же не обвинил напрямую в том, что случилось с Маридой. Хотя слёз Вины он возжелал страстно, как изголодавшийся эмоциональный вампир.

Та чуть ли волосы на себе не рвала. Ёрзала, покачивалась. Крыша поехала? С вызовом подняла на него глаза. Сухие, бес бы её побрал! Дыхнула холодом:

– Я ошиблась. Давно. И расплачиваюсь за это. Ты сам влез... Так точно меня в могилу сведёшь.

– Я? – Нервно хохотнул тот. – Ушам своим не верю, Вины. Где та милая девочка? Когда ты успела стать сукой?

– Лицемер. – В пылу эмоций, не придавала значения оскорблению. – Сам пользуешься и выбрасываешь. Как ты смеешь мне что-то предъявлять? Ты...

– Ну-ка, ну-ка, – он облокотился на стол. – Кто?

Тревожное молчание.

– Договаривай.

Так и не отвела взгляда. Пожалела о своих словах ещё до того, как произнесла. Но пересилила себя, буквально выдавливала каждый слог:

– Ты – праздный... прос-ти-тут.

Богат только грустно усмехнулся. Как бессмертный герой боевика, которому в живот всадили нож. Только крови, стекающей с губ, не хватает.

– Лучше так, чем быть бесчувственной мразью с раздутым самомнением.

Вини как громом поразило. Правдуроб не захотел дожидаться её слёз. Хватит с него. Поспешил встать из-за стола. Глаза удивлённо распахнулись, как у куклы. Челюсть отвисла. В следующую секунду горбатой фигурой мужчина устремился к полу, утянув за собой скатерть. Тарелки с остатками ужина с музыкальным звоном раскололись о бетон.

У Вини раньше времени остановилось сердце. Кинулась к нему вниз. Коленями в рыбу.

– Богат!!!

Перевернув тело, обнаружила торчащий из спины дротик. Стеклянная ампула закачивала золотистый сок. Девушка тут же вырвала капсулу с Баятом, уже наполовину пустую, живой рукой, чтобы не дай Бог не раздавить. Слишком поздно. Обузданная паникой, Вини заглянула в лицо Богата. Волей снайпера супруги нашли в том точку соприкосновения. Вот только мужчина ко всему прочему захлёбывался кровавой пеной.

Это на самом деле происходит. Слишком быстро. Слишком быстро, Господи! Бегающие зрачки сузились до булавочных головок. Теряя рассудок, муж хватал жену за одежду, за волосы, будто та могла вырвать его из объятий смерти. На вершине башни в окружении сумеречных руин в одно мгновение двух недругов объединили великий страх и вселенское отчаяние.

Адреналин сыграл правильно. Обошлось без ступора. Напротив, он отбросил весь мыслительный мусор и довёл до

совершенства действия Вины, будто она делала это миллионы раз. Без труда взяла умирающего на руки.

Научный прогресс, разумеется, усложнил ряд медицинских операций. В том числе протезирование. Бессмертное тело гоняет кровь и плетёт нити белков в своей совершенной замкнутой системе. Живому существу металл чужд. Дабы плоть не отторгала титан и сталь, доктора в этом случае совершенствуют и сердце, вклинивая в него аппарат Герберга⁹. Есть лишь одно «но» – процесс необратимый. Если человека раздавит, изрешетит, разорвёт – его восстановят с протезом. Отныне сердце генетически запрограммировано на такое существование. Можно идти только на увеличение. Плоть и сталь, как человек и искусственный интеллект, не знают перемирия, но в вечном противостоянии находят равновесие.

Железная кисть – только вершина айсберга. Избалованные фантасты искренне верят в существование волшебной палочки – ключик к безграничной власти. Одно её упоминание – настоящее оскорбление для физиков. В самом деле, искусственная рука даёт значительные преимущества. Хотя бы программа «Муравей». Чтобы пациент смог поднимать свой собственный вес и воспринимать его как вдвое меньший, пояс верхних конечностей, кости обеих рук, шейный и часть грудного отдела позвоночника заменяются титановым каркасом.

⁹ Аппарат Герберга – несуществующий в нашей реальности механизм по поддержанию искусственного иммунитета.

Как оказалось, Вини лишилась трети скелета, перенесла три операции за один мучительно долгий месяц, не из интересов карьеры и чтобы в одиночку ворочать шкафы, а дабы сейчас донести Богата, лёгкого, как табуретка, до машины. Прижимала к себе, боясь уронить. Поддерживала голову, оттого билась локтями о борта узкого лифта. Запрокинутый в таком положении язык – что мухам финансовый кризис. Несчастный задыхался бы и задыхался, топчась на границе со смертью, но не пересекал бы её, терпеливо ожидая помощи. Но не сейчас. Его убивает не асфиксия, а Баят, разлившийся по венам.

Как есть, в одном платье, Вини не замечала холода. Суетливо, несколько небрежно бросила мужа на заднее сиденье. Не из страха, а из лютой ненависти зыркнула на чёрные крыши многоэтажек. Будто снайпер мог увидеть её глаза в кресте прицела. Больше не стрелял. Один был дротик.

Угунди с яростным рёвом рванул с места и умчался прочь. Вини насобираала штрафов за превышение скорости, пересечение двойной сплошной и езду на красный свет, перепугала весь Ленинский и размазала по асфальту одного рассеянного голубя.

Глава 6 – Медовый месяц

Отряхнув меховой воротник от снега, Вيني ступила под козырёк. Сделав пару шагов, замерла в дверях, не заботясь о прочих посетителях. Вид холла отделения экстренной помощи остановил ветром из вентиляции, запахом электричества, живыми воспоминаниями.

Днём здесь мрачнее, чем под включёнными лампами. Тогда она удрала от сырой ночи, от войны с невидимым врагом, в лазарет, с павшим бойцом на руках. Будто бы убаюкивала, потому что саму колотило. Из горла его больше не рвалось даже свистящее сипение. Только розовые пузырьки беззвучно лопались в уголках посеревших губ.

Вини руководили инстинкты. Она открыла дверь с ноги, закричала в никуда:

– Умирает! Умирает! Помогите!

Всполошённые медбратья приняли больного, унесли дальше по коридору. Та семеняла рядом, уже тише, на манер охрипшей сирены, повторяла слова пустой мольбы. Привлечённый шумом громила в белом халате выскочил откуда-то из-за угла. Поравнялся с Вини.

– Что случилось?

– Умирает. Уми...

– Я понял. Случилось что, говорю?

Требовательный тон пробился через панцирь паники.

– При... пристрели... – последний слог проглотила вместе с комом в горле.

Мужчина сжал её плечо, открыл ладонь. Грубый жест означал:

«Амбула где? Давай сюда».

Капсула с остатками яда, спрятанная в чашечке бюстгалтера, словно бы обожгла кожу. Вيني себя не выдавала. Изобразила вселенскую растерянность. Как если бы уже на перроне обнаружила пропажу портмоне с деньгами, испуганно глядя электричке вслед. Страх подсобил, сделал из «растяпы» почти хорошую актрису. Уставший доктор только матюгнулся себе под нос. Оттолкнул от дверей реанимации:

– Нельзя!

Где нет окон, там не бывает сумерек. Вيني, как хомячок в клетке, сновала туда-сюда, сидела прямо на полу, чуть на стены не лезла. Диссонанс с её нормальным поведением дал отсрочку – потом найдёт время гореть со стыда. Пускай никто этого не увидел.

Забеспокоилась уже, что о ней забыли, когда врач, наконец, вышел.

– Пациент в коме. Идите домой.

На посещение запрет не устанавливался. За полтора месяца Вيني так и не выкроила часик. Судьба подтасовала карты – на работе завал. Очень кстати. Безусловно, кто хочет, ищет возможности, кто не хочет – оправдания. И наедине с самой собой можно признать, что просто не находит в себе

сил прийти к нему. Он только спит, молчит. Толку? Правда, едва ли от этого легче.

Веки будто склеились. Продрать бы глаза, да рука не поднимается. От одной мысли о движении по телу пробегает ток. Голова закружилась, качнулась на взбитой подушке. Бесцветный мозаичный потолок сменился видом на прикроватную тумбочку. Сверкающий гранями стеклянный стакан и бутылка воды в недостижимой близости травили душу. Собираясь с силами не минуту и не две, Богат предпринял неудачную попытку дотянуться. Бесполезная конечность упала на полпути, ударилась о деревянный угол. В носу защипало от обиды и чувства беспомощности.

Скромно зачирикали дверные петли. Пациент уже понадеялся на медсестру, что напоит его. Но пришедший, прежде чем войти, робко постучал, как здесь не принято. Вместо медицинского халата и тряпичных туфель – серый свитшот, потёртые джинсы, боты в пластиковых бахилах.

Вини запоздало натянула полуулыбку, продержавшуюся не дольше секунды. Богат напугал её – часто задышал, пуча

глаза, судорожно приподнимал тонкие руки, перебирал ногами под одеялом. Рвался из постели, но вялое тело не пускало.

– Ты чего? Это же я, – осторожно напомнила Вини.

Разумеется, она. Ужасные обрывочные воспоминания вспыхнули в пьяной от лекарств голове. Как в момент ссоры совершенно неожиданно за считанные секунды всё его нутро разъело адское пламя. Как он тонул в тумане, цепляясь за жену точно за спасательный круг. Горько-солонатовый, металлический вкус смерти. Визг колёс.

Проницательная Вини медленно подкралась к койке, покорно сутулясь. Стойко выдержала на себе испуганный взгляд, проговорила:

– Это не моих рук дело, Богат. Клянусь тебе.

«Как клялась брату в своём безденежье?»

Сирена всё усыпляла его бдительность.

– Я не убийца. Подумай сам. Ты мне нужен... Богат, пожалуйста.

Он окаменел, когда Вини опустилась на колени и накрыла своей живой ладонью его. Спокойно, буднично, будто прикосновение ей ничего не стоило. Первый, так сказать, тесный контакт по её инициативе уже произошёл, когда взяла его на руки на вершине каменной башни. Надо было просто переступить. Потом проще. Хроническое быстро не проходит. Тут как с купанием в открытом водоёме. После окунания по-прежнему холодно, зато больше не страшно.

Вини с нечеловеческой жалостью всматривалась в его мутные глаза. Ждала, когда костлявые пальцы перестанут барабанить мелкой дрожью. С материнской чуткостью различала все оттенки серого на лице Богата, паутинки лопнувших капилляров, очерченные болезненной худобой скулы. Тот через силу выплюнул:

– За...

Жёнушка угадала желание. Поднесла стакан с водой к потрескавшимся губам, по неловкости проливая струйки на подбородок. Утолив первую жажду, Богат смог произнести членораздельное:

– За... зачем... за-платила... вперёд?

– Господи, – скисла та. – Потому что хотела поговорить о спаленной интрижке. Там, где никто не услышит. Но не дома. Мало ли, как всё повернётся. Вдруг кто уйдёт. Намечался конфликт. В такие моменты незачем отвлекаться на счёт.

– Пожалуйста...

– Что? – забеспокоилась она. – Ещё воды?

– Пожалуйста... не сиди... на полу. Холодно.

Вини даже хохотнула. Явно подумывала занять краешек постели, но в конечном итоге сходила за табуретом у окна.

Богат наблюдал за ней, упиваясь неожиданным гаденьким удовольствием. Надо же! Стоило начать подыхать, Винивиан Степанчик растаяла и едва ли в рот ему не смотрит. А самое невероятное – сама прикоснулась к нему. Нежно. Любовно. Если это сон – пусть он не кончается. Если ход конём – пле-

вать. Слишком уязвим сейчас. Оставалось только плыть по течению. И наслаждаться.

– Вيني, – зашептал Богат столь доверительно, что супруга наклонилась ближе, вслушиваясь. – Не умирай. Это неприятно.

Мертвенно-белые губы едва заметно изогнулись, а её так и остались полосой. Опустила ресницы, понимающе кивнула...

«Нет. Ничего-то она не поняла».

Никто не собирался просить прощения. Стыд за резкость в выражениях неприятно ворочался в животе, но они и не думали забирать свои слова назад. После всего, что произошло, это было бы лицемерием.

– Тебе уже рассказали о твоём деле? – как бы между прочим поинтересовалась Вيني.

– Нет. Молчат, партизаны. Как ты, – дыхание его более не сбивалось.

– А день какой сегодня, знаешь?

– Внимательная моя, я даже не знаю, где мои штаны. О чём ты?

Её омолодила смешинка.

– Уже декабрь.

– Новый год?! Ах, ты принесла мне мандаринки? – Богат подавил испуг от новости о пролетевшем времени детским восторгом. Всё же туго пришлось ему эту неделю без общения. Разучился. Вылетают всякие дурачества.

– Шибко вкусное тебе пока нельзя, но я собрала, что разрешили. Огуречно-мятное суфле, йогурты, паровой картофель из «Рестика». Все хвалят... Так, я не об этом... В общем, дело завели. Пока глухо. Оно и понятно.

– Что именно?

Вини помедлила, понизила тон.

– Богат, что у тебя с полицией? Заикнулся, мол, ходишь под пулями, и тебя тут же пристреливают. Во что ты вляпался? Скажи.

Медлил. Молча совещался сам с собой, теребя мятую ткань пододеяльника.

– Я уже сказал. Хотел помочь найти Мариду.

Уныние на лице жены больше походило на брезгливость.

– Во что ты вляпался? – настаивала она.

– Не могу сказать. Оно тебе и не надо. Если очень интересно – я просто знаю секрет. Лишь раз его упомянул... при ФСБшнице.

Вини выбирала вектор беседы с расчётливостью минера:

– Та тёмненькая? Думаешь, могла натравить на тебя своих?

– Не, – ни на секунду не заколебался тот. – Я просто сглупил. У стен уши. У их – тем более. Но я как-то не парился. Не догадывался о масштабах проблемы. Ничего не предвещало.

Прикрыла глаза. Зажмурилась.

– Богат, ты получил ответ на свой вопрос, что именно мне понятно?

– Я не тупой. Голова трещит, значит, мозги на месте.

– И во мне ты более врага не видишь?

Он смерил её взглядом, полным сарказма:

– Посмотрим на твоё поведение.

Она пропустила это мимо ушей. Её посетила новая догадка.

– А твои конкуренты по бизнесу? Или бывшие? Они на такое способны?

– Да ну. Я с отмороженными не вожусь.

– Уверен? – почувствовала силу Вини – И подружке своей веришь? Со свадьбы которой тебя умыкнули. Зачем обиженной женщине приглашать... – Она внезапно умолкла, буквально кожей ощущая, как от самой себя ей становится душно. – Хоть выходишь из палаты?

Богат порадовался смене темы. Оживился.

– Сначала бревном лежал. Потом потихоньку топ-топ. Под кроватью ходули. Вчера до туалета дополз без помощи сестрички. Тридцатый век, а обездвиженные до сих пор справляются в судно. Офигеть, не встать... А? Поняла? «Не встать».

Вини отплатила шутку кривой ухмылочкой. Он неисправим.

– Видел Рамираса?

– Кого?

– Бугай. У палаты сторожит. Это твой охранник.

Округлил глаза, вытянул губы уточкой.

– Так хмурый не в вечной очереди в процедурный?.. Спа-

сибо, конечно. Но, знаешь, я не уверен, что оно меня спасёт. Если дело завели, скоро сюда припрутся легавые под предлогом допроса, и твой дружок никак не помешает им закончить то, что начали.

– Знаю. Но мне так спокойнее. Ему до ординаторской три прыжка.

«А телячьи нежности и не думают иссякать!» – ликовал про себя Богат. На радостях позволил себе лирическое отступление. – «Ля, хочу телятины. С укропным маслом. Если я попрошу, ты принесёшь, Вини? По моему велению. исполнишь?»

Вслух сказал:

– Как там пресса? По-прежнему очерняет наши светлые имена?

– Ты знаешь, нет, – развела руками Вини. – История с любовницей перепрыгнула на другие журналы, но больше ничего. Про покушение я не нашла.

Тут она, конечно, слукавила. Свежую прессу в больницу не носят, и Богату незачем знать, что их эталонная любовь в глазах общественности горит синим пламенем. О похождениях неверного супруга публичной личности на свой манер поведали десяток журналистов. Правда обросла деталями, обратилась в быль, породила ложь. В этом же котле всплыла сказочка Вини о зачатии ребёнка от случайного человека накануне свадьбы. Не забыли про детали... Просочилось, всё-таки.

Показательно, что «залётный» сюжет был даже не самым фантастическим среди прочих. Когда мир рушится, отвлекаться на обиды, тем более искать стукача в Таре или в тех кофеманах в аэропорту – лишняя трата душевных сил. Не в пользу четы Громыка-Степанчик играло затишье на их общей страничке в социальной сети. Не фотографироваться ведь жене с коматозным мужем, делая вид, будто нежатся в кровати.

Рухнувшая репутация, казалось бы, сбывшийся кошмар Вини, поразил сердце, как тот же дротик. Очень больно – да, но не смертельно. Метафоричным Баятом же на деле было покушение. Чёрная тень в погонах, нависшая над мужем, не давала спать спокойно. Бессонница кумарила, выпивала до дна. Что противопоставить? К кому обратиться за помощью? Кому платить? В метаниях между сном и реальностью Вيني даже позабыла причину. Зачем, собственно, морочиться? Богат должен что? Стать её провожающим?

Итоговое решение Вини озвучила супругу через неделю. Укладывая пакеты со всевозможными вкусностями на тумбочку, начала издалека:

– Телятина скоро остынет. Советую поторопиться. Что, у вас тут с мясом беда?

– Я может и потому ещё не выздоровел, что меня белком обделяют, – жаловался Богат. – Слона бы съел.

Жена плюхнулась на табуретку. Так и не осмелилась протестировать больничные перины на мягкость. Но перспекти-

ва довести её до постели уже не казалась альфонсу такой уж фантастичной.

– Готова поспорить, ты и половину свиной рульки бы не осилил. Знаешь, чтоб ничего лишнего. Зажаристая, с дымком.

Рот стал заполняться слюной.

– А у меня слабость к сладостям. Как сейчас помню, – Вيني живо жестикулировала руками. Пальцы веером. – Трдело. Горячее, только с вертела. Самые разные начинки – клубника, пломбир, взбитые сливки. А мне нравится простое. С топлёным шоколадом. Можно посыпать миндальными лепестками, но не обязательно. Весь изгваздаешься, пока съешь, но Господи, как же это вкусно!

Впервые её глаза так мерцали, оттого искорки эти казались по-настоящему волшебными. Богат ненароком засмотрелся. Увидь бы её сейчас, случайно, на экране телевизора или за столиком в уличном кафе, не догадался бы, что за образом молодой мечтательницы прячется пятисотлетняя старуха. Нет... Наваждение. Всего лишь ребёнок, описывающий свою любимую вкусняшку. Нарушать хрупкую идиллию взрослому дядьке ой как не хотелось, но отмалчиваться невежливо.

– Сожалею, но вряд ли найдёшь в Москве нечто подобное.

– Но я так хочу! Ты просто обязан это попробовать.

Богат начал о чём-то догадываться. Жёнушка огорошила:

– Полетим в Чехию.

– Чего?!

– Я спрашивала у доктора. На днях тебя выпишут. Билеты уже куплены. Встретим Новый год в Праге. Настоящая Рождественская сказка.

Богат на минуту выпал из реальности. Даже забыл возмутиться, хотя бы в душе, чего это она распоряжается его паспортными данными.

– ФСБ не выходит за границы Руси. И эта травля от Mass Media мне порядком опостылела. Схоронимся, подождём, пока утихнет.

– Какая травля?

– Бес с ними, – отморозилась Вيني. – Мне нужно время подумать, что делать с твоим «секретом», а в такой обстановке это невозможно... Есть предложение получше?

Идея Богата вдохновила. А когда инициатор ещё и спонсор – так вообще песня. Держась невозмутимо, деловито уточнил:

– Отпустили под конец квартала?

– Накопила отгулы. Хотела отдохнуть непосредственно перед похоронами, но чуть раньше – не страшно. У меня в помощниках мальчик. Шкет пятидесятилетний, зато усердный и талантливый. Давно пора передать ему бразды правления. Хотя бы на месяц. Справится – ему место и отдам.

Богат учтиво кивнул, якобы действительно слушал.

– Медовый месяц. Прямо как у людей! Только у меня одна

просьба. Где заказывала Рамираса, поставь ему семь звёзд¹⁰. Вيني лучилась довольством. Зачастила с этим в последнее время. Нервное? В любом случае, только и оставалось, что надеяться на Рождественское чудо. Пусть и католическое Рождество. Пусть и за неделю «до». Ни с того ни с сего ощетилившаяся Руссь останется позади. А впереди – старушка Европа. С легендарными ярмарками, отелем на Вацлавской площади и тем самым трдлом, что Вيني некогда разделила с мамой и братом во время их маленького путешествия вечность назад. Спокойно встретить Новый год, подальше от позора и убийц.

Либо Богат юлит, либо, в самом деле, так совпало, что его неожиданный отпуск пришёлся на затишье в поставках импортных коленчатых валов. Бизнесмен заливал, что за свой больничный не потерял ни рубля. Дескать, ждёт заключения экспертизы и спада цен на аренду складских помещений. До решительных действий ещё как до весны. Да и в принципе в

¹⁰ В тридцатом веке на Руси распространена не пятибалльная система, а семibalльная. Число имеет религиозный подтекст.

самолёте, где до самой Польши плакал грудной ребёнок, супруг пребывал в заразительном благодушии. Притом от самых дверей медучреждения едва ли не с разбега залетал в Угунди, а оттуда – в дом в Копейкино, не дожидаясь хозяйки. Пусть образ храбреца стоил ему немалых усилий, ожидание приятных перемен грело душу, пока несуществующий прицел по-прежнему выжигал точку на спине.

Лишь ступив на Чешскую землю, Богат вздохнул с облегчением. На осмотре королевского номера держался благородием, хотя жадные глаза так и бегали от вазы к картине, от хрустального кофейного столика к позолоченным канделябрам с зажжёнными алыми свечами. Арочные окна являли вид на Вацлавскую площадь. Голуби пролетали мимо, стряхивая пушистые хлопья с дымчатых перьев. А снег всё падал и падал, с головой укрывая Святого Вацлава¹¹ и его коня белоснежным плащом.

Это настоящий побег. С больницы заехали только за вещами. Полдня – и вот уже в другой стране. Требовалось перевести дух. В этот вечер не вышли к людям. Даже еду заказали в номер. Богата, вчерашнего коматозника, подкосила акклиматизация. Не дотерпев до ужина, улёгся в одной из спален. К Вини же сон не шёл. Даже сон. Так вот какое оно – настоящее одиночество. Острее, когда по ту сторону стены дышит кто-то ещё.

¹¹ Памятник Святого Вацлава – конная статуя чешского князя Вацлава Святого на Вацлавской площади перед Национальным музеем в Праге.

Полночи в гостиной. Вيني загипнотизировало танго языков живого пламени в зеве камина. Мысли улетучились шифоном дыма в печной трубе. Точно чувство, лишь одна ключевая, страшная, порывисто обнимала плечи, могильным холлодом обдавала спину. Полгода. Полгода, и всё закончится. Раньше казалось долгим сроком. Как в стойке-планке замедляется время. А вот его уже не осталось.

Глаза сушил жар огня. Вيني поднесла ладони навстречу волнам согретого воздуха, да осеклась. Прикосновение тепла ощутила лишь правая. Прежде чем невыплаканные слёзы лезвием ножа пронзят ей горло, самоубийца отправилась в постель. Как ни куталась, пуховые покрывала не спасали от озноба. Мерещились мухи. Тучи, тучи мух.

– Я живая, – бормотала она в бреду. – Живая. Не надо!

Сон под утро настиг беспокойный. Вيني не злилась. На том свете отоспится.

На следующий день молодожёны первым делом занялись публикацией видеоролика.

– К великому нашему сожалению, мы стали жертвами клеветы, – Вيني вещала с кровати, в домашней рубашке, чтоб обстановка казалась интимнее. – Знаю, каждый зарабатывает на свой хлеб как умеет. Но... серьёзно? Богатое воображение завидно. И за свои сказки писаки получают хорошие деньги. Не прошу компенсации. Не прошу перестать приплетать меня и моего мужа к своим больным фантазиям. Однако вам, наши подписчики, мы обязаны были объяснить своё

отсутствие в сети. Извиниться.

Богат ворвался в кадр. По-хозяйски обнял за плечи. Вيني смялась, как бумажный лист, опустила голову. Ожидаемо засмузилась оказаться в таком положении, тем более под взглядами тысяч чужих глаз. Всё же тело вопреки дрессировке по-прежнему отторгает близкие контакты. Если вообще когда-нибудь перестанет.

– А я просто скажу, – он грозно зыркнул в объектив, укрывая супругу под своим крылом: – Моя Вيني великодушная. Предложила отойти в сторонку. Да и просто отдохнуть. Но если кто ещё её огорчит, больше не стерплю. Морду не набью, но пообщаемся через суд. Обязательно. Учитесь, прямо об этом говорю, а не шебуршу крысой по норам.

Молодожёны игнорировали едкие комментарии от скептиков, по крайней мере, на первых порах. По привычке играли в одни ворота – пополняли галерею совместными фотографиями. Снимали коротенькие клипы на несколько секунд. Вот завтракают клубникой и шампанским. Теперь украшают ёлку. Богат, дурачась, прикладывает стеклянные шары к глазам. И Вيني прыскает смешком, запоздало прикрываясь ладонью. А здесь, очарованная бликами чёрной Влтавы, не замечает направленной на неё камеры. Непослушные волосы взлетают на ветру. Будто и не холодно вообще. Красивая жизнь, так похожа на правду. Число подписчиков стабильно растёт, как и завистниц. Вيني водила за нос коллег и начальников, Богат – будущих пассий своих, под-

купленных рекламой чистой и светлой любви. Ведь однажды парочка разбежится. В вечной жизни нет места вечной любви.

Шеф-повара не удивить хвалебными отзывами, что приносит официант в накрахмаленном сюртучке вместе с новыми заказами. Гений уверен в себе, как уверен, что за солнечным днём следует лунная ночь. И с закрытыми глазами режет миндаль на лепестки, по запаху определяет состав теста, вплоть до грамма сахара, по пузырькам мерит температуру в кастрюльке с бурлящим вином. Так и убедительность их с Вини супружеского счастья для других даже после журналистских козней не стала для Богата сюрпризом. Сердцеед прекрасно знает своё дело и эту целомудренную «уточку» маринует даже рачительнее прочих цыпочек. Расходует лучшие ингредиенты, коими располагает, подсыпает перца.

И вот пресный кусок мяса стал обретать вкус. На зубок повар, конечно, ещё не попробовал, однако и слепому очевидно главное. Вини действительно весело от его шуток. Ей, в самом деле, приятна его компания. И его привычки и желания учитывает вовсе не из вежливости. Напрягало лишь то, что эта птичка, вопреки дальновидности мастера своего дела, очень долго готовится, и вполне себе по собственной прихоти может сгореть раньше времени. И плакала тогда его премия. Встревоженный перспективой остаться не у дел, Богат даже грешил на их конфликт в «Пессимисте». Корил себя за вспыльчивость, хотя признал, иначе бы себя не по-

вёл. Никто не извинился, ведь, как обычно, никто не виноват. Поэтому был жизненно необходим отдых, смена обстановки. Скверные чувства замнутся, оба настроятся на нужную волну. В таких-то декорациях!

Страна Чудес существует и умещается на одной лишь Староместской площади. Улочки её слагают деревянные палатки. Брусчатые лучики дорог расходятся от главной оси – устремлённой к ночному небу многометровой пушистой ели, обвешанной крупными бусами, бумажными фонариками и пластиковыми шарами цвета шампань. Но не стоит обманываться на первый взгляд радиальной структурой устройства ярмарки. Загадочная Прага с давних времён славится путанностью закоулков и переулков. С покатых навесов свисали гирлянды и лампочки, мерно горящие, без мигающих переливов. Там же, над головой, чернели таблички, исписанные мелом. Козырьки украшали пышные банты, деревянные фигурки, пластмасски в сверкающей стружке, кособокие сердечки из папье-маше. Разномастные товары тесно соседствовали с хвойными венками, обрамляющими оплавленные ноготком пламени свечи.

Да здравствует чревоугодие! В хладном воздухе угадывались дым от копчёностей, хлебный дух, аромат корицы. Гастрономический ассортимент поражал воображение. Пряники в форме домашних зверюшек с розовой и голубой глазурью, с глазками – капельками шоколада. На вертелах румянили бока трдло. Печёные трубочки бесперебойно напол-

нялись сладкими начинками, поливались сливками, покрывались посыпкой. На гриле шкварчали мясные деликатесы. Сырные шарики в золотистом кляре подпрыгивали в бурлящем масле. Стаканчики со свежими нарезанными фруктами то тут, то там мелькали в руках прохожих. Молочные десерты с дикими ягодами, дичь в лаваше, морские гады на шпажках. Желато! Угощать пражцев приехали гости из соседних стран. Тут и нидерландская сельдь с малосольными огурчиками и маринованным луком в белой булке, горячие немецкие колбаски, вкуснейшие французские крепы с маскарпоне и джемом. Под брезентовым тентом клубились пары от аппарата по варке клюквенного пунша. Вино согрелась, просто постояв в очереди в непосредственной близости от горячей бочки. Богат же сделал, как положено – принял на грудь.

Вышеописанное – лишь малая доля того, что касается еды. Тогда чего уж говорить о прочем? Испанский текстиль, скандинавские меховые унты, расшитые самоцветами, диковинный антиквариат. А коли всё купил, так развлекись! Для тебя ледяные горки, аттракцион с VR очками, проецирующими воспоминания, кабинка-капсула с временами года, состязания на силу, точность и смекалку, крылатые качели, цыганские гадания и ещё много всего.

У Венецианского стеклодува Вино заказала фигурку лисички – подвеска для Лиси. Подружка затаила обиду, прознав о свадьбе. Подарок увеличит шансы на прощение. Лиси понравится, она умиляется безделушкам. Пусть не дуется

понапрасну. На похороны обязательно будет приглашена.

Вини позволила себе шалость – покупку шёлковой блузы с рисунком рябых курочек, горошком рассыпавшихся по ткани.

– И куда ты в ней пойдёшь? – спросил муж, подавив свою бестактность намёком на дружеский совет.

– Мне нравится, – глупо улыбалась она. «Нравится», и всё тут!

Богат тоже улыбался. Эта Вини максимально приближена к своей пьяной версии с выпускного. Ребячество захватило её полностью. Перебегала от одной палатки к другой. Даже брала супруга за руку, манила за собой. Сказочная фея, увлекающая в, казалось бы, навсегда потерянный мир детства. Туда, где не стреляют в спину. Где не выудят под пытками доверенность на передачу дома. И тот охотно следовал за ней, при любом удобном случае предлагая руку. Пусть их разделяли два слоя перчаток, мужчина как бы случайно поглаживал её пальцы. Надеялся, почувствует. Супруга так открыто и непринуждённо смотрела на него, а он жадно ловил игривый взгляд, словно видел этот чарующий мир рождественских огней только в отражении её глаз. В голове Вини гулял ветер. Богату же отпустить себя не давало грузило его непростой роли. И не хотели думать они, что не будь их сейчас друг у друга, счастье было бы неполным. Не постановочный кадр. Реальная жизнь, где они... вместе.

Раз гармония разладилась. Лишь раз. В закоулке между

пекарней и лавкой с фарфоровыми куколками организаторы ярмарки спрятали автомат «Генеалогическое древо». Очередь к нему выстроилась немаленькая. Оно и понятно. Аппарат – разработка Мирового генеалогического архива, хранящего информацию о родственниках всех и каждого. Похорошему, информация эта стоит денег, вернее, услуги архивариусов, что будут расписывать вашу родословную вплоть до дня изобретения письменности, задыхаясь в книжной пыли. А сей крашенный шкаф, венчанный свежим сугробом, за пару крон расскажет вам о знаменитостях вашей семьи.

Волосок Вины упал в подсвечивающийся отсек. Пластиковый кармашек с громким «брямк!» проглотил монетки. Автомат грозно зажужжал. Девушка пружинила от предвкушения. Муж даже смутился. С тем, какую знал её настоящую, никак не вышло озорство. Богат больше бы поверил, что ей просто не терпится отойти по нужде.

Спираль на экране сменил текст. На русском. Программа адаптируется под национальность клиента, наплевав, что каждый человек старше пятидесяти лет, в большинстве своём, освоил хотя бы международный английский.

«Винивиан Степанчик

Дата рождения – 16 июня 2430 г. от Рождества Христова

Мать – **Макруха Доброгнева. Отец** – **Степанчик Ве-**

ниамин

Ближайшие кровные родственники – **Степанчик Вита-**

риарх (*брат*)

Родственники по отцовской линии:

– **Фалес Миллетский** (640/624 до н. э.) – древнегреческий философ и математик

– **Владислав (Борисович) Галкин** (1971-2010 г.) – советский и российский актёр театра и кино

Родственники по материнской линии:

– **Рубэн Апчхи** (2101-2173 г.) – великий русский полководец, герой Кибер-войны».

Знаменитых предков отца Вини пробежала мельком. На последней строке округлила глаза, подавилась вздохом. Вот так сюрприз под Новый год! Круче только, если бы в её жилах текла кровь, например, пророка Моисея. Апчхи Рубэн – ключевая фигура в войне с искусственным интеллектом. Не факт, что без героя человечество выиграло бы её даже с бессмертными сердцами. Во всяком случае, эта идея лейтмотивом проходила в русских учебниках истории. И ведь не так уж поздно Вини родилась на свет после Рубэна. Он её двоюродный дедушка? А может, даже двоюродный дядя? Почему мама об этом никогда не рассказывала? Или сама не знала? Но стремление к величию, очевидно, передала с молоком.

Следующие в очереди разглядели имя даже по-русски, восхищённо заохали, зашептались. Вини вернула себе самообладание, сделав вид, что новость не то чтобы особо впечатлила. Но подбородок так и остался слегка вздёрнутым.

То позабавило бы Богата, но он вдруг стал чернее тучи. На ни к чему не обязывающее предложение попробовать грубо схватил за локоть, потянул прочь. Вيني так удивилась, что не сопротивлялась. Когда вышли обратно к торговым рядам, не произнося ни слова, он прибавил шаг. Мудрая Вيني проследовала молча. Выдержав минуту, робко заметила:

– Не хочешь узнать о своих?

– И так всё знаю.

Некогда Чекан, теперь Громыка. Не у бывшей жены позаимствовал фамилию, однозначно. Темнит, голубчик.

«Не время, – осадил себя Вيني. – Не время расспрашивать. Только испорчу вечер».

А Богат поджимал губы, смотрел сентябрём в никуда и никак не мог настроиться на прежний лад. Никто не влюбляется в угрюмых. Но ничего уж не поделать. Перенесись сейчас в мультфильм, из ушей его шёл бы пар.

Впрочем, Богат был безупречен. Совершенно спокойно завершили они этот год: жена – в разъездах по достопримечательностям, муж – в барах; и проводили его на званом балу в Старом королевском дворце. Вيني по обыкновению сидела в уголке. Богат практиковался в английском с обладательницами самых массивных бриллиантовых колец, без труда крадя прекрасных дам у их спутников. Помня о своей главной миссии, время от времени возвращался к жене. Угощал минеральной водой, уводил на танцпол и с удовольствием наблюдал её оживление каждый раз, когда приближался к ней.

«Увидеть Париж и умереть!» – звучит как план! Последний год своей жизни Вини начала в городе любви. Досуг супруги проводили врозь: она запасалась впечатлениями от созерцания красот столицы Франции, будто понадобится на том свете; он интриговал француженок байками про русскую мафию. Вместе они завтракали и ужинали, жили дружными соседями. Так продолжалось вплоть до юбилея Богата – следующего дня после Крещения Господня по григорианскому календарю.

Именинник подготовился основательно. Продумывал операцию ещё с осени, хоть и декорациями должна была стать резиденция жёнушки, а не номер Парижского краффтотеля. Лучшим подарком ему будет её безоговорочная капитуляция. Сейчас или никогда. Накануне Богат пригласил Вини провести с ним вечер. Междусобойчик. Крепость дружбы убедила девушку согласиться. С подарком Вини рассчиталась уже утром. Торжественно вручила одеколон, копию которых заметила среди его вещей, платиновые запонки, инкрустированные бриллиантами, и мешочек чищенных кедровых орешков.

«Не деньги, мда», – пригорюнился юбиляр, рассыпаясь в благодарностях.

С прогулки по Версальскому дворцу девушка вернулась ещё до захода солнца и ждала супруга в номере. Заставила кофейный столик изысками французской кухни, надула и развесила по углам золотистые и чёрные воздушные шары, растопила камин. Ждать пришлось долго. Время коротала за чтением «Записок охотника»¹².

Виновник торжества гордым фрегатом всплыл в нарядную гостиную, с жестяной коробкой в одной руке и сетью в другой.

– Я взял тебе сока. Яблочный и апельсиновый. Пойдёт?

Опустил гремящую стеклом авоську на диван. Тёмные бутылки распались цветком лотоса. Внимательный Богат давно отметил, что его новоиспечённая супруга и капли в рот не берёт. Очередная преграда к её расположению. Скрипя зубами, Богат не мог не считаться с трезвым образом жизни своей протее. Но своим же зазнайством она вынуждает его брать грех на душу, и грех этот – клеймо травителя.

«Я опаздываю. Нет времени на раскачку», – откупался от совести Богат.

А пузырьёк с возбуждающим порошком так и жёг карман. Да когда такое было, чтобы он прибегал к психотическим препаратам для розжига чувств? Унизительное поражение! Увы, отчаянные времена требуют смелых решений.

¹² «Записки охотника» – цикл рассказов Ивана Сергеевича Тургенева.

Вини, само собой, польстила его забота. Но ответ её в одночасье спутал имениннику все карты:

– Спасибо за сок, но... можно мне вина?

Выбившийся из образа хлебосольного хозяина мужчина сокрушённо опустил глаза на выпивку. Не скрывая замешательства, переспросил:

– Вина?

– Ну да.

Богат медленно откупоривал бутылку, медленно наливал, ожидая, что подружка в любой момент передумает. А та, не удосужившись порадовать юбиляра тостом, пригубила, задержавшись на первом глотке. И при всей её страсти к выпендрежу, тот раскусил с ходу – льёт в себя насильно. Мешать препараты с алкоголем – плохая идея. В любом случае такое сочетание должного эффекта не принесёт, а вот проблем – несомненно.

«Знала? Откуда? Следила за мной?»

Вини будто мысли его прочитала, лукаво сощурилась. Цокнула фужером, намекая на второй заход. Указала на металлическую коробку:

– Что это у тебя?

То оказалась старая как мир настольная игра «Голо-бойня». Те же карточные войны на двоих с личной армией из стрелцов, магов и мифических существ, но куда эффектнее. Ибо солдаты твои – полупрозрачные крошечные фигурки, что прыгают, летают и бросаются на врага. Маленький

микрофон слушает твои команды, а голограммы – выполняют. Хрустальный шар в центре поля подкидывает случайные условности очередной схватки и бонусы за стратегически верные ходы. Вيني по достоинству оценила затею. Всё же лучше, чем лихорадочно искать тему разговора.

Сражение двух королевств захватило гостью скромного торжества. При победе вскидывала руки, в случае неудачи капризно постукивала кулачками по коленкам. Запивала и своё, и чужое поражение. Богат тащился от шоу. Вيني в последнее время в принципе сама не своя. Груз прожитых лет и ужас дней грядущих раздражили прирученную тревогу, как цепного пса. Кузнец своего несчастья тщетно вымывал дёготь мёдом. «Притворяйся, пока не станет правдой» – одна из сотен подсказок её инструкции к жизни. И да, эффект плацебо умалил частоту приступов паники. Вот Вيني на пошлок и пробует забытое. Молва называет вино растворителем тревог.

Богат о бое супруги с тенью не знал, но догадывался. При этом не чурался наслаждаться происходящим. Жесты её обрели плавность и широту, черты лица смягчились. Глазки мерцали от азарта, хмеля и огненных бликов. Температура в комнате неумолимо ползла вверх. Если глядеть с удобного ракурса, между двумя полыхало пламя.

– Я не проиграю!

– Ага, жди.

Минута ожесточённой борьбы, и королева Вيني – послед-

ний оплот её игрушечной страны, полегла под копытами кентавра.

– Ай-й-й-й! – раздосадовано взвизгнула побеждённая. Присосалась к бокалу. – Ты мухлюешь.

Он глянул на неё с прищуром.

– Твоя же игра. Подкрутил, наверное, там шурупчики.

– Подозреваешь? Меня? – в его речах сквозил сарказм. – А я-то думал, трезвенники напиваются с теми, кому доверяют на сто процентов.

– Кому? Кому я должна доверять? Господину Громыка? – Она растягивала слоги. – Я, считай, до вчера не знала такого. Громыка. Кто это вообще?

Пленясь её раскрепощением, тот вторил, не переставая плутовски улыбаться:

– Муж твой... Одногруппник.

– Не-е-е-ет. – Механическая рука с оттопыренным указательным пальцем наворачивала виражи. Девушка рассеянно искали что-то на потолке. – Не было однокашника с такой фамилией. Опять-то я тебя поймала, врунишка.

– Забыла меня? Ты ведь так игралась с моим именем.

– Да. Имя звучное. А как профессор называл, официально, так вообще песня. Богат – понятно. Смысл, поди, вложили от рождения. И Чекан, от слова «чеканить». Монеты. Родители обрекали тебя. Обязывали, – Вيني подняла на него мутные глаза. – Между супругами не должно быть тайн. Это ты говорил? Ну, так поделись наконец с жёнушкой. Чего по-

менял-то фамилию?

Выдержав паузу, сложив руки на груди, муж спокойно ответил:

– Мы рассорились. Не хочу, чтобы меня что-то связывало с этой семьёй.

Девушка приготовилась гнуть свою линию, но та напряжённая невозмутимость, которую излучал собеседник, пресекала – разговор окончен. И вроде должна принять поражение, но иллюзия непочатой мудрости, наваянная Шато да Баскугра шестидесятилетней выдержки, подчинила некогда холодный трезвый ум. Захмелевшая закивала, смешинка скользнула по румяному лицу. Невидимая струнка, соединяющая шею и крестец, оборвалась.

– Уважаю чужие секреты. – Плотина в сознании пошла трещинами. Пролилось лишнее. – Я терпеливая. Это мой талант.

Вини закопала саму себя. Сжала зубы, теребя стеклянную ножку бокала. Из короткого поединка, где тихой сапой ковырнула чужую душу, вышла проигравшей. Требовалось только сопернику перейти в активное наступление – разгромит. Манипулятор заранее сделал глоточек за свою победу.

– Это тебе так мама говорила?

– Не получится, Богат. Я давно обдумала и понимаю, что она выстроила мне эту модель поведения, чтобы сделать меня сильной.

Отлично! Она чувствует контроль над ситуацией. Баноч-

ка с химикатом каталась в кармане брюк и своей ненадобностью придавала уверенности.

– Ну да, ты крепкий орешек, – Он с интересом наблюдал за каруселью алых переливов в винном водовороте. Бросил на Вини опасный цепкий взгляд, сокрушил. – Даже не ведёшься на мои уловки. На личные расходы ни рубля не выцыганил. Лиса, снимаю шляпу... Так что тебя в итоге сломало?

Вини застыла статуей.

– Отличная репутация. И со мной ты связалась лишь для её поддержания. В чём причина твоего решения? – Он давил, давил безжалостно. Тени змеями ползали по его неприемлемому лицу. Хоть внешне Вини этого никак не выдала, ей показалось, словно с ней говорит сам дьявол. Репетиция перед адом. Тот как почувствовал. Съехидничал. – Ты ведь сильная. Терпеливая. И мне действительно интересно, *что* случилось.

Девичьи пальцы покраснели от силы сжатия фужера. Он был её опорой, без которой она, пьяная, упадёт. Богат шумно выдохнул, и с выдохом этим словно улетучилась вся его желчь, уступив место эмпатии. Подсел чуть ближе, вытянул руку по спине софы. Нагнувшись чуть вперёд, очень тихо заговорил:

– Если из-за ситуации с Маридой, то ты не виновата. Я же читал переписку. Просто стечение обстоятельств. И знаешь, коли боишься за её жизнь и хочешь знать моё мнение

– она, скорее всего, давно тусуется с каким-нибудь мулатом на тропическом острове и в ус не дует. Не могут одну девочку держать в таких местах сорок лет. В этом бизнесе всё по-другому работает.

Та не шелохнулась. Богат будто со стеной разговаривал. Однако от её напряжения сам воздух стал вязким.

– Прости, зря напомнил. – Он суксился. В утешение робко положил ладонь ей на плечо. Не вздрогнула, не зажалась. Совсем. Расколосся орешек? – Но я хочу узнать. Думай обо мне как хочешь. Я заслужил, после всего, что натворил. А ты... единственная, кто протянул руку помощи. Кто не бросил в беде. Меня – по-хорошему, постороннего. Помню, как ты помогала мне с курсовой.

С окрашенных вином губ сорвался нервный смешок. Отвела взгляд, чтобы тот не видел. Альфонс пошёл ва-банк. Аккуратно, словно к хрупкому подснежнику, прикоснулся к её подбородку, повернул к себе. Даже сапёр с его дилеммой синего и жёлтого провода меньше волнуется, чем Богат сейчас. Но эмоции, которые он показывал Вини, ограничивались исключительно грустью и якобы плохо скрытым непредвиденным душевым томлением. Подкармливался её чувствами – глубоко закопанная боль, проявляющаяся в мертвенном выражении лица.

– Ох, Вини, – едва не пустил слезу.

И её прорвало. Завещала механическим тоном, трезвая, как стёклышко:

– В школе лучшая подруга свела меня со своим другом. Считай, за ручку подвела, а он почему-то оказался не против. Такой восторг: «У меня есть парень!» Тогда возраст такой был, *надо* встречаться. От одноклассниц внимание. Не ожидали. Расспрашивали. Я румяная, что сказать – не знаю. Со всей ответственностью подходила, как к домашнему заданию. Романами, фильмами ученая, доставала его ежедневными звонками и письмами. Та первая встреча оказалась единственной. Из-за моей навязчивости и расстались, если можно так сказать. Друг другу никто. Не уверена даже, что касалась его. А если он только плод воображения? Это бы объяснило, почему ситуация так подкосила. Как ото сна очнулась. Ведь если ошибки других можно оправдать влюблённостью, моему безволию оправдания не нашлось. Мама ругалась, чего слёзы лью, в самобичевание ударяюсь почём зря. Рационализм её в минуты приступа позора отрезвляли... до следующей сессии. Вычеркнуть этот нелепый факт из моей биографии я не могу. Оглядываясь назад, нахожу его даже не как аномалию – как шутку... А ты поверил.

Их глаза встретились. И не было в её ничего. Ни сожаления, ни вызова. Только усталость, под гнётом которой явила всё вышесказанное, не до конца пережитое, похороненное в колодцах зрачков. Слушатель, сокрушённый тирадой, не давал никакой реакции. Главное, пришла она – тишина.

Горящие поленья хрустели за ажурной решёткой. Тёплый свет очертил на стене две расфокусированные те-

ни в волнующей близости друг к другу. Вيني ожидала стыда признания. Как бывало всегда, когда сознание в самый неподходящий момент подсовывало воспоминание из детства. Шутка в том, что не ведала, зачем сейчас всё это вывалила. Внезапно возжелала, чтобы муж узнал – у неё на самом деле когда-то был настоящий парень! Показалось это крайне важным. Пусть впредь не унижает её, называя сильной. Вино, будь проклято. Ничего оно не растворяет кручины, только даёт повод для новых. Богат же, напротив, сейчас благословлял благородный напиток – отмычку душевных склепов. Подсыпать порошок в сок возможности не представилось, азартный игрок поставил тогда всё на красное – на спирт в чужой крови.

Взгляды их вошли друг в друга, как детали конструктора. Соединение комфортное, естественное, что связь между протоном и электроном. Время забуксовало. Осталась только комната, а мир за ней никогда и не существовал. Даже треск огня стих, по крайней мере, для одной точно. Богат приблизился, пересекая черту. Мягко коснулся губ Вيني своими и так же медленно вернулся в исходное положение. Похожее ощущение испытывал, когда, бывало, целовал спящих бывших. Там – безответный порыв, здесь – продуманный ход.

Супруг тревожился, что та так и останется в ступоре. В музее живых скульптур она, в самом деле, была бы на своём месте. Но наблюдательный мужчина, к своей радости, раз-

глядел олений трепет в серых глазах. И пока Богат просчитывал каждый следующий шаг, как танцор, Вини в следующую секунду после своего первого поцелуя нырнула в какую-то топкую прострацию. Если девочки рассказывали о приятной пульсации в животе, то реальность огорошила. Художники эпохи компьютеризации¹³ изображали нематериальные аспекты жизни в виде разноцветных геометрических фигур и инсталляций из подручных материалов. Винивиан не разделяла любви к этому направлению искусства, но свои чувства сейчас сравнила бы с лопастью топора. Реальность неприятно расплющилась вместе с ней.словно чья-то рука надела её, перчаточную куклу, и исполняет свою волю. Запретное, чуждое мимолётное удовольствие. Столь тираническое, что даже неприятное.

Потерявшаяся в новых сложных эмоциях Вини получила в подарок ещё один поцелуй, такой же бережный, но более уверенный. Несколько отстраняясь, Богат без промедления возвращался к её устам, изучая их с рачительностью романтика. Учёный в таких делах, далеко не заходил, прислушивался к каждому вдоху. Она так и сидела, зажатая в мягких объятиях софы. Тёплый манекен, принимающий ласки. И альфонс уже оставил бы это гиблое дело, если бы не одно «но». Раз в семь секунд Вини реагировала. Рот приоткрывался, и уже её губы касались его. Дыхание приглушено. Тело что скрученная в узел проволока. Богат чувствовал это ру-

¹³ В тридцатом веке так называется время, в котором живёт автор.

ками, когда взял её за плечи. Казалось, сожми чуть сильнее, и они разломаются, как калёные. Даже та железная культяпка.

Девушка боролась сама с собой, а жестокий супруг не оставлял и шанса на «ничью». Обронила жалостливый стон, дотронулась ледяными пальцами до его груди. Перешла в наступление. Мужчина последовал за ней, но Вини вдруг грубо оттолкнула, отпружинила. Докружила до каминной стены, затормозив в резком повороте.

Наигранное смятение Богата превратилось в настоящее. Свет оконтурил тьму, нагоняя жути. Девушка горбилась, обхватив себя руками. Её трусило. Смотрела страшно.

«Испугалась? – струсил Богат. – Поторопился, поторопился!»

И глаза её замерцали. Вини плакала. Беззвучно, даже не дыша. Пусть слёзы остановить не могла, всё остальное до последнего держала под контролем. Секунд пять смотрели друг на друга. Вакуум разрастался в их головах. Она так и осталась стоять, он так и не встал. Сжав зубы, Вини проскулила: – Игрушку себе нашёл?

Лицо её свело уродливой судорогой, и она, прикрываясь ладошками, сбежала в спальню, всё же тихонько затворив за собой дверь. Не выдержав, Богат пошёл следом. Хотел уже открыть, но не смог. Прислонился к щели, зачем-то прислушиваясь к хныканью. Вернулся. Залпом допил вино.

Город любви спал и видел сны. Заметённые снегом улочки внимали тихой колыбельной зимы. Даже автомобили пых-

тели как-то сонно. Вселенскую умиротворённость нарушила разве что никем не замеченная выходка – кто-то вышвырнул из окна гостиничного номера пузырёк с белым порошком.

Глава 7 – Смотрины

Промозглое тусклое утро. Нежеланная альтернатива беспокойной ночи. Липкое недомогание и стыд за покорность всемогуществу Морфея. Суетливые сборы. Нет, не навсегда, и даже не в другой отель. Просто отсюда, из номера. Куда-нибудь, лишь бы уйти.

Гребень дрогнул в спутанных волосах, когда дверная ручка щёлкнула. Точно выстрел. В зазорном смущении склонилась нечёсаная голова. Зеркальное отражение мужской фигуры на пороге прикрылось кулисами каштановых локонов, что упали на бледный лоб. Была б воля Вини, она бы спряталась за ними, но это слишком глупо даже для неё. Оттого просто замерла в томительном молчании.

– Прости меня, – хрипнул Богат. – Вини, прости.

– Всё нормально, – только и выдавила из себя нарочито легко.

Пропустила ход.

– Это было... наваждение, – если и репетировал речь, то потратил время впустую. – Я не хотел тебя обидеть.

Пауза затянулась. Девушка через силу подняла на него глаза, поплыла вдоль стен к выходу.

– Всё нормально, говорю же. Извини, мне нужно в магазин.

Задумала юркнуть в дверной проём, но помешал стоящий

там супруг. Конечно, он подвинулся, пусть и с места не сошёл. На секунду они застряли в тесноте деревянной рамы. Как от огня, Вини отрешилась от мужской груди. Засеменила прочь. Богат глядел ей вслед.

Далеко за спиной глухо звякнул колокольчик. Цыкал маятник настенных часов. Вздутый линолеум смягчал шаги. Продавец наводил порядок в кладовке, ронял коробки, шуршал картоном. Вини нашла себе подходящее убежище в тупике книжных шкафов. Доверилась выбору подписчиков. Победителем вчерашнего опроса о камерном книжном магазине Парижа стала эта старинная лавка. Вопреки стереотипам здесь не пахло пылью и старой бумагой, свет ламп не тёплый оранжевый, а, как в операционных, холодный белый – окружение вмняло чувство защищённости. Блаженное уединение.

Тома выстроились неровными рядами. Несмотря на головную боль, их радужная разномастность не рябила в глазах. Прислушиваясь к размеренному ритму часов, изящно и плавно, как актриса, Вини поддела пальчиком глянцевоый корешок. Abel Dubois? Какой-то модный писака, одоббивший

для обложки романа «Ortie argentée¹⁴» фотографию двух обнажённых дам, слившихся в экстазе. Что он забыл в отделе классики восемнадцатого века? Поджав губки, девушка вдавила книгу в плотный ряд.

«Успокойся, – Вيني сама с собой завела немую беседу. – Строит из себя тут Афродиту. Богат жаждет денег. Чтобы переписала завещание в его пользу».

Побарабанила стриженными ноготками по переплёту:

«Воспользовался моментом. Ведь и выпила, потому что была уверена в нём. Потому что... привыкла к нему. Змея. За кого он меня принимает?»

Вытянула случайный том. Françoise Sagan – «Bonjour tristesse¹⁵». Поморщилась, легонько постучала им себе по лбу.

– За дуру он меня принимает, очевидно, и я дала ему на это полный карт-бланш. Идиотка. Отныне никакого алкоголя. Вспомнила – довольно».

Крепко сжала блок. Живой рукой, чтоб не помять.

– Дружочек-пирожочек. Я ведь помогла ему!

Яростно затолкала книгу обратно. Бумага стерпела.

– Помогла... Пустила в дом, кормлю, одеваю по надобности. А бренд костюма, поездка за границу – моя инициатива. Моя прихоть. Сверх жизненно необходимого не просил. Ни копейки не просил.

¹⁴ «Серебряная крапива» (фр).

¹⁵ «Здравствуй, грусть» (фр).

Погладила рифлёные корешки.

– Всё по уговору. Свои обязанности выполняет на «отлично». По первости на работе гудели, как одноклассницы тогда в школе. И с той историей с ФСБ... О мотиве не соврал. Не соврал. Может, я и дура, но распознавать ложь в стрессе умею, – ядовито ухмыльнулась. – Не чувствует же он что-то ко мне, в самом деле. За пять сотен лет ни поползновения, а тут вдруг на тебе? Гори в аду, грёбаное вино!

Чихнула от пыли:

– Нет, не влюбилась! Всего-то симптом. Пройдёт. Не болю же.

Но этот украденный первый поцелуй... Девочку романтические сказки никак не могли обойти стороной. С пелёнок слышавшая истории святой любви, малышка рисовала в своём воображении картины с фонтанами и молочными реками. А то, что в итоге действительно приключилось с ней полтысячелетия спустя, походило на некое коварное заклятие, за которое до самого Страшного Суда придётся расплачиваться дырами в животе от бесовских вил.

– Развела драматургию! Чмокнули её, она уже на «нет» изошла. Богат не дурак. Понял, что поезд ушёл ещё до его участия в моей жизни. Значит, не ради выгоды это делает... А ведь хорош манипулятор!

Вини достала следующую книгу. Раскрыла на случайной странице, отвлеклась на чтение. Guy de Maupassant – «Bel-

Ами¹⁶». Тяжеловесная металлическая рука больше подходила в качестве подставки. Правая управлялась с хрупкими страницами куда лучше. Бумага порхала бабочкой, не заминаясь в уголке.

– В любом случае, праздник я ему испортила. Надо с ним поговорить.

– День добрый, – сказал кто-то совсем рядом на чистом русском.

Вини озиралась в поиске опасности, как дикий зверь. Нашла в двух шагах юную красотку, ниже её ростом. В бордовом вяленом пальто, с непокрытой головой. В руках ни бегота, ни платка, только сумочка. Конечно, грех прятать такие роскошные кудри даже в лютый мороз. Грех скрывать натуральную красоту макияжем. «Белокурая бестия», – повесила на неё ярлык интуиция Вини.

– Здравствуйте, – не скрывая настороженности, ответила девушка на приветствие, верно полагая, что это был не просто вежливый жест соотечественников на чужих берегах.

– Вы извините, но я хотела с вами поговорить.

Вини, готовая к побегу, терпеливо ждала, пока та достанет что-то из кармана. С годами пришла мудрость об обманчивости тесного контакта. Прижавшийся в метро мальчишка утянул кошелёк из сумки, а сотрудник на корпоративе якобы пьяный полез обниматься, чтобы всадить в сердце шприц. Обладая какой-никакой властью, не жди от завистников че-

¹⁶ «Милый друг» (фр.)

ловеколюбия. Тогда, на празднике, Вيني как предчувствовала, вовремя дёрнулась в сторону. Подоспевшие коллеги скорее вынули шприц из спины, другие скрутили преступника. Последствия покушения ограничились симптомами пищевого отравления. Незначительна оказалась доза. Пусть приятного мало, отделалась легко. В отличие от Богата. В тот страшный вечер он у неё на руках не тлел, нет. Варился заживо. От воспоминаний у Вيني по телу побежали мурашки. Умоляла же смерть, чтоб не показывалась больше. Больше никогда. Не надо больше.

Блондинка вытащила из-за пазухи паспорт.

– Вы не бойтесь. Вот. – Как ребёнок свой рисунок, продемонстрировала одну из страниц документа. – Позвольте представиться – Адали Чекан.

Вини пригляделась. Раздел «Дети» с двумя заполненными строками: Богат Чекан, Златая Чекан.

– Ваша свекровь, – уточнила незнакомка.

– Вижу, – и снова гордое молчание. Самостоятельно разбираться в происходящем Вيني не торопилась. Так и стояла с раскрытой книгой, скрывающей левую руку.

Адали несколько ступевалась от возложенной на неё роли ведущей.

– Это, конечно, выглядит странно, но я ждала вас. Слежу за вашими социальными сетями. Узнала, что приехали в Париж. Что собираетесь в этот книжный. Счастье поймать вас здесь без него.

– Ждали? – Вيني почувствовала укол тревоги и злости, что никак не отразилось на её лице. – Зачем?

– В моём положении опрометчиво просить о помощи. Мы незнакомы. Но, Винивиан, вы моя последняя надежда. Понимаете, сын недолюбливает меня. – Вздохнула, чтобы продолжить. Приложила пальцы к виску, замотала головой. – Нет, не могу – вот так сразу. Тем более, здесь. Я ждала, но мне пора идти. Я позвоню вам?

Невестка совсем растерялась. Таращилась на свекровь, судорожно соединяя детали пазла. Очнулась, только когда дверной колокольчик оповестил об уходе Адали. Ушла с её номером телефона.

«Семейка плутов».

Вини вытащила книжку с развратной обложкой из шкафа с классической литературой, понесла в другой конец зала. Бесит, когда что-то не на своём месте. Сейчас особенно.

Беспроегранный план! Мамкины пикаперы марают свои никому ненужные книжонки миллион раз обсосанными «истинами». «Чем меньше девушку мы любим...», «Вотрись в

доверие, а потом не бери трубки», «Стань её детским идеалом, предварительно ознакомившись с историей поисковых запросов, пока она отошла припудрить носик» и прочее, и прочее. Может, это и работает в какой-нибудь клинике для особо одарённых, но не с большинством. А если уверишься, что в погоне за семейным счастьем избранница пойдёт на уступки и безоговорочно примет некоторые телесные и душевные изъяны твои, то побейся немножко лбом о стол и допетри – вечно молодым некуда торопиться. Выходит, и ущемляться незачем. Ресурсы неограниченны – потребности удовлетворяются в любом случае.

«Даже у дурных. Даже у мразей. Даже у тех, кто сочетает в себе оба эти качества», – поддакивал Богат своему внутреннему голосу.

Но Вини... Вини – особый продукт. В продолжение темы еды. Если непоколебимые в своём целомудрии, выращенные в тепличных условиях девушки – рыбы фугу, с которыми только знай, как обращаться, чтобы и сашими угоститься, и яда не хлебнуть, то этот экземпляр, как и, например, монашки – мина. Запрятавшаяся в высокой траве, всеми забытая. Только и ждёт, когда на неё напорется хомяк или сядет сапсан. Плохая идея. Порох не съедобен. Шарахнет – собирай себя потом по частям. Но если в женские монастыри Богату, как и всякому мужчине, путь заказан, да и без надобности, то жёнушка его никаких клятв не давала...

В своё время прошерстил тонну книг по психологии, по-

набил шишек, чтобы вернуться к очевидному выводу – женщина жаждет внимания. Будь то домашняя девочка, или птица вольная – нужно давать им себя, и доза любви соразмерна с архетипом подопечной. А эта сказка про непроступного самца...

«Тьфу!» – Богат сдержался, чтобы не плюнуть под ноги. Первый раз за столько лет о себе напомнила эта измененная потребность.

Для Вини он не скупился на проявления чуткости и интереса к затейной игре с самого первого дня. Был в меру инициативен. И без усердия с его стороны отношения вскоре бы доросли до настоящей дружбы. И статус этот закрепился в тот самый день, когда супруга пришла к нему, полумёртвому, в больницу. Просила милости, держала за руку. Но тот, кто работает на перспективу, маленькими победами разминиваться не привык.

Как рабочая лошадка Вини оценила чёткое следование задачам; как человек – доброжелательность, равнодушие. Однако при всей своей открытости и явлении самых добрых намерений, муж не навязывался, пропадал с новыми подругами. Одну даже привёл домой. То было необходимо в первую очередь Вини! Разыграй перед ней возникшую с ничего любовь, купилась бы? Обезвреживание мины – дело, требующее расчётливости и предельной осторожности. Только самоубийца режет все провода разом. Нужный, конечно, оборвёт, но результат вряд ли устроит... Или в мине

нет проводов?.. Не для того от службы в армии косил, чтобы вникать в азы военного дела.

«Да и помощь пришла, откуда не ждали. Правду говорят – нет худа без добра».

Медвежья услуга с поисками племянницы обратилась в демонстрацию акта бескорыстия. Даже жертвенности. Снайпер целился в Богата, а рикошетом попал в сердце Вини. Не буквально. Обрушил воздвигнутую ею стену, так сказать. За ней следующая. Вторую сломать мог очередной удар после длительного затишья. Перемирие обольстителю использовал по полной. В ход пошли «случайные» касания рук, сближение на диване перед телевизором, сигнальные взгляды – смотреть на лицо, но не в глаза. Как будто смущался непрощенных чувств. Будто сам попался на удочку, и с каждым днём новые бутоны распускались в душе. Когда обстановка расположила – атаковал. Праздник и алкоголь от начала времён способствовали сближению.

Разумеется, она воспротивилась. На прочее и не рассчитывал. Вкушение губ, самых обычных, мягких, с терпким ароматом винограда, доставило знакомое удовольствие. Хорошо. Однако великолепно, несравненно, божественно стало, когда девушка неумело, несмело и не сразу стала отвечать ему. Буквально натыкался на искорки упругой розовой кожи. На первый взгляд ленивый её поцелуй каялся, исповедовался. Сама себе палач. Вини – уныние. Вини – Коцит¹⁷.

¹⁷ Коцит – ледяное озеро девятого круга ада (Данте Алигьери, «Божественная

Вини – самоубийца. И Богат разгадал горькое откровение в языке её тела. И напугало оно его, лишь больше распаяя ликование.

Искуститель сделал всё, что требовалось. Красиво подошёл к кульминации истории своей любви, поставил перед фактом. После якобы срыва Богат отступил на два шага назад. Больше не играли в настольные игры, не смотрели кино. И вроде поддерживали дружественный настрой, но за ужином, передавая тарелку, избегали случайного прикосновения. Если Вини было просто неловко, то Богат понарошку стойко терпел муки совести. А может и не прямо-таки понарошку.

Ситуация всё равно не очень приятная. Вместе с триумфом и какой-то по-человечески простой радостью, что подарил хорошей подруге её первый поцелуй, варилась обида, сочувствие и преждевременная скорбь. Богат заставлял себя забыть приглушённый плач, но он звенел во снах, корректировал их сюжет. Когда безэмоциональный человек льёт слёзы – это страшно.

«Кедровые орехи... Откуда узнала? Я что, говорил?»

Богат подпрыгнул, разбуженный автомобильным гудком. По ту сторону улицы в темноте алел глаз светофора.

«Едва под колёса не угодил. Из-за неё. Из-за неё дротик словил... Может, к бесу это всё? А то с собой прихватит. Рядышком похоронят».

Потряс головой. Отставить сентиментальности! Без Вини

на себе прочувствовал бы всю мощь русского мороза, голода и антисанитарии. А что делать с киллерами?..

«Эх, убьют – так убьют!»

Что мучиться в неведении? Одно спасение – здравый смысл. Подпольный Баят – дефицитный товар. Чудо, что во-яки не скупилась и отписали для посвящённого целую ампулу! Крайне лестно, спасибо. Но куда проще было бы похитить и закрыть где-нибудь в глуши, повесив липовое дело. Но они так не сделали. Натравили бандюгу с пулькой. Это и без того считай аттракцион невиданной щедрости. А если по-прежнему ждут и примут по прибытии...

«Ай, к чему фантазии? Так можно кукухой поехать. Хватит и одной сумасшедшей».

Сконцентрировался на первостепенной задаче. Здесь всё очень хорошо. Рыбка прикормлена. Остаётся только ждать. И быть рядом.

В ту самую минуту, пока супруг направлялся в очередное злачное заведение, супруга грелась в неприметном ресторанчике баклакинской кухни на затворках Парижа. Не русской, ни в коем случае! Накануне войны гордая Баклакинская Республика отделилась. И годы спустя осталась маленькой копией матушки Руси. Язык, культура, мода. Да хотя бы это заведение в пример. Стены, отделанные брёвнами, берёзы, раскинувшие ветви с пластиковыми листьями над головами посетителей.

Главное сокровище баклакинской кухни – тыквенные

баппе, стоит того, чтобы поехать так далеко. Чтобы натянуть на обе руки белые лечебные перчатки от ожогов. Интересная национальная черта есть у баклакинцев – они все как один на дух не переносят киборгов. Слишком велики были их потери в бою за человечество. Человек с металлическим протезом на видном месте в подобных заведениях столь же неуместен, как татуированный в общественной японской бане.

Официанты во всём мире из издержек профессии располагают отменным слухом. Оттого после вопроса Адали, мамы Богата, о здоровье рук, Вини решила играть больную. Святая простота, якобы разлила кипяток накануне. Да, так сидеть жарко. Да, она стала похожа на антропоморфного зверька из детского мультфильма. Но тыквенные баппе заслуживают всех неудобств. Лучше один раз попробовать, чем сто раз услышать. Ещё лучше – не один.

Вини болтала в пивной кружке местный аналог хлебного кваса. Богат болтался непонятно где. После той злополучной ночи их безмолвное перемирие с каждым днём приближалось к критической точке, где кто-то, в конце концов, взорвётся. Девушка ставила на себя. И без того в последнее время всё чаще накатывает приступообразная тревога, а сны всё чаще прокатывают глухую темноту. Морально готовясь к холоду земли, Вини щедро сыпала льда в «отношения». За искренность его симпатии и гроша бы ломаного не дала. Оттого ещё больше. Её водят вокруг пальца, и она рада вестись. Она! На продажного Дон Жуана!

Сдавать назад поздно. Только вперёд, босиком по стеклянным осколкам. Пьеса идёт крахом – делай вид, что так и задумано. Беспросветную глупость можно бы было списать на чувства, если бы, наконец, пробудились. Мёртвое не оживает. А этот поцелуй... В фильмах с претензией на романтику подобная сцена понимала разве что в юности, когда Вини ещё загадывала себе похожий сюжет. С годами любовь приобрела для неё равно такое же значение, как журчание воды в скальном разломе, как мах крыльев мельницы, как дробь града по канализационному люку. Есть где-то – пусть будет.

Тут как с наркотиками? Не просечёшь «фишку», пока не попробуешь? Вопреки всему плохому, что было до и после, тот вечер Вини бы бережно сохранила в памяти на всю оставшуюся жизнь. Да, хранила бы. Не потому что бережливости способствовала грандиозность события. Не только лишь потому. Просто это было... хорошо.

– ... хорошо?

– А? – Вини прислушалась. Кто-то настойчиво тянул её из мыслей обратно в суровую реальность.

– Всё хорошо? – повторила Адали. Сложила вилку и нож домиком. Без утвердительного ответа продолжать препарирование говядины, видимо, не намерена.

Её локти на столе стали последней каплей, чтобы тоже позволить себе отвлечение от приличий. Поморщившись от усталости, невестка пожаловалась:

– Квас согрелся. Официант!

Вытянула руку вверх. Ткань перчатки глушила щелчки пальцами. Прежде в похожей обстановке Вини осмелилась бы разве что на робкий жест первоклассника-отличника. Ну да. Подружки сказывали – после первого раза женщина мнется кардинально. Должно быть, ей хватило поцелуя.

Парень, одетый в народную льняную рубаху, обратил внимание на посетительницу, только когда та его окликнула повторно. Придерживая поднос в двух руках, скорее для вида, чем для равновесия, подошёл. Смущённо прочирикал:

– *Bonsoir. Comment puis-je vous aider*¹⁸?

«Ты ведь не косарь. Под кого косишь, Кирилл? – окрестила Кириллом. Просто так. – Брал бы пример со своего коллеги. Балакает на родном и не выпендривается. Слышу же по акценту, что ещё вчера в Баклакинской на скамейке пиво посасывал».

Не торопясь подыгрывать, Вини уточнила:

– Вы меня понимаете?

– *Parlez français s'il vous plaît*¹⁹.

– Если нужно перевести... – уже было встряла Адали, но невестка остановила комичным: «Ать!».

– Как же так? Баклакинский ресторан. Хозяин Петров. А меня не понимаете?

Смазливое личико окаменело. Ясное дело, понимает. Вини тронула пальчиком эмалированную кружку, нарочито

¹⁸ «Добрый вечер. Чем могу помочь?» (фр.)

¹⁹ «По-французски, если можно». (фр.)

добродушно попросила:

– Donnez-m'en un de plus. Et apportez l'addition, soyez si gentil²⁰.

– Bien sûr, mademoiselle. Tout est pour toi... Vous voulez peut-être autre chose²¹?

– Нет, – переступая все правила этикета, девушка хищно оскалилась.

Не говоря более ни слова, официант удалился, прихватив с собой напиток. Проводя его глазами, как оптимист свои лучшие годы, Вини вспомнила про свекровь:

– Или вы хотели что-то заказать?

– Нет-нет, – хихикнула та.

Задумались, каждая о своём. Вини о своих снах. Где убийца бежит на неё с бензопилой; где в запертой комнате бомба отсчитывает последние секунды; где затянутая на поясе цепь со дна пропасти волочет к обрыву. Но почему так верилось, что очередная смерть – окончательная? Потому что ещё не пробовала умирать? Абсурдная мысль кардинально меняла поведение Вини в сюжетах. В храбром отчаянии прыгает на маньяка – её режут, на бомбу – разлетается на куски, в ущелье – разбивается о скалы с мерзким хрустом.

– Вы мне нравитесь, – отметила мама Богата.

«А вы мне – нет, – подумала про себя та. – Мешаете отвлечься».

²⁰ «Принеси ещё. И подай счёт, будь так любезен». (фр.)

²¹ «Конечно, мадмуазель. Все для вас... Может, желаете чего-то ещё?» (фр.)

С достоинством ответила:

– Чем вам приглянулся незнакомый человек?

– У вас добрые глаза.

Вини беззвучно хмыкнула.

– Знаете пословицу про тихий омут?

– В девушке должна быть загадка, – поделилась мудростью Адали.

Боже, как странно это выглядит. Свекровь – светлая юность, невестка – молодая грусть. Узри сею картину тронувшийся умом человек, завопил бы, как несчастный на полотне Мунка. Но у людей было полно времени, чтобы привыкнуть к подобным аномалиям.

– Позвольте, я буду откровенна? – начала Вини с привычно рабочим тоном.

– Разумеется, – оживилась Адали.

– Признаюсь, нахожу несколько странной... О, квасок!..

Так вот, нахожу несколько странной ловлю меня в магазине с предварительным мониторингом через соцсети.

– Понимаю. Но вы пришли. Стало быть, готовы к диалогу.

Вини засмотрелась на похлопывающую пенную шапку содержимого бокала. Если мадам так хочет, пусть озвучит намерение попользоваться ей. Всё равно жена Богата согласилась на встречу с его матерью, потому что... потому что...

«Потому что я умираю со стыда!»

Бестолковое подлое чувство. И ведь нет у него отходной точки. Это она должна держать обиду за его безрассудность.

За жестокость. Им движет жадность. Он также обманывал своих бывших, а ей легче. Разум кристально чист, картина ясна. Но... Пропасьть невыносима!

«Такая сентиментальная стала, – насмехалась над своей минутной слабостью Вيني. – Ну да. Старикам свойственно».

Больно отживать последние дни в сплошном напряжении. Если в самом конце увидит это его лицо, будто он избавляется от проблемы, сердце не просто остановится. Разорвётся.

«Нет. Не змея на груди. Не верю. Не хочу».

А если поможет им с матерью помириться, Богат потеплеет. Ведь нельзя бесследно хоронить любовь к родителям. Из неё прорастают цветы ненависти.

– Мне искренне жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, – смушалась Адали.

– Что произошло?

– А он не рассказывал?

Невестка пожалала плечами. Мол, понимай, как хочешь. Глаза свекрови тускло зарябили, руки спрятались под стол, наминать пальцы. Заговорила тише, нехотя. Голос надломился.

– Мой мальчик. Так долго это всё... Знаете, у меня же ещё дочь есть, Златая, – взгляд, полный материнской любви и благоговения к одному только имени, и тут же отвела его.

«Богат. Златая, – рассудила Вيني. – Повезло же вам родиться у обиженных жизнью скряг».

– Мы с мужем копили, – продолжала Адали. – В будущем

пригодится. Доченька моя влюбилась, обрадовала новостью, что скоро стану бабушкой. Разумеется, всё в пользу молодой семьи. Этот её, вольный художник, никогда бы на жильё не заработал, – грустно вздохнула. – Богат прознал и... ну, понятно. А ведь мы воспитывали его традиционно. Мужчина – кормилец, женщина – мать. Нам с мужем самим пришлось не по душе открытие этой его черты. Сказал, что больше нам не сын, и дверью хлопнул. Думала, вернётся через пару часов. Но проходит день, второй. Телефон недоступен. Обзвон дружков тоже не дал результата. В полицию не обращались. Ну, неправильно это. Не убьют же его где-нибудь, в конце концов? Самостоятельный такой – флаг ему в руки! Потом переехали в Париж. Златая там квартиру купила, и нам хотелось быть поближе к внуку. Богат исчез из нашей жизни. Будто и не было его.

Адали замолчала. Ожидала комментария. Жаждала его. Оправдание, соболезнование, возмущение, что угодно. Вيني как воды в рот набрала. Не для того, чтобы подсолить све-крови своей безучастностью. Но молчала. В пустой голове неоновой вывеской горело лишь одно слово, и слово было бранное. Не из чего черпать на ответ. Винивиан Степанчик матом не ругается.

– Бог знает, как он, где, – запустила свою шарманку Адали, но в этот раз «ручка» повернулась со скрипом. – Богат же такой, в социальных сетях ничего не публикует. Но вот рекомендации привели к вашей с ним страничке. Стало ра-

достно... и страшно.

Вини выгнула бровь, придав себе надменный вид.

– Причина?

– Я боялась, что он всё ещё зол. Что не захочет говорить со мной.

– Поэтому решили попробовать, так сказать, в обход.

– Признаться, я уже пыталась наладить контакт. Вы фотографировались в этом отеле, я узнала его. Пришла туда, дальше ресепшена не пустили, но разрешили позвонить со стойки. Сказал, что говорить нам не о чем, и положил трубку, – Адали смочила горло вином. – На следующий день прождала у крыльца. Вышел, вытаращился на меня, развернулся и ушёл. До ночи простояла – больше не показался.

Вини глотнула кваску, дала себе время подумать. Вид её был мрачным. С этой тяжеловесной кружкой в руке вписалась бы в какую-нибудь обшарпанную таверну, где бьют морды.

– Сын обижен на родителей, которые отписали наследство, будем это так называть, не ему, ничем не обременённому взрослому мужчине, а его сестре – девушке в положении без собственного жилья. – Глянула на собеседницу. Кивок не обязателен. – Да простит меня супруг, здесь он свои качества джентльмена благополучно потерял. К тому же, получается, через века остался при своём... Зачем он вам? Просто интересно.

Пауза.

– Это мой сын. Вы, как мать, должны меня понять.

Вини уж было открыла рот, да тут же закрыла. Уточнение смысловой нагрузки не понесёт, а тираду, по правилам этикета, полагается дослушать.

– Однажды я упустила его. Теперь, спустя столько лет, судьба сама привела меня к нему. Мне нельзя его больше терять. Нельзя! Винивиан, вы поможете мне?

В порыве чувств Адали, словно попрошайка, потянула свою руку к руке невестки. Несмотря на то что кисть была бесчувственной железякой, ещё и в перчатке, Вини одёрнула её и, дабы не обидеть грубым жестом свекровь, сделала вид, будто поправляет воротник.

– Но что я могу?

– Я просмотрела все фото, все видео. Никогда не видела сына таким счастливым. Определённо, ваше слово имеет для него вес.

«Имеет. Как он меня, – ущипнула себя Вини. – Избалованный ребёнок наказал отца и мать безвестностью. Страшно подумать, чем оплатит мне, если я не заплачу ему... В конце концов, моя жизнь и моя смерть в его руках».

Диафрагму будто скрутило. Спину закололи искорки, как от онемения. Невестка отвернулась, глядя в никуда, и этим только выдала свои слабости. Адали играла дуру. Именно что играла.

– Богат не мог не вспоминать, – мягко стелила она. – Вы же наверняка заметили, как ему больно говорить или мол-

чать об этом.

Вини не шелохнулась.

– Очерствел. За столько-то лет. Ему плохо, мне плохо, и я не хочу, чтобы это длилось вечно. Сыта по горло.

– Как вы собираетесь это проверить? – Вини выпалила, как топором бросила.

– Идти на контакт он не хочет... Надо свести нас. Чтобы не знал. И как-то удержать.

– Предлагаете связать?

Адали пусто хлопнула глазами. Шутка не удалась. Юмористка попыталась ретироваться:

– А как тогда?

– Если заявлюсь в номер даже с вашим приглашением – натравит охрану. И сцена в каком-нибудь ресторане нам не нужна. И самое главное, чтобы вы были рядом. От вас же не сбежит.

Призадумавшись лишь на секунду, Вини предложила:

– Bois de Vincennes²²?

– Да! – загоревшаяся идеей красавица чуть в ладоши не хлопнула. – Винивиан, сколько вы в Париже? Вы отлично знаете город!

– Благодарю. Я договорюсь с ним и сообщу вам позже. Хорошо? – Вини заёрзала на стуле. – Спасибо за доверие. Всего доброго.

Встала из-за стола, но что-то не дало ей развернуться и

²² Венсенский лес (фр.)

уйти. В бутоне хрупких рук была зажата её железная. Чувствовалось только натяжение, без тепла кожи через плотную ткань, и невестка помедлила. Непонимающе заглянула в мокрые глаза свекрови, а когда та назвала её сокращённым именем, переступив психологический барьер, невидимый купол пошёл трещинами.

– Умоляю, не сбегайте! Я однажды умру, так и не обняв его. Пойми же!

Выдержав мгновение-второе, Вини ответила бесцветно:

– Я понимаю.

На ходу срывая куртку с настенного крючка, Вини покинула ресторан. Ворвавшийся ветер лизнул банкноты в кожаном кармашке на столе.

Чёрные сломанные паучьи лапки спящих деревьев растянули над головой ватное одеяло цвета пепла, набитое колотым льдом и дымом. Снежные валики покоились на ветвях, рыхлели, чтобы вскоре окрепнуть с последним морозом. Горластые вороны кликали торопыгу-весну. Взмывали над иссох-

шими вязами, кружили шумным роем. Заплутавший март устал искать себе временный приют – развалился прямо на голубых сугробах. Минус три по Цельсию. Капелька пота мухой щекотала спину, но Вини не поддавалась и чёрных кожаных перчаток не снимала. Надела специально для этой встречи. Как шпионка. Детское мышление, однако, уверенности прибавляет.

Щёки, целованные розовым, рябили аки оперение брюшка снегиря. Хлынувшая к лицу кровь выдала её волнение. Адали, теребя хвоинки пушистой еловой лапы, обронила:

– Долго он.

– Придёт, – так же неэмоционально ответила Вини, не глядя в её сторону.

Всё равно смотреть не на что. Густые светлые волосы стянула тугая резинка на затылке, а алое пальто сменилось лыжным комбинезоном. «Собачка» развела молнию до середины груди. Замыслила своим якобы неприглядным внешним видом внушить сыну жалость? Но даже в потасканном спортивном костюме и с зализанной причёской вызывала у Вини только глубоко закопанную, абсолютно бессмысленную, примитивную, постыдную женскую зависть.

Ничего не изменилось. Мир, жвачка, а от былой дружбы на деле – одна оболочка. Богат ударился в работу, и жене необязательно знать, что стартовым капиталом стал её подарок – платиновые запонки. Пропать росла – Вини решилась на отчаянный шаг. В пустоту. Даже если под ногами не затвер-

деет воздух – лучше, чем топтаться у края.

Повод для свидания – фотография в живописном месте. Всё для дорогих подписчиков.

«Зря. Он только разозлится», – в последний раз перевесила чаша весов.

– Зря, – озвучила её мысли Адали. Сиплость голоса всё-таки привлекло внимание невестки. Она плакала: – Зря. Ничего не изменится. Ничего не изменится!

Вини инстинктивно потянула руку, но ладонь так и не коснулась плеча горюющей матери. Выглядело неискренне. Именно что выглядело.

– Всё наладится. Он... хороший, – наконец призналась она самой себе, когда за стволами и решетом кустов мелькнул тёмный силуэт.

Порыв провалиться сквозь землю, убежать, зарыться в сугроб побудило осознание себя как второго самого глупого человека на земле после того, кто просунул руку в медвежью клетку. В желудке похолодело, пальцы согнулись в лапы коршуна. Свекровь отдалялась. Зашагала по траектории полукруга. Кривыми следами рисовала дугу на протоптанном снегу. Белокурая бестия зачарованно наблюдала движение за деревьями. Глаза широко распахнутые, рот, обведённый мокрым блеском, приоткрыт. Подобное выражение лица присуще либо любящим, либо полоумным.

– Боже, – прошептала имя Его всуе Адали. – Наконец-то. Боже.

Вини боялась посмотреть на Богата. Боялась увидеть, как выражение его лица меняется с привычного благодушия на потрясение и лютую ярость. Поэтому всё внимание своё обращала на спутницу. И зацепилась. Что-то не понравилось ей в свекрови. Сухие глаза. Сухие... Как так? Адали ускорила шаг. Вини, словно тигр на охоте, без единственной мысли в голове, закралась за ней.

Супруга угадала – Богат излучал довольство погожим деньком, когда направлялся к отмеченному на карте месту в Венсенском лесу. Сказала, там чудный вид. В самом деле, под боком – блюдце замёрзшего озера. На другом берегу белая каменная беседка. Но не фотографироваться его Вини позвала сюда. Нет-нет-нет. Вчера была как на иголках. Суевливей и молчаливей обычного. Даже чай пролила. Дважды. Неужели разобралась в себе (с его посильной помощью)? Надежда вселяла восторг. В холе отеля, в вагоне метро, под сеньями дубов, раз за разом возвращаясь к этой мысли, он сдерживался, чтобы не вскинуть руки, не явить победный клич. Но, как на качели, скатывался в крайность другую. Несмотря на то, что одна половина талдычила: «Ага, она признается», вторая повторяла эхом, только без сарказма. Богат усердно прислушивался исключительно к хорошему предчувствию.

Выплыв из кустов на безлюдный бережок, оптимист с ходу принялся строить глазки жёнушке, ещё не видя её. Сто пудов сидит сейчас на краешке скамейки, поджав колени, и в тысячный раз репетирует свою полную эмоций и сногсши-

бательных открытий речь. Декорацию сцены слагали сухие тучи, кромка леса и да, та самая далёкая беседка, косящая под творение античное. Но дух захватило и остановило время не примечательный вид, а главный антагонист этой трагедии. Шок не поразил его. В одно мгновение он стал его естеством, его чревом и сутью.

Аки зритель первого ряда, будто в замедленной съёмке, Богат сейчас сумел бы посчитать число взмахов крыла колибри, если потребуется. А ему достался грациозный танец... родной матушки! Рука её плавно (только для него, ибо в реальности минула доля секунды) нырнула за пазуху и рывком дёрнула оттуда... пистолет? Ах, если бы. Баят-г4 – даже в тени небес горящая бронзовыми боками так называемая «гражданская» модель смертоносного пневматического оружия. Так вот почему конец жизни сравнивают с туннелем «туда». Сказки, что свет. Чёрный провал. Одно сплошное ничего. Всё. На него в упор смотрело дуло, и хоть до матери ещё метров семь, казалось, что Богат лицо насадил на её ствол. А по обе стороны от точки – унаследованные им притягательные глаза самого родного человека, в коих клокотал ад. Сын не заметил, как застыл. Идеальная мишень.

Запущенный отточенным движением изящного пальчика на спусковом крючке дротик с хлопком вырвался на волю. Игла проткнула материю. Яд прыснул в плоть, но тут же отхлынул в ампуле, не найдя выхода. Путь ему отрезала калёная сталь. Железная рука в перчатке приняла огонь на себя

– обхватила ствол, начинённый единственным патроном.

Тело сделало всё само. А думалось, геройство – явление осознанное. Слава Богу, Вини шла с левой стороны, иначе быхватила отравы. Но живая рука не осталась безучастным придатком. Примечательно, что сразу после грохота сработавшего оружия, убийца цапнула невестку, и только потом сигнал дошёл до мозга. Адали полагала пальнуть в сына и удержать свидетельницу, чтобы та не побежала вырывать ампулу. В первую очередь у застреленного отсыхают руки, и помочь сам себе уже не может, а через десять секунд – он труп. Осечка невозможна. Невозможна. И...

«У неё что, протез?!»

Искусственная рука отшвырнула самострел, но вторая так и осталась в оковах захвата. Вини потеряла равновесие – Адали двинула ей в нос. Мужчина с невиданной доселе ловкостью присел, нырнул в кусты, кубарем докатился до ближайшего дерева. Спрятался, прижавшись к стволу, зачем-то прикрыл голову руками. Лучшее, что может предпринять зайчонок, заметив охотника в опасной близости – спрятаться. Вылетевший из пущенного в свободный полёт Баята-г4 дротик с нежным шорохом вошёл в снег, совсем рядом. Богат запищал, сжался в калачик. Дрожал осиновым листом. Кому аксиома бесстрашие и мужественность, тактично (или токсично) промолчали бы сейчас. Столь страшно и жалко это было. Дико.

Падая навзничь, дезориентированная болью, Вини хвата-

нула нападавшую освободившейся механической рукой. Не произнося ни звука и даже не думая, телодвижениями автоматически активировала программу «Скалолаз». Одна из пакета функций усовершенствованной конечности, подразумевающее закрепление на каком-нибудь неплоском объекте. Работает по принципу оттяжки, чтобы любитель гор без страховки в случае срыва зацепился за камень и повис на руке. Пальцы разожмутся, когда захочешь, но никогда случайно. Хоть сто лет виси.

В фильмах это захватывающе. Дерущиеся в «slow motion²³» поражают силой, хитрят и балансируют. Кровь и зубы разлетаются маленькими фейерверками. Соперники порой даже поговорить успевают. Томно вздыхая, стирая липкие потоки с лица, культурно выясняют за жизнь. В эту самую секунду Вини мысленно послала всю киноиндустрию далеко и надолго. Адали, вопреки своей природной женственности, оказалась сильнее человека с титановым скелетом. А то ж! Она-то готовилась. Выучилась стрельбе и контактному бою. А что Вини? Вини перед выходом погладила брюки. Стрелочку отутюжила.

Милая блондинка, с которой они буквально пару-тройку дней назад делили общий стол и откровенничали, оседлав невестку, мутузила её нещадно. Детский страх брэнчал тревожным колокольчиком:

«Моя рука. Я размозжу ей голову. Не сдержусь. Не могу.

²³ Замедленная съёмка (англ.)

Не могу!»

Вини кое-как защищалась от града ударов. «Скалолаз» по-прежнему удерживал запястье матери Богата, вот только она – лядский амбидекстер! Несчастливая захлёбывалась жидкостями из сломанного носа. Выбитый клык и осколки зубов бултыхались в полости рта, впивались в дёсны. Не знающая пощады свекровь прыгала на ней, не оставляя попыток встать. В повороте ногой целилась в лицо, но атака приходилась на предплечье, начинённое титаном.

«Господи, пожалуйста! *Помоги мне!*» – молилась Вини, однако Он, похоже, оставил её на растерзание адскому черберу.

Адали, ослеплённая яростью и дьявольской одержимостью, забыла о сыне («Он сбежал! *Он сбежал!*») и теперь отрывалась на его подружке. Обе охали, попискивали. И вдруг Вини столь душераздирающе заорала, что, кажется, это вопил её внутренний демон.

Рёв разбудил Богата. Позвал выглянуть из укрытия. Его спасительница выгибалась как одержимая, не переставая возвещать мир о своей боли. Вывернутую под неестественным углом кисть её дёргала Адали. Ахиллесова пята человека с металлическими костями – суставы. Она хочет оторвать ей руку. Она не оторвёт. Она сошла с ума. Сын тоже на пути к этому.

Богата пригвоздил к земле ступор. Неконтролируемый первородный ужас. В звуках пытки потонул истеричный шё-

ПОТ:

– Police? Meurtre... Bois de Vincennes... Dérêchez-vous²⁴, умоляю!

Даже когда на той стороне сбросили, звонящий не смог оторвать телефон от щеки. Прижался, как к щиту. Неужели правда? Неужели у него хоть немного прояснилось в башке, и он, наконец, догадался вызвать помощь?

Отдел, куда поступил сигнал, находился в трёх километрах от места происшествия (если по прямой). Бобику придётся колесить по этим лесным тропкам минут пять. Мсье даже не будут особо спешить во избежание возникновения опасной дорожной ситуации, и вот почему. Полминуты спустя, которая Богату показалась вечностью, из верхушек деревьев выскочило нечто крестообразное, с обхватом метра в два, угольно-чёрное на фоне серого неба, жужжащее не громче шмеля. Летящая махина плюнула верёвкой. Пойманную за шею, как строптивную лошадь, Адали поволокло и кинуло в сугроб. Всё это произошло так быстро, что воображение подкинуло версию инопланетной атаки. Это был полицейский дрон.

Заарканенная бросалась и рычала, точно собака на цепи, тщетно пытаясь разорвать оковы. Парящий крест, вопреки иллюзии лёгкости, держал крепко. Опасность локализовалась. Богат не спешил покидать своего укрытия.

– Па'ень! Па'ень! Успокойся.

²⁴ «Полиция? Убийца... Венсенский лес... Поторопитесь» (фр.)

Присев от неожиданности, он вскинул голову к дрону, из которого лилась русская речь. Диспетчер, управляющий игрушкой из своего кабинета далеко отсюда и глядящий через око камеры в сердцевине перекрестья, по акценту и вырвавшейся мольбе узнал иностранца и снизошёл до использования его родного языка.

– Всё под конт'олем. Наши в пути.

Над парком чёрными воронами кружили рыдания и проклятия Адали. Приросший к дереву Богат выслушивал. Жена его так и лежала в позе эмбриона на окроплённом кровью снегу, и просачивающиеся через сбитое дыхание стоны боли растворялись в арии ненависти матери к своему сыну.

В тридцатом веке уголовные дела разрешаются стократ быстрее и приятнее, чем в каком-нибудь дремучем двадцатом. Всякое крупное отделение полиции располагает комнаткой с блестящей бандурой, напоминающей созданный нездоровым на голову художником торговый прилавок, с двумя стульями друг напротив друга. Пусть не ослепляет блеск чудо-агрегата под люминесцентными лампами. Разве

что сияние его величия. Ибо это по-прежнему высоко ценимое изобретение человечества – ЧИ, если на русском. Читатель Истины. Детектор лжи – детская игрушка по сравнению с ним. Никаких тебе огрехов из-за скакнувшего от стресса пульса. Один допрос – и вуаля! Протокол – в суде, преступник – в тюрьме. Но подобный расклад получается лишь в том случае, если виновный затаился среди подозреваемых. А ежели на скамье одни слепые, глухие свидетели с паталогической амнезией... что ж, придётся пораскинуть мозгами, растормошить зачатки дедуктивного мышления. После чашечки кофе.

Дело в шляпе. Высоко сидящий и далеко глядящий полицейский всё видел в фокусе камеры дрона. Однако в отделение привезли всех троих. Мало ли. На вид – мальчишка, чьего лица ещё не касалось лезвие бритвы, а по факту – двухсотлетний, как это часто бывает, заступник слабых, первым к себе вызвал того, кто вызвал их. В баре с миловидными парижанками Богат не испытывал трудностей с иностранным. Теперь не мог вспомнить каждое третье слово, а каждое второе выговаривал с ошибками. Полицейский пошёл на встречу, хотя русский ему давался тоже не то чтобы легко. Проходи Громыка детектор лжи – на экране только бы и плясали алые ломаные. Пойди что разбери. А так мсье в погонах получил объективную картину «за минуту до» с бонусом в виде подробностей чужой личной жизни. Хотя нельзя утверждать, что он того хотел.

Вини отказалась от сопровождения в ближайшее медучреждение. Взбешённая, как дикая кошка, не желала затягивать с дачей показаний. Затянула только вывихнутое запястье шарфом туго-туго. Боль лишь усилилась, но инстинктивно хотелось укрыть, защитить обезображенную руку. Когда снежок, приложенный к разбитому носу, растаял, потерпевшую позвали в допросную второй. Терпя головокружение, жжение и ломоту в теле, она выдавала исключительно сухие факты, тайно нуждаясь в излиянии всего, что отхватила. В проявлении слабости. Потому что сил не осталось. Хотя интервьюер бы поспорил с этим. Показатели ЧИ сдавали пострадавшую с потрохами. Высвечивалось на мониторе сочными эпитетами. А Винивиан умалчивает. Только слюну кровавую сглатывает. Здесь болото, копать – время терять, так что полицейский не стал ворошить этот улей.

Адали допрашивали до самой ночи. Она была в надёжных руках, так что Богат уехал ещё до того, как Вини уехала в больницу. Муж и жена, не видя друг друга, разошлись в разные стороны.

Весь следующий день пациентку латали. Под вечер курьер передал копию заключения по делу. От чтения подскочило давление, и Вини решила потревожить медсестру – хранительницу целебных снадобий. Больная пыталась отвлечься прогулкой по коридору, залипанием в окно, переминанием с ноги на ногу в очереди в душ. Но рука сама ныряла в карман за бумажкой, уже порядком мятой.

Это Адали заказала сыну киллера. Правда – потеряла след, много лет назад. А потом Богат объявился в сети. Внутренние алгоритмы сами подыскивают для пользователя дальних родственников, старых друзей. Так мама и вышла на страничку новой ячейки общества. С фотографий смотрели знакомые, лучезарные глаза. Адали обратилась к наёмным убийцам. Они не детективы, и искать жертву по всей Москве не взялись бы. У заказчицы не было наводки, вплоть до того момента, пока сынок не вышел в прямой эфир на жалкую минутку, засветив вывеску «Пессимиста» – ресторана, молва о котором дошла аж до Парижа. Один телефонный звонок. Снайпер успел на крышу ближайшей спальной «панельки». Глаз – алмаз. Одно помешало. Цель внезапно вскочила. Промаяхнул, попал чуть ниже. Если б не это, даже помощь спутницы не спасла бы Богата.

Сучий случай! Адали пришлось порядком понервничать. Русская мафия гарантий не даёт, а повторный заказ не потянула бы. Хоть и живёт в столице Франции, похвастаться достатком не может. Но воистину, нет худа без добра. Ребята кичились покатушками по Европе. А когда на фоне снимков и коротких видеороликов засветился Париж, мама взяла ситуацию под свой личный контроль. Тут и опросник Вивианиан про книжный магазин. Боже мой! За такую удачу Адали заложила дом, чтобы купить Баят-г4 с сюрпризом внутри. Ещё на первой встрече поняла – уговору быть. Достаточно слезливой истории. Только ни в коем случае не спугнуть!

Заинтересовала. Не торопила. Либо манипуляции – их семейная черта, либо Вини – просто дура. А её присутствие на стрельбище являло собой необходимость, чтобы поддерживать легенду. Сама полезла на рожон, сама виновата! Если бы Вини не собиралась на тот свет, пришлось бы ждать мести. Бояться, оглядываться. Минусы общедоступного бессмертия.

Повод для расправы предсказуем для опытных следователей. Адали встретила нового мужчину. Захотела ребёнка. Не имели права, так как у женщины уже было двое детей. Вот если бы один из них погиб... Почему так? Почему сын? Для ясности хватило бы того, с каким трепетом та произносит имя дочери. В протоколе выбор преступницы объяснили крайне скупо – семейные разногласия.

По результатам расследования с допросом на базе ЧИ: «Парижская прокуратура просит Парижский суд признать Адали Чекан виновной... и назначить наказание в виде четырёхсот двадцати пяти лет пребывания в колонии общего режима без права на досрочное освобождение».

Заключение не удовлетворило потерпевшую. Показалось мало, при том что это почти вся её сознательная жизнь. Но это сейчас. Когда кости носа срastутся, пробелы в ряде зубов закроются, а правая рука перестанет ныть, точно сердобольная тётка над чьей-то могилой, может, поутихнет и ярость.

«Но воспоминание о первом парне спустя половину тысячелетия не утихло же. А время на прощение уже всё...»

Муж не показался. Не привёз сменной одежды, гигиенического набора. Не позвонил. Вини не обижалась. Ничуть. Ни капельки. Более того, сама волновалась за него. После всего, боялась, как бы не наделал глупостей. Каких? Каких... Тревога – штука нерациональная. Но сама не позвонила. Не надо. Ему есть о чём подумать.

Богату осточертело бояться, и следующим днём на стук в номер он просто открыл дверь, не удосужившись уточнить, кто пришёл. Даже не глянув, удалился в гостиную, будто визитёр отвлек его от дел, не терпящих отлагательств. А всё же дрожь пробежала по спине от чьего-то шарканья.

«Если не Вини?.. Собака, молчит!»

Оглянуться запрещало достоинство и парочка негативных эмоций, с каждой по крошке. Гадкий получается пирог. Ещё и опаской посолил.

«Да чего она, в самом деле? Язык к нёбу прилип?»

Хозяин с королевской манерностью устроился в кресле, обхватив лаковые подлокотники, будто кондор на жерди. С тумбочками по бокам, увенчанными вазами, он действительно походил на императора в алом махровом халате. Незаметно выдохнул, узрев перед собой супругу, усаживающуюся напротив, на такой же «трон». Когда-то миллион лет назад они целовались вот на этом самом диване. Теперь их разделял не только он, но и будто бы невидимая панель, как в комнате для свиданий в тюрьме. Огонь стрекотал в камине. Пожирал протокол допроса. Дымок подсасывал слова.

Успокоившись, что это не мамашка пришла закончить начатое, Богат пробежался взглядом, цепляясь за новенькое. Только не за синяки. Если рассматривать каждый – залипнешь, как перед цветастой абстракцией. Отёк со скулы не спал. Разбитая бровь перекрещена пластырем. Расквашенную нижнюю губу таким способом прикрыть, судя по всему, не получилось. Переносицу обхватывает металлическая пластинка, похожая на канцелярскую скобу. Но самое главное – руки. Правую, опухшую, стягивал компресс. Левую – железный каркас. А всё почему? Потому что одна жадина-говядина, страхуя свою кибер-культяпку, предпочла международному пакету гражданский, не имеющий силы за пределами Руси. Французские врачи только запихнули её руку во что-то, похожее на дырявую трубу, а если литературно – на адскую конструкцию из чертежей маньяков-садистов. Зафиксировали, так сказать, безжалостно порезав дорогое чёрное пальто. А чтобы пациентка, пока летит на Родину к своим докторам, не сошла с ума от боли, в комплект «шины» ввели агрегат по типу широкого толстого браслета с дверцей, прикрученной шурупами, и кнопкой на корпусе. Через вколотую до самой кости иглу раз в час поставлялось обезболивающее. Видя этого не ощущала. Напрягало лишь присутствие инородного тела в плоти, когда мышцы напрягались. Вот как сейчас.

Жена смотрела на мужа с необычным для неё выражением лица. Нечто среднее между Донном Карлеоне и казнённым на электрическом стуле. Кто-то умеет заглядывать в душу,

гипнотизировать, как змея. Вيني же будто всадила в голову Богата огромный средневековый меч и держала, как шашлык.

«Вид у тебя какой-то... *побитый*», – этой непроизнесённой шуткой целованный смертью попытался сбросить с себя хоть толику напряжения. Из всего, что слагает личность, хихикнул только Ид.

Та будто услышала его мысли. В такой-то тишине. Расслабленно мотнула головой. В темноте зрачков качнулась пустота. Взгляд тут же растаял. Не похоже на напускное. Для человека с тараканьим мегаполисом в голове в сложившейся ситуации это не то, чтобы плохо... Это безнадёжно.

Без «Здрасте» с намёком на смешинку поинтересовалась:

– Как дела?

Глядя исподлобья, тот тихо, грозно произнёс:

– Зачем ты связалась с моей матерью?

– А мне капу на челюсть поставили, – прошепелявила она. – Сказали, будут резаться, как у младенцев.

– Зачем ты связалась... с моей матерью?

– Ты меня в чём-то подозреваешь?

Побои подходили под аргумент. Но больше – это чистейшее ядовитое негодование. Богат чуть расслабился. Да, Вини относится к той категории людей, кто может и заболтать, если это будет выгодно. Только беседа сейчас не имела бы смысла. Грохнула бы в коридоре, пока шла хвостиком. В конце концов, именно жёнушка позвала его в медвежью бер-

логу. Кто знает, что на умишках у этих чокнутых?.. Но, Боже мой, как это несчастное создание в теории может навредить ему? У неё и рук-то нет!

Одно счастье – ошиблись они. Оклеветали русскую полицию. Не охотится за Богатом Родина. Значит – не слышали стены, а полковник ФСБ, знойная красотка и, как выяснилось, добрая душа, сделала всё, чтобы не услышали. Жаль, что ошибка привела их к тому, от чего убегали. Первое покушение, по чудовищной случайности, загнало оленей в засаду. У Бога есть чувство юмора. Аж матушка обалдела от такого поворота событий. Ну ничего, пусть отдыхает теперь и не морочится по поводу денег ближайшие лет пятьсот. Дома-то у неё больше нет. Он превращён в улику, что покоится в отделении полиции. В ящичке стола, запёртого на ключик. В камере-то всяко теплее, чем на улице, правда?

– Богат, – слова давались Вيني с трудом. Уголок рта задёргался от спазма.

– Ты не ответила.

– Не надо. Не надо, дорогой, этого, пожалуйста. Я злая сейчас, – на одном выдохе выпалила она.

У супруга в боку закололо от вида, как её затрясло. В некогда непроницаемых глазах поселилось что-то живое, колющее, мерцающее.

– Мне не сообщили. Я опять дура. Но ты помоги. Скажи, прошу... За что меня... так?

На том словарный запас иссяк. Глядела снизу вверх, с от-

крытым ртом, ожидая, как он сейчас все грехи ей отпустит. И Богат сказал:

– Не надо было ле....

Тут же сжался от звука выстрела, прикрыв ладонями макушку. Даже страха не осталось. Оно само собой происходит, будто защитная поза поможет. Третий раз ему не повезёт. Вот Богат и открылся.

Обнаружил, что это Вини ударила по вазе закованной в железо рукой. Расписной фарфор нашёл свою смерть на мраморном полу. Вселенная треснула, брякнула перебранкой осколков. Облик Вини преломился. Вскочила. Широко расставив ноги, пружинила, не зная, куда себя деть. Сгибалась, чуть не падая. Богат, измученный, рассвирепел от такой выходки. Тоже подорвался, всё держась за подлокотники, как приваренный. А то взлетит.

– Сука! – кричала она. – Сука, за что ты в моей жизни? Только сейчас, за что?!

– Да чего тебе надо, психованная?! – пучил глаза так, что, того гляди, лопнут. – Что ты лезешь ко мне постоянно?!

– Паскуда! Я спасла тебя! Дважды!

Языки адского пламени росли, рвались из камина в комнату.

– Да если бы...

– Меня никогда не били! Никогда! – Вини жестикулировала изувеченными руками, не замечая боли. – Это отравка! Ты – смерть! Я *умираю*!!!

– Я умираю!!! – Богат со всей силы топнул ногой. Схватился за волосы. Обзор застелила солёная вода. – Из-за тебя меня дважды пытались грохнуть! Зачем я тебе позвонил?! Этот союз проклят! Ты воронка, ты убьёшь меня! – не помня себя, захрипел. – Я же, правда, хотел помочь. Я же делал добро. За что? За что, лять?!

– Добро?! – Вيني как крыльями махнула. – Вот твоё добро! Это случилось, потому что ты крысишь. Проворачиваешь за моей спиной!

– Кто бы говорил? Я тебя с убийцей не сводил!

– Конечно. Это я его к себе позвала! Пустила в дом, – девушка искала поддержки в окружении. – Меня все обманывают. Вся ваша семейка. Я ведь доверилась. Дура! Какая же я дура!

– Да.

Богат сказал это так тихо, так жестоко констатировал, что как отхлынуло.

– Мы возвращаемся, – подытожила Вيني. – Завтра же. Потерпи недельку, и всё закончится.

– Да поскорее бы.

Испепеляющие взгляды в следующую секунду, как нож – масло, с обеих сторон прорезало что-то холодное. Болезненно-отчаянное, что навеки остаётся на сердце не шрамом – кровоточащей пробоиной. Оба вздрогнули, словно хлыстом стёгнутые. Разошлись.

Ещё минуту назад бушующий в камине огонь теперь теп-

лился светящимися углями. Всеми оставленный, медленно умирающий. Вيني не давала себе отчёт, когда крушила всё хрупкое, до чего могли дотянуться парализованные руки. Богат не понял, как оказался на улице, в незнакомом квартале. Как есть, в куртке поверх халата, в ботинках на босу ногу. Вот и закончился медовый месяц.

Глава 8 – Свидание

Суд над Адали Чекан был назначен уже на следующее утро, однако потерпевшие его не дождались и быстренько «отчалили» под предлогом нездоровья мадам Степанчик. Их присутствие – скорее дань традиции, чем необходимость, и полицейский на том конце провода только пожелал им доброго пути.

Никаких отмен рейсов. Погода лётная. Даже автомобильные пробки чудесным образом рассосались. Париж недвусмысленно указывал гостям на дверь. Богат и Вини со вчерашнего дня почти не разговаривали. В метро, на таможне и в салоне самолёта их можно было принять за случайных попутчиков. Слова, сказанные друг другу, должно пересчитать по пальцам: «Курицу?», «Рыбу», «Я пройду?», «Угу», «А где?», «Чемодан? Вот». Беззлобно, неудобно.

На протяжении всего полёта девушка делала вид, что читает роман, купленный в той самой хвалёной книжной лавке. За три часа перевернула три странички. Бездумно разглядывала буквы – немудрённые узоры без смысла и содержания. Красные строки – ширма, за которой можно спрятаться от мира в собственных мыслях.

За последнее время Вини столько раз успела разочароваться в себе, что было уже не так горько. Как спортсмены не становятся сильнее физически стереотипно быстро. Про-

сто учатся терпеть до предела, заходя всё дальше и дальше. А если это Божьи испытания? Каждый верующий знает, суицид – грех. Выходит, истинные праведники никогда не попадут на Небеса? В любом случае, если Он захотел так отговорить её – получается не очень. Скорее наказать. Репетиция перед прыжком в Ад. Как любезно с Его стороны... А чего, собственно, другого стоило от неё ожидать?

Винивиан не была замечена за страстью к науке, искусству, спорту. С маминой подсказки избрала состоятельность как жизненную цель. От рождения отчисленная из института любви шагала по карьерной лестнице, не спотыкаясь и не сворачивая. Обделённая главными женскими качествами – прелестью и ушлостью, отличалась усидчивостью и терпением. Когда опыт отсеял тех, кто садился на шею, трудолюбие стало приносить реальный доход. Хожение по головам при всей своей эффектности скрывает неоправданные риски. Та, кто «любит всех, а значит никого», предпочитала стоять на твёрдой земле. Тут она слушалась Церковь. Однако и на добрячков находится ненавистник. То нелепое покушение на корпоративе – дело дней минувших. Замглав уже простила клерка. Не стоит обижаться на дурачков... Да, на дурачков.

Вини смело может записываться в этот клуб. Хотя он её так злит. Так злит! Страшно раздражает человеческая тупость. Потому что не может быть, чтобы кто-то был глупее неё. Не может, слышите?! Знания её – зубрёжка, опыт – вы-

веденные до автоматизма действия. Не харизмой и азартностью, так статусом и состоятельностью она представляет ценность для общества. А если ты не «девушка» крупной птицы, однако при деньгах – это какое-никакое свидетельство ума. Не дура же она, в самом деле! Глупая, но не дура. Иначе не смогла бы ворочать миллиардами долларов. Но поведение её роботоподобно. При всей охоте нести груз ответственности Вини не умеет принимать быстрые смелые решения. Пусть свои задачи переключаются на отдел маркетингов и финансистов, для неё самой-то ничего не меняется.

Богат разрушил её идеальный долгострой. Сначала нейтральный образ тёмной рабочей лошадки канул в лету из-за грязных сплетен. Плевать даже на Тару Луз, растрепавшую журналюгам о случайной беременности новой жены её бывшего («Дружка-то своего, предполагаемого отца, не сдала ведь. Да, коза?»). Эта история растворилась в бульоне прочих. А всё из-за муженька. Из-за этих его посиделок с ФСБшницей. Помочь он, видите ли, пытался! Потом киллер... Оставалось только свалить. Переждать. Вини и правда рискнула, подорвалась. Глупое решение? Единственно верное. Но дальше... Мать Божья! Ситуация с психованной свекровью – надгробный камень, проломивший Вини голову. Так нелепо повестись! Душевное истощение – дешёвое алиби. У замглавы на рабочем месте каждый день Конец Света, и как-то справлялась. Упёрлась рогами и вперёд. А все эти внезапные, отвлекающие манёвры – семейные перипетии

Чекан и Громыка, недомолвки, поцелуй – кислотой разъедают её броню. Убивают. И, умирая, Вини протягивает Богату руку. Хотела как лучше, получилось как всегда.

Он едва не погиб. Из-за неё. Безрукая отвернулась к иллиминатору, чтобы муж не увидел мокрых глаз. Как это можно оправдать? Как простить?

«Господи, помоги продержаться. Ещё чуть-чуть. – Слезинка отразила солнечный лучик. Вот она – свобода, безмятежность. Голубая пустота. Только прикоснись. Но даже будь руки не закованными шинами, мешало проклятое стекло. – Посмотри. Запомни. Помаши апостолу Петру и катись к дьяволу!»

Если до Нового года Вини приняла решение сбежать от трудностей в другую страну, теперь задумала решить проблему кардинально. Перенести дату похорон на ближайший месяц. И уже озвучила своё решение, там, в каминной гостиной, распалаясь бранью, разбивая посуду. Смелая же! А признание собственных ошибок требует мужества. Не могла она так поступить с Богатом. Оставить без крыши над головой, как его похитители, с послевкусием израды. Её проклятие скудоумия без того здорово потрепало ему нервы и подставило под удар карьеру дамского угодника, а у них уговор. Старый друг всегда был к ней добр. Альфонс, а о завещании не вспоминал. На карманные расходы не тянул. Чуть не расстался с жизнью, потому что попытался найти чужую ему девочку, пропавшую по вине супруги.

«Я больше не буду для тебя проблемой. Обещаю», – молча клялась Вيني, прожигая взглядом книжку. Будто страницы были зеркальными, и в них можно было бы увидеть того, кто сидит рядом.

Откинувшись в кресле, Богат смотрел в другую сторону с выражением глубокой задумчивости. В наушниках играло что-то агрессивное, но музыка звучала точно из мобильного в чужом кармане. Текст вовсе был пущен пеплом по ветру грузных аккордов. Рокеры из кожи вон лезли, чтобы отвлечь слушателя, чтобы изгнать его прочь из собственного тела. Они облажались.

От себя не убежишь. Как жаль. Если даже не из самолёта, так спрятаться под шкурой другого человека. Того же мальчишки с соседнего ряда, и смотреть со стороны на избитую подружку какого-то мрачного мужика.

«Улыбнись жизни, и жизнь улыбнётся тебе!» – так говорила любимая сестричка, одной фразой описывая всю суть своего братика. Очень быстро Богат обнаружил источник жизненной силы в душе. Пока бьёт ключ – от жажды не умрёшь. Даже если пресмыкающийся или крыса сухопутная – в своём болоте будешь королём. А судьба регулярно проверяла работоспособность схемы. Била по морде – подставлял другую щёку и смеялся. И жизнь – дама капризная, своенравная, в конце концов, таяла, покорялась.

Вот выкинули из дома, например. Так ёлки-палки, миллион и два варианта бесплатного ночлега! Хотя бы приют.

Но, проведя там ночь, Богат зарёкся переступать порог сих заведений. На крайний случай всегда можно развести клубную барышню, даже не тратясь на выпивку. Только на то он и крайний, что оплачивать крышу над головой через постель как-то... уничижительно.

«Я всё-таки себя не на помойке нашёл!» – молча вспыхнул Богат. Вспыхнула картинка, где сидит среди мусорных контейнеров. Грязный, бедный, бездомный.

Он всегда оставался оптимистом. Пусть со временем это деградировало из черты характера в навязчивую идею. Ибо в связи с последними событиями родник души его стал как-то иссякать. Похитители все соки выпили («Или это сушняк от этой дряни?»). Неожиданно в худую минуту к нему, подлецу и богохульнику, снизошёл Он. Рука Всевышнего коснулась его, чтобы остановить скроллинг телефонной книги на Вини.

Милая девочка ещё в далёком прошлом имела неосторожность выдать свои альтруистические наклонности. На безрыбье носом особо не поводишь, а эта рыбка оказалась лобстером. Одинокая, бездетная, добренькая. Надой с новой козочки обещал возврат утраченного, непременно с бонусами! А то, что собралась на тот свет, оставляя наследство... ну, это уже заявка на самого везучего! Вот только сыр из дарёного молока лежал не просто в мышеловке – в медвежьем капкане. Богат обнаружил себя в тисках слишком поздно. Самоубийца проваливалась в могилу и, вцепившись в свою жертву, тянула за собой. Оно и страшно. Не состыковка обёртки

и начинки. Что это, если не проклятие?

Богат не верил ни в Бога, ни в проклятия. Черета неудач – не больше, чем стечение обстоятельств. Достаточно при-
тёрся с клиенткой, чтобы это понять. И ведь проникся. За-
варил всю эту кашу с ФСБ, лишь бы найти Мариду. Потому
что пришла идея зайти с другой стороны. Потому что... его
потрясла ошибка святоши. Ещё и такая простая – жадность.
И Вини несёт свой крест. Столько лет каждый день стучит в
запертую дверь. Он поддался очарованию драмы. Самолично
полез в этот улей – искать ключи. И чем всё обернулось?
Из-за её алчности едва не подох!

Богат вздрогнул, отвернулся к проходу. Прижал висок к
спинке кресла. Она приятно холодила. Медленно выдохнул,
прикрыл глаза. Вспомнил. Стечение обстоятельств. Сказал
«А», говори «Б». И если посмотреть внимательнее, увидишь,
что проблемы его уходят вглубь. Из всех женщин, с кем ему
посчастливилось иметь дело, худшей в который раз оказа-
лась мама. Она заказала его, навела убийц на «Пессимиста».
И минутки не колебалась! Ангел-хранитель его спасал, из
раза в раз. Вырвал ампулу из спины, на руках нёс в больни-
цу, бросался под огонь. Заслонив крылом, увёл в безопас-
ное место. Но, так случилось, там и пряталась лукавая. За-
морочила голову, чтобы Вини привела его на расстрел. И что
«бессердечная» поимела в итоге? Загубленную репутацию,
выбитые зубы, сломанный нос, изувеченные руки и, самое
главное, персонального Иуду. «Акция! Первый и последний

поцелуй... за миллиард!».

Богат дрожал как от озноба. Зажмурился до тёмных пятен в глазах. Заплохело. Будто сейчас вывернет. И хоть бы. Только б этот мерзкий склизкий комок перестал ворочаться в груди. Нет, нельзя делать финал таким. Муж говорит: «Нет». Смерть Вини ведь в его руках? Здесь ему вольно отныне диктовать условия.

«Моё хобби – делать женщин счастливыми. – Богат склонил голову к плечу. Послал мысленный сигнал. – Клянусь, ты не разочаруешься».

В Московском аэропорту возобновить какое-никакое общение так и не получилось. Отмалчиваясь продолжительное время, ожидай наперёд светских речей нелепое «кря». А желание крякнуть первым не выказал никто.

Французские врачи запретили Вини управлять транспортным средством до встречи с русскими докторами. У Угунди, как и у любой другой машины, вопреки фантазиям давно умерших людей, отсутствовал автопилот. Потому что это искусственный интеллект, а значит бомба замедленного действия. Первый звоночек был уже в две тысячи восемнадцатом году, когда самоуправляемый автомобиль впервые сбил человека. Что до диска с сознанием упокоенного? Так у него нет ни колёс, ни культей. Пленник зеркального блинчика не представляет никакой угрозы мировому сообществу, и это точно. А вот автопилот – теоретически да.

«Мама, – вспомнила блудная дочь. – Рассказать ей о том,

что произошло? Стоит ли? Имеет ли смысл?»

Богат без прав. Кто его знает, почему. Увиливает от ответа. Супругов вёз нанятый водитель, а они молчали на заднем сиденье. Посторонний человек почему-то сильно смушал.

Вини позвонили. Достать надутой как перчатка перебинтованной рукой телефон из кармана смогла, а вот для активации горящих кнопок приходилось клевать в экран сломанным носом. Богат порывался, да не помог.

С каждым новым «да» жена оживала. Поблагодарив кого-то, сбросила. Задышала глубоко, сдерживая радость.

– Что такое? – заволновался муж.

Игриво прикусив губу, взглянула прямо ему в глаза. Жар волной прокатился по телу.

– Приглашаю на свидание.

Его передёрнуло.

– Без подстав! – пообещала она. – Тебе понравится, вот увидишь.

Свежее белое утро разлилось по стеклянным граням небоскрёбов, которые, словно бамбук, устремлялись в небе-

са. Горький смог клубился над мокрым асфальтом. Земля остывала, и от влажного, тёплого дыхания её кружилась голова. Разодетые, как друзья президента, в жакеты да пиджаки, двое шли грязными проулками. Завернули за мусорный бак, взошли по ступенькам, чудом не цепляясь штанинами отутюженных брюк за торчащие из бетона ржавые прутья арматуры. Захлопнулась за ними тяжёлая, точно в храмах, дверь. Богат хорошо ориентировался в Москве, а теперь не мог даже предположить, куда его привели. В полумраке узкого коридора глаза Вини светились ярче этих тусклых ламп. Напускная таинственность нагоняла смуту. Ради чего отсрочила починку протеза? Какое свидание стоит мук боли?

Интриганка попросила нажать на звонок. Неразговорчивый парнишка в мятой фуражке впустил их в просторный зал, полностью обитый деревом.

«Как в склепе», – Богат застыл на пороге, но стражник настойчиво протолкнул его вперёд.

Длинные скамьи, обитые бордовым бархатом. Четыре стола, расставленные буквой «С», с приставленными к ним резными креслами. Кафедра под русским гербом, с флагом по правую руку. Присутствующие тихонько переговаривались друг с другом. Только и оставалось вертеть головой. Вини легонько тыкала раненой рукой в спину, подводя к первым рядам.

Требовать объяснений супруг не спешил. И без того сам себе казался беспричинно жалким и маленьким в чужом

окружении. Спутница хранила молчание, но для неё это нормально. Богат брал с неё пример. Только сейчас, с чужими, обезличенными голосами, с запахом свежей бумаги и соснового спила, с подождённой солнцем пылинкой, пролетевшей перед носом, пришло осознание, а с ним и запечатанный на семь замков гнев. В свой праздник, в номере Парижского отеля, юбиляр не психанул. Супруга напрасно дразнила истерикой – не поддался. А теперь полыхнуло. Вскочил со скамьи. Нет иной причины их нахождения здесь, чем депортация матери из Франции. И только дверь далеко позади хрустнула, потерпевший шагнул к ней. Сгорбленная спина, сжатые кулаки, оттопыренная верхняя губа – всё это не сулило ничего хорошего для женщины, которую сюда введут. Никто не остановит. Примут за драку – плевать!

Но у реальности были другие планы. Истина обнулила азарт, пригвоздила обратно на место. Вместо матушки под конвоем шли четверо – мужчины самых разных на вид возрастов с разбегом от двадцати до сорока. Тот, что якобы постарше, обводя зал тёмным взглядом, не отметил Богата среди присутствующих. А вот вроде бы самый молодой нашёл, оскалится. В воцарившемся молчании чирикал только замочный механизм «аквариума».

Очень скоро судья произнёс среди прочих имя Богата. Душа оборвалась, но, повторяя за другими, названный встал. По указке «вашей чести» подтвердил дату рождения и место проживания. К вселенскому облегчению потерпевшего, из-

за стола поднялся тип в флоксовом пиджаке и объявил себя представителем господина Громыка. Потребовалась секунда, чтобы признать в нём нотариуса Вини – Михайло. Супруга никак не отреагировала на вопросительный взгляд в её сторону. Как на троне восседала, наблюдала свысока.

Угрюмые бурканья одного из подсудимых навеяли чувство *déjà vu*²⁵. Терпя холодок по коже, Богат будто заново увидел, как тонул в патоке опьянения. И обладатель этого голоса не кидал ему тогда спасательного круга. Лишь повторял про недвижимость, так бесконечно долго, что слова вплелись в генетический код.

Риэлтерская компания «Global project» бросала свои сети куда попало. Без смерти и старости развод слабых на ум, доверчивых пенсионеров стал невозможен. Но у одного предприимчивого, нечестного человека не было причин для опасений. Препарат, поставляемый Московским Научно Исследовательским Институтом (подозреваемые задержаны, следствие идёт), не только отшибает память, но выстраивает определённые нейронные связи в мозгу. Ничто не омрачает дальнейшую жизнь жертвы. Одно только призрачное неприятное воспоминание о произошедшем, а то и жажда правосудия, мгновенно оборачивается оправданиями, опасениями, смирением. Ведь неприятный эпизод перекрыт другим – железным алиби, закалённым действием вещества. Если пытаться в этом разобраться – начинала болеть голова. Оттого

²⁵ Дежавю (фр.)

никто и не обращался в полицию.

Один вопрос – почему Богат не смолчал? Вопреки механизму действия препарата рассказал супруге? Что же, преступники зря крутили ему виртуальную прогулку по Новому Арбату, чтоб этот пьяный принял её за чистую монету? Потому что при первой встрече произвести впечатление на Вину было для него жизненно необходимо? Потому что по молодости перепробовал столько всего, что химия не подействовала должным образом?.. Или всё вместе?

Молоточек стукнул. Чёрные риэлторы уехали недалеко, но надолго. По решению суда все их активы определяются потерпевшим (тем немногочисленным, доверенности коих не успел пожрать шредер). Услышав сумму, которая ему отведена, господин Громыка вытянулся в лице. Это сон. Не может быть... По щелчку пальцев Богат стал миллионером.

Участники процесса начали разбредаться по своим группкам. Только один всполошённый молодой человек, начихав на правила приличия, пробежал через весь зал, чтоб буквально поймать за руку своего судебного представителя. Понимающий нотариус приветственно кивнул:

- Чего-то хотели, друг мой?
- Объясните, что здесь происходит.
- Ваша супруга просила не рассказывать.

Богат зыркнул через плечо. Та не видела его. Сидела там же. Ресницы опущены, лоб напряжён. Обезболивающее закончилось, а она не уходит. Обида за наказание молчанкой

потухла, как церковная свечка.

– Она скоро умрёт. Никогда не признается. А я должен знать.

Глаза собеседника подёрнулись печалью. Богат перенял его эмоцию. Будто не верил в сказанное, пока правда не отразилась чужой скорбью.

– Хотя вы муж... Так упомяните же в прощальной речи её упрямство. Оценит, уверен. Потому что Винивиан самолично втянулась в это. Навела на контору. Остальное за мной. Со всех сторон подходил. Пришлось внедриться. Без доказательств их к допросу на Читателе Истины не призвали бы, и меня б уже раскрыли и убили. Не Баятом, так запихнув сердце в деревянный ящик... За свою карьеру детектива, знаете, и не с таким сталкивался.

– А как она вышла на них? – заинтересовался потерпевший.

– Дедукция, подкуп, ложь... Мне, право, неудобно это обсуждать.

Богат нахмурился, усердно думая.

– И копали под них по большой дружбе?

– Три месяца одной дружбой сыт не будешь, молодой человек.

Шпионаж. Представительство в суде. Вспомнился обитый зелёным сукном кабинет в самом центре Москвы. Как и два процента на услуги по переводу имущества в финансовый эквивалент. А два процента от многомиллионной суммы –

уже заявка.

– Так сколько? – настаивал Громыка, наплевав на чувство такта.

Михайло совсем не обиделся. Мудр.

– Персональное расследование. Такой оказалась её последняя воля. Тринадцать процентов. Всё по завещанию.

Богата как током прошло. Застыл на месте, вдруг ослаб. Вакуум в голове хлопнул по ушам. Мир утратил звуки. Нотариус вроде бы встревожился. Спросил что-то, придержал за плечо. А тот покачивался неваляшкой. Развернулся. В цветной дымке единственным чётким объектом осталась Вини. Дорогая жена через боль беззаботно улыбнулась ему, как ребёнок весеннему солнышку. Она сейчас казалась этим солнышком. И видеть этот свет подвластно ему одному.

В плену Богату казалось, что он попал в руки божества, измывающегося над ним. Бегство – редкая удача и единственное спасение. Бегство от постыдных, мутных воспоминаний. И не было у этой могущественной силы противника. Оказалось – есть. Беззащитная, бессердечная заступница. Серая мышь. Ангел со сломанными крыльями.

Сиюминутно, здесь, в зале суда, его захватило великое чувство. Знамение, какое случается слишком нечасто, чтобы отнестись к нему с пренебрежением или усомниться в подлинности. То самое открытие в ближнем того, чего и не надеялся нигде найти. Богат пялился на счастливую Вини – треть после горения огня и течения воды, на что может смот-

реть вечно.

Глава 9 – Междусобойчик

К похоронам Вины готовилась основательно. Неспешно. Неделю договаривалась о месте, следующую – просматривала каталоги с идеями цветочного декора. Следом оформляла заявку, собирала документы. Особенно долго подбирала бумажные приглашения. Остановилась на классической белой карточке с рисунком чёрной голой ветви, обвязанной чёрной лентой. Солидно. А главное задаёт настроение.

По канону, заполняла от руки:

«Многоуважаемый близкий мой!

Приглашаю Тебя проводить меня в последний путь. Во избежание недопонимания прошу принять как обязательное условие умалчивание любых вопросов до назначенной даты (четвёртое июня текущего года). Возжелав присутствовать, сбереги речь для предоставленного слова. Также, с учётом моего положения, настоятельно прошу не докладывать о моих намерениях никому другому, в том числе представителям Mass Media.

Мероприятие состоится в Траурном доме номер два по адресу: город Москва, переулок Говраш, дом четырнадцать, в двенадцать часов дня. Буду рада Тебе.

С благодарностью

*и пожеланиями долгой жизни,
Винивиан Степанчик»*

Липкое чувство абсурдности происходящего ослабело только после четвёртого письма. Отовсюду можно ретироваться в мир фантазий. Притвориться, что это какая-то другая Винивиан зовёт знакомых посмотреть на свою смерть.

Приглашения остались дожидаться своего часа в ящике стола. Одно лежало отдельно. Предназначалось брату и должно отправиться не за неделю до, а за сутки. Экспресс-почтой. Чтобы поставить перед фактом, освободить от неприятных бесед. По крайней мере, сестра ставила на то, что Витариарх заблаговременно мог бы что-то предпринять. Как-никак, единственный родной человек.

Раны затянулись, душевные залатались шрамами. После покушений и судов обычные трудовые будни казались блажью судьбы. Бизнес Богата разворачивался потихоньку, прибыль закапала в оплату кредитов. Вини по обыкновению пропадала на работе. В прошлом, до изобретения вечного сердца, когда пациенту сообщали: «Вам осталось два месяца», что он делал? Отправлялся в путешествие, сжигал мосты, творил бесчинства. Она же разгребала бумаги. Сидела на телефоне. Без конца печатала, печатала, печатала. Делала то же, что и всегда, считая дни, когда посвятит в свои грандиозные планы начальника.

Так, став самой настоящей нормальной семьёй, что с за-

видной регулярностью хвастается романтикой в социальных сетях, двое не заметили, как подкралась весна. Стылая, сырая. Ледяные жилы почвы таяли. Лёд между союзниками окончательно растопился в быту прежде, чем столбик ртути дополз до нуля по Цельсию. Но по мере того, как оживала природа, Вيني, что удивительно, оживала вместе с ней. Если этим словом можно назвать нарастающую тревожность. Жесты девушки обретали резкость в ущерб элегантности. Взгляд стал беглым, чрезмерно цепким. Плечи стягивали невидимые ремни. Ключицы держались под углом, будто Вيني морозило, или болела шея.

Её одиночные затяжные посиделки в дворовом лесочке можно было списать на хорошую погоду. Супруг пару раз выглядывал в окно. Она стояла, прислонившись к стволу дерева. Через час уже обнимала соседнее и тупо смотрела в никуда. Муж задёрнул шторы и сделал вид, будто это его несколько не напрягает. Как и то, что домоседка повадилась до глубокой ночи пропадать, бес знает, где. Бес, может, и знает о её бесцельных пеших прогулках по паркам, автомобильным мостам, заброшенным железнодорожным путям. Но никто его о том не спрашивал. Все горазды только поминать его по поводу и без.

Аномально холодная майская ночь чёрным туманом заволокла пейзаж, морозец сковал раскисшую землю. Хозяйка дома вернулась до полуночи. На пороге её остановил голос супруга. Он так соблазнительно развалился перед ками-

ном, укутавшись в плед, прихлёбывая чай из пузатой чашки. На контрасте Вини щупала стужа, а задубевшая в латы куртка только натирала кожу. Та недолго думала над приглашением. Сбросив верхнюю одежду, с ногами залезла на диван, укрылась махровым покрывалом. Приняла вторую кружку, блаженно вдохнув пары бергамота. В уютном молчании остывшую душу и плоть питали гретые пламенем соки. Бледно-оранжевые, с тонким ароматом горячей древесины. Тихонечко, боясь дыханием своим спугнуть воцарившийся покой, Богат произнёс:

– Déjà vu²⁶.

Вини глухо хихикнула. Посмотрел на неё, чуть наклонив голову. Какую именно сцену у камина зашифровал за этим словом? Минуту удовольствия, величайшего низменного, сокрытого в упругости губ? Мгновение ада, клокочущего кипятком, дребезжащего осколками разбитой вазы? Обоим воспоминаниям должно вменять эмоцию. Смущение. Раздражение. Тоску. Но сонный взгляд её загородился заслонами сто раз передуманных дум. И блики огня... Их не было в этих глазах.

Зачинщик посиделки начал издалека. Супруги от ничего-неделания обменялись мнениями касательно классической музыки, переписанного культурного кода и вульгарности сочетания зелёных и фиолетовых цветов. Совершенно чуждые темы будто вытекали одна из другой, как река распадается

²⁶ Дежавю (фр.)

на ручейки. Собеседники поочерёдно цеплялись за крючок и плели уже совсем другую историю.

Дева разомлела (чай без подвоха). Диалог свернул к наиболее болезненному. Богат привёл эту машину в движение, плавно спускаясь с пригорка в канаву. Главное – вовремя притормаживать. Как хороший манипулятор, ходил вокруг да около, не набрасываясь сразу. Говорил о силе человеческой, скупно, обобщённо. Искренне пытался понять парадокс. Смельчак, переступающий страх смерти, бессилён перед блоками мелкими. Слабость непобедимого Кощея – в хрупкой игле. В яйце, в животинках, на дубе, Бог знает, каком. Вчерашний мальчик думал, те сюжетные ходы только сказкам прощительны. Теперь, став героем были, терялся в догадках. Мучился в смятении, просил выволить его из пучины невежества.

А меж тем с искусностью ювелира закладывал в голову неудобные мысли. Заговаривал по манере лукавого, взывал то к логике, то к иррациональному. Голос звучал вкрадчиво, объяснялся непременно уважительно. Намекал, что драгоценная, рисуясь, сама себе подкладывает свинью. Барахтается в болоте и тянет за волосы, не на берег – в самую топь. А по уразумению самопровозглашённого философа, кто думает, будто уже мёртв, заблуждается, ибо думает. Не давит его холодная земля. Не проклёвываются из его чрева слепые личинки, как было в старых жутких фильмах. Ежели покорность чувствам пресекает совесть – то пусть эта советчица

одумается, пока не поздно.

Перед Божьим (как сам трактует) и земными законами Богат имеет на Вини, как на женщину, право. Может и должен требовать исполнения супружеского долга, писанного невидимыми чернилами в свадебной клятве. Однако хоть жена ему и не безразлична, словом доказал – не возьмёт силой того, с чем не готова расстаться.

– Если бы не хотела, ты, лично для себя, я бы никогда...

Но он же видит:

«Зачем она молчит? Когда есть *всё*, кроме времени, зачем?»

Так складно аллюдировал. И Вини загрузилась. Кровь схлынула из щёк. Минуты растянулись резиновой лентой. Руки двоих соприкасались косточками пальцев, и контакт этот был даже интимнее поцелуя. Она не шелохнулась. Не глядела на него. И он не стал. Только тихо спросил:

– Чувствуешь?

– Стыд.

– Не надо.

Его кожа источала мягкое тепло. Такое же мягкое, как голос. Вини уповала на чудо, чтобы волей Всевышнего провалиться сквозь землю. Ибо сама покинуть комнату не может. И, по правде, не хочет.

– А как ты?..

Три безобидных слова, а захотелось сейчас же помыть рот с мылом. Как грязно! Как тяжело даётся каждый слог. Будто

под гипнозом закодированные откровения лились свободно, ей не подчинялись. Заполняли рот вакуумом, растворялись в нём. Казались бессмысленными, прозрачной тканью укрывали камень души. Но Богат понял. Сказал, зачиная со снисходительного смешка:

– Ну, ты как дитё малое! Или, правда, думаешь, что оно только такое?.. – не закончив, не получив ответной реакции, посерьёзnel. Медленно убрал руку. – Черту не переступлю. Если ты понимаешь. Если веришь мне. Но я хочу поделиться. Хочу, чтобы успела узнать. Увидеть, как можно по-другому. Почувствовать. Не потому, что так принято или надо. Просто потому, что это приятно.

Пауза.

– Ты знаешь лучше. Жизнь твоя. Но я подожду. Если да – маякни, и мы ещё раз обсудим.

Ушёл, не прощаясь. Вини отставила опустошённую чашку, доползла до ванны, приготовилась ко сну и нырнула в свою стылую постель. Никакая мысль не посетила её. Даже фантазмагорический монолог Богата не повторился голосом в голове. Кажется, она спала уже на пороге дома, а всё последующее – приступ сомнамбулизма. Обняла подушку, мгновенно уснула.

На следующий день и словом не обмолвились. В четверг тоже. Муж быстро просёк, что участвует в молчанке. Ещё когда жена проигнорировала его «Доброе утро» и предложение сделать кофе. Безответность не причиняла ему никакого

неудобства. Он её породил, буквально за ручку подвёл Вини к сложному вопросу. Та не выказывала обиды или деланной гордости. Только время от времени смотрела на Богата изучающе. Как школьница на ящерицу в террариуме. Нет, как гик на новинку, о которой сам ни сном, ни духом. Взгляд скользил по мужским плечам, туловищу, бёдрам. Что-то прикидывала, просчитывала с холодностью, свойственной влюблённым в своё дело трудоголикам.

В пятницу, после ужина, Богат мыл посуду. Почувствовал кого-то за плечом. Этот кто-то мышкой юркнул к нему, подушечками пальцев кротко зачекал и тут же отшатнулся. Отошла совсем недалеко. Облокотилась на кухонный гарнитур, как на костыль. Заставляла себя смотреть ему в глаза, испытующе, выжидающе. Тот посветлел. Позабавился. Как котёнок играет с мышкой: «И помните – они боятся вас больше, чем вы их».

Чуть позже, в спальне Богата (лучше здесь, не в её комнате) состоялся недолгий, престранный разговор. Жене, ожидаемо, труднее. Вся красная ёрзала на краешке кровати и угукала. Боялась вопросов, на которые не то, чтобы отвечать – о них думать зазорно. Однако муж её всячески отвлекал. Даже рассказал презабавный случай из их Краснодарских каникул с безымянной бывшей.

Избежать обсуждения повестки дня было не суждено. В итоге Богат выдвинул ряд обязательных условий:

– Договоримся сразу. Я – главный. Я веду. А ты будешь по-

слушной. Последуешь за каждым моим движением, за каждым словом. Без пререканий. Без психов. Без почемучек. Поняла?

Вини растерялась, лихорадочно ища подвох в очевидном разводе. Но если по делу – а что ещё остаётся, если ты профан? С ней любовный гуру, и она уже доверилась ему. Завтра. Последний раз прислушалась к голосу разума. Ну почему вот только сейчас замолчал? Моргнула в знак согласия. Богат даже про себя не позлорадствовал. Обмусоливать прописные истины ему не в удовольствие.

– Сценарий, который я тебе описал – это не то, что ты подумала. По глазам вижу, заморочилась. Нет, Вини, я тебя никак не ограничиваю. Хочешь сказать – говори, сделать – сделай. Если что не так – не молчи. Я не допущу ничего такого, но на всякий случай. И не смей стыдиться. Нечего. Запрещаю, если тебе так легче. Не думай, будто ты хуже или лучше остальных. Оно не инструкция по сборке шкафа. Взрослые отношения тем и хороши, что тут можно и нужно поддаваться немедленному влечению. И это абсолютно нормально... Я говорил, как умею предугадывать желания. Но есть правда другая. С тобой мне сложнее. Намеренно закрываешься. Я помогу тебе, но и ты помоги мне. Подсказывай. Направляй хотя бы ментально, прошу. Это второе. Ты будешь честна со мной. Предельно откровенна. Как с самой собой и даже больше. Постарайся. Я знаю, ты сумеешь.

Она активно закивала. Произнесённые слова внушили ей

чувство защищённости. Вيني вдруг убедилась, что Богат – самый правильный её выбор. Надёжное плечо. Идеальный партнёр. Другого такого просто не существует. Чем она заслужила столь щедрый подарок судьбы?

– Ну и третье, – он улыбнулся. – Выдохни. Не резать же я тебя собираюсь, правда?

В его ванной комнате пахло мыльной пеной, осевшей на решётке слива, кедровым одеколоном, холодным кафелем. Взгляд «сквозь» различал каждую прожилку мрамора, каждый пузырёк на дне раковины. Хорошее занятие – разглядывать. Должно успокоить, если бы не человек снаружи. Ждёт вот уже целый час. И пока он там, покоя ей не будет, а с каждой минутой промедления всё только усугубляется. Да и выход один – в спальню.

Любезно со стороны супруга было предоставить свою ванную. Дал привыкнуть? Чужое присутствие в мятых рубашках в корзине для белья, в сохнувшем на стальном кольце полотенце, в запахе... другого человека. Хотя, скорее, причина

излишнего гостеприимства иная – чтобы не сбежала. Вيني съёжилась от стыда. Видите ли! Нашлась принцесса в своём же замке.

«Так... заткнулась и пошла».

Схватила за дверную ручку и тут же одёрнула руку.

«Обожглась!»

Покрутила ладонь перед лицом... Так левая же. Какой ожог? Какая, к бесовой матери, накалённая дверная ручка?!

«Тихо, – смягчилась Вيني, – Малышка, не бойся. Чего выдумываешь?.. Просто сделай это. Ты же человек слова. Ты же лучше их всех».

Верная тактика – напоминание о худшем. Обратилась к воображению. В который раз представила себя в гробу. Как в старых книжках писали. Как она должна была умереть. Девочка из прошлого. Узница не своей эпохи. Прикинуть на лицо не решилась, но примерила гниение на туловище. Как оно тает, точно масло на сковороде. Как кишашая опарышами кожа слегка подрагивает... Фантазёрка крепко зажмурилась, хлопнула по вискам. Работает! Под землёй-то всяко хуже. А она... а она сейчас займётся тем, отчего людям хорошо.

Решительно распахнула дверь. Героизма хватило на два размашистых шага. Ноги будто завязли в загустевшем воздухе, ход замедлился. Ссутулилась, словно кто-то взгромоздился ей на плечи.

– Стой.

Он сзади. В кресле в углу. Произнёс это спокойно, негромко, и хоть был далеко, показалось, будто сказал ей на ухо.

Остановилась. До спасительного выхода ещё половина комнаты, только для неё он слился со стеной. Тишина обволакивала. В родном теле стало очень неудобно. В таком виде. Перед мужчиной. Вيني боролась с желанием свернуться клубочком, как ёжик, и задохнуться в собственных объятиях. Со стороны казалось, будто она кукожится от чьих-то замахов.

– Слушай, я зарядку оставил. Оглянись, пожалуйста, она не здесь?

Девушка оторопела, скованность тут же отпустила её.

– Нет, – пресёк тот, когда та задумала обернуться. – Там, на столе, на тумбочке. Посмотри, а?

В одиночку играя в «Море волнуется раз», озадаченная Вيني пробежалась глазами, готовясь угледеть что-то для себя плохое. Обжитой порядок, стандартные предметы обихода. Никакого проводка. Изучая окружение, задерживалась на элементах декора. Когда-то сама разрабатывала дизайн этой спальни. Теперь же видела её будто бы в первый раз. Синий свет, льющийся из окон, раздвигал стены, мистифицировал всё, до чего дотягивался. Первая минута после захода солнца – время, когда понурый здравый смысл уступает вере в собственную избранность. Когда искреннее желание отрастить крылья и выпорхнуть в ночь понимается и прощается.

Зачарованная земной магией, помнила, зачем она здесь. Теперь даже не вздрогнула от звука приближающихся шагов. Сумеречная комната накрылась беспроглядным мраком, тронувшим ресницы.

– Ах! – ноги Вины подкосились.

– Тише-тише.

Близость Богата парализовала. Широкая плотная лента скользила по переносице, векам, стягивалась узлом на затылке. Ловкость чужих рук стесняла. К месту девушку пригвоздила сила воли. Подобной самодеятельности от мужа она уж точно не предвидела.

«Вот именно – мужа, – напомнила себе. – Повязана. Обязалась... Тебе так легче?! Чтобы приказывали? Ещё о бандаже попроси, ей Богу».

Закончив с повязкой, Богат отстранился. Быстро осматривал, оценивал, искал поводы для девичьих комплексов. Бледные ниточки растяжек на внешней поверхности бёдер, грушевидный живот, еле выступающий над косточками таза, складка в подмышечной впадине – всё это делает из Вины самую обычную, *нормальную* женщину. Здоровое телосложение фигуры типа «песочные часы». Так долго она себя стесняться не могла. Только незрелые до поры до времени убеждены, будто любви достойны исключительно модели с обложки. А значит, он действительно имеет дело с больной на голову. Ответственность множится. Приступ жалости побудил одними подушечками пальцев коснуться её спины.

Чтоб не качало.

Хотелось отдать должное. Подошла со знанием дела. Конечно, столько времени проторчать в ванной! Распушенные волосы лоснятся мягкими волнами, чистая кожа, что шёлк, французский маникюр переливается свежим лаком. Но дело в другом. Богат ожидал от стеснительной особы чего-то закрытого – корсет, бэби-долл, разумеется, исключительно чёрного или телесного цвета. Но Вини удивила. Упаковала себя, как подарочек. Полумрак тенил бордовый атлас нового белья, что казалось, это не бельё вовсе, а боди-арт, писанный кровью. Простота модели намекала на дороговизну. Однажды, присматривая своей четвёртой жене презент на их первую и последнюю годовщину, Богат засмотрелся в бутике на нечто подобное. Сейчас готов был поклясться, если (когда) оттянет резинку, на обратной стороне найдёт ярлычок с итальянским именем.

Её окружала одна сплошная тьма. Тяжеловесная, бессмертная, жестокая сука. «Так будет. Так будет. Ничего не будет», – умирляла Вини свою детскую тревогу. Но за пределами слепого мира всё тот же мир живых, наполненный цветами и звуками. Страшнее всего, что он, по ощущениям, теперь напоминал её мёртвый мир. Там тоже пусто и глухо. Умом-то понимала – всё в порядке, а инстинкты проснулись, раздули угли паники. Спасло от приступа ужаса, и при этом испугало до смерти, мягкое прикосновение к спине. Богат («Это он. Он здесь.») повёл пальцы вниз, до поясницы.

Убрал руку. Повторил жест.

– Неприятно?

– А... нет, – выдохнула она.

– Тогда куда подевалась твоя осанка? – в его тоне угадывалась насмешка.

Только после замечания Вини почувствовала, что горбится. Сложилась, точно мимоза стыдливая. Злая на себя, выпрямилась, намереваясь держаться так, сколько потребует-ся. На званных вечерах приходилось стоять не час и не два. Только там её не трогали.

Происходящее походило на странный ритуал. Будни сумасшедшего дома. Богат просто гладил её, как букет хрупких тюльпанов. Теребил кончики локонов. Клал руки на плечи. Вёл до локтей. До запястий. Брал кисти, даже железную, и держал по минуте. Прикладывал ладони к её лопаткам и так грел. Был крайне терпелив. Ждал, когда Вини привыкнет. Только переставала мало-мальски жаться, переходил на следующую часть участка кожи.

До талии шёл минут двадцать. На ней жёнушка совсем разнервничалась. Содрогалась, как отбойный молоток. Но была в этом трепете самая толика удовольствия. Даже не мазахистического, а истинно женского. Ведь будь ты закоренелой мужененавистницей, жертвой помутнения рассудка, приверженкой гомосексуальных отношений, Богат Громыка давно знает секрет твоих волнений. Девичье сердце ответит проявлению заботы, восхищению. И сейчас мужу за радость

было различать в терзаниях своей жены что-то от приятного.

Вини пленил капкан объятий. Охнула, едва удержавшись, чтобы не вырваться. Потому что, наконец, узнала, во что Богат одет. В боксеры... и всё.

«Вот это да! А ты ждала фрак?»

Захотелось сбежать. Из этой комнаты, от взрослой жизни. Но... стало так тепло. Темнота ожила, пожалела. А порой так хочется, чтобы кто-то пожалел! С самой собой печаль не скоро, но приедается.

Он просто обнимал её – медленно увядающий цветок, крепнувший в его руках. Она чувствовала подбородок на своём плече. Дыхание его скользило по уху и шее. Вопреки ожиданиям, не щекотно. Горько. От слов, что говорил. Через силу. Так искренно, как плачет душа.

– Чего ты боишься?

У Вини закололо в носу. Зачем он это завёл? Ведь не ответит, даже если бы хотела.

– Я же здесь, с тобой. Я, а не кто-то другой. После всего, что было, почему шарахаешься от меня? Почему за этот год я не смог стать тебе хотя бы другом?

Его голос звенел от вибраций. Крепче прижал к себе, только голову отвернуть не успел. Тёплая слеза капнула ей на кожу. Виновница сантиментов прикрыла завязанные глаза кулаками. Задавила. Мыслей не было. Их спугнул шёпот. Точно ангел-хранитель молился за неё:

– Вини, не умирай. Там ничего нет.

Смешно. Договорились, что сегодня она слушается. Хоть выпад и неожиданный, то не юридическая лазейка. Какой-то отчаянный порыв.

«Прости, – она послала ему ментальные, пустые извинения. – Прости. Ты не скажешь «спасибо», но потом поймёшь».

– Я не хочу... Не от моей руки. Не смогу. Клянусь, не смогу!

Его признание пронзало невидимой иглой, сшивало их нитью. И если бы Господь карал огнём и молнией за ложь, Богат бы остался стоять на месте невредим... Раньше рассчитывал – только б оставила ему побольше. Теперь втайне от самого себя просил Всевышнего:

«Ты забираешь ангелов к себе. Моего не забирай. Пока не потеряемся. Пока не забуду. Смилуйся надо мной, подожди».

Мрак закружил Вини. В вихре поймал её губы своими. Жгучий, настойчивый поцелуй сломал последний столп поддержки. Со злым «Нет!» девушка отпихнула мужчину. Чернота никуда не ушла, но человеческий облик потеряла, снова став ничем.

Осязание обострилось из-за слепоты, а вестибулярный аппарат, напротив, зашалил. Отбегая назад по кривой, Вини не свалилась с ног только потому, что врезалась в стену. Потерянная в пространстве, в лабиринте незакрытых гештальтов, недотрога обернулась сгорбленной старухой. Выбросила ру-

ки вперёд:

– Нет! Нет-нет-нет-нет-*нет!*

Секунды абсолютной тишины как бы доказывали абсурдность припадка, вгоняя в помешательство. Ткань повязки намокла от влажных ресниц.

– Ты не любишь меня. Это неправильно... Так нельзя. Меня нельзя. *Меня нельзя!*

– Что нельзя? – спросила темнота, и твёрдость голоса, ровный тон в сравнении с истеричными воплями вернули полумную в реальность.

– Меня никто, – жалобилась та. – Не бывает. Не со мной...

– Это не тебе решать.

Сказал – как отрезал. Без намёка на ярость, но прозвучало грубо. Очевидно – возражений не потерпит. И в своём зависимом положении Вины сникла. Растерялась.

– Это не тебе решать, – он медленно вышагивал к ней. – Кто дал тебе право решать за меня? Много на себя берёшь, не находишь?

Живая статуя не нашла, что ответить. Да и если б нашла – озвучить не решилась. В пустой голове двумя светлячками перемигивались сомнения.

– Я всегда делаю, что хочу. Люблю – кого хочу. Сплю – с кем хочу. И не тебе, и никому, не выбирать за меня. Поняла?

Молчание.

– Поняла?

Богат нагнулся к ней. Вины почувствовала, что её сейчас

ударят. Но он только бережно коснулся запястья, помог выпрямиться. И она стыдливо закивала.

– Больше такого не повторится? – смягчился супруг.

Вини замотала головой.

– Да, я не ошибся.

Целовал сухо, многократно. С детской осторожностью, с взрослым подтекстом. Как физический маятник достигал предела и тут же отдалялся. Снова приближался, снова отстранялся. Какой будет следующая цель? Лоб? Губы? Щека? Вини не могла ни увидеть, ни угадать. Это упражнение на разминку неожиданно захватило всё её внимание. Завлекло лёгкостью.

У всех случаются промахи. Пусть Богат мнит себя вторым после Казановы, девушка удивлялась, как до сих пор не плюнул на всё это дело. Поражённая его упорством, не переставала тяготиться. Не переставала благодарить – не словом, так делом. И бездействие – действие, ценность коего растёт от случая к случаю. Вот Вини даже не пискнула, когда темнота подхватила её. Ноги, потеряв опору, поджались. Вини рефлекторно свернулась в рогалик.

Богат проронил смешок. Такой милой, такой маленькой она казалась в его руках. Как жестокий ребёнок с пойманным зверьком, он с интересом наблюдал, как она справится с новым своим положением. Площадь прикосновения обнажённых частей тела ещё никогда не была такой большой, и муж знает, что для Вини это рубеж. Преодолела его быстро

(добрый знак). Прижалась виском к мужской груди. Нашла себе занятие – послушать сердце.

«С кем ещё была столь близка?» – кичился бессмертный.

Уложил на кровать. Вيني напряглась. С усилием выпрямила спину, чтобы ему было удобно на ней. Но только его колени подпёрли её бок. Обманутая страхами, слепая, нечаянно крикнула, когда горячие руки сжали трапециевидную мышцу. Отпустили и снова сжали. Заметив, как лоб пациентки вдавился в матрац, Богат прокомментировал:

– Твоими плечами орехи колоть.

Прикусила язык, чтоб не замычать. Боль в шейно-воротниковой зоне, истосковавшейся по блокадам, лечила. Всполохи электричества от очередного нажима напоминали, насколько человеческое тело всё же уязвимо. Вيني могло бы стать неприятно от касаний, которых, по её убеждению, Богат не хотел. Но нега быстро вытянула все соки. Под конец жизни Винивриан Степанчик нашла истинное предназначение своё в качестве пластилина в руках скульптора-самоучки. Не отреагировала, когда её оседлали. Мельком отметила потерю натяжения ремешка бюстгальтера. Истома вменяла происходящему прозаичность. Отвлекала от самоуничтожения.

Наминая спину супруги, он никак не мог избавиться от параллелей с совращением несовершеннолетних. Обычный массаж через минуту-другую перестал восприниматься безобидным занятием. И это не вина Богата. Методичность, вы-

нужденная медлительность, некая дубоватость действия раздражала и... томила. Супротив логике, либидо откликнулось на жалкие попытки партнёрши идти против природы. Как киноман, по бесплатному приглашению очутившийся в театре, в какой-то момент проникается к происходящему на сцене и начинает аплодировать со всеми. Карикатурное целомудрие девушки в каждом вдохе, в каждом шевелении пальчика по свежей простыни ворошило в его душе нечто древнее. Даже запретное, особенно для той роли, которую он сейчас играл.

В нетерпении вцепился ей в плечи.

– Вيني? – вырвалось у него. Компрометирующее. Жалобное.

И та отозвалась звуком голоса, невнятным, но определённо означающим согласие. Отказ сложнее слова «нет» мозг сейчас не мог воспринимать. Ведомый внутренним животным, придержав Вيني за горло одной рукой, второй Богат смахнул волосы с её шеи и провёл по коже языком. На вкус ... март. Холодная талая вода. Пережив его причуду в неподвижности, та подписала себе приговор, схватив за бедро.

Не в силах больше сдерживаться, перевернул её. Его поцелуи и хватания не походили на истинную страсть. Скорее, напоминали пародию на акт любви, как представляют дети. Но жар, похоть, не находящая выхода, были самыми настоящими. Вيني глотала звуки. Богат не раздевал, ограничивался открытыми участками. Пусть дал обещание, сейчас запрет

доводил его до иступления.

«Как с тобой сложно!» – ругался про себя.

Она, бедняжка, не знала, куда деться. Сердце ухало. Табу, верные спутники её жизни, теперь явились в материальный мир бестелесными призраками. Склочными, докучливыми, но немощными. В эту минуту её единственным покровителем стало пугающее предвкушение.

А потом произошло нечто необъяснимое. Дикое, уму не постижимое. Вيني без предупреждения взяла *всё* в свои руки. Не ожидавший такого поворота, Богат вылетел из реальности. Задохнулся. Откинулся назад. От одного её прикосновения натянулась каждая струнка тела. Спина выгнулась. Суставы позвоночника сплюснуло бы болью, если б вовремя не оперся на локти.

Так власть вольной птичкой упорхнула от него. Променила надёжное плечо на изящный женский изгиб. Стоп-краны ещё не сорваны, но они с каждой секундой будто стягивались проволокой. Здравый смысл не покинул его – молча лицезрел всё это как бы со стороны. Поглупевший Богат не заметил потери. Где? Что?.. Капилляры надувались холодом. За маской Герды пряталась Снежная королева. Кай обманут, беспомощен. Не забывая, кто он и зачем здесь, пленник женских рук оставил реальность гореть синим пламенем и всецело отдался сладкому оцепенению. Таял кристалликом взрывной карамели.

Не первый раз посчастливилось испытывать нечто по-

добное. До края Вселенной однажды подбросила сибирская принцесса из ночного клуба в тандеме с голубой таблеткой. Если бы голова тогда по правде взорвалась, смерть обернулась бы избавлением. Потому что после такого жизнь должна лишиться всякого смысла, казалось бы. А нет! Мир большой и интересный, богатый на сюрпризы. Кто бы подсказал, что ключ от потерянного рая спрятан у старой девы, погрязшей в депрессии.

Психологический портрет Вины – самый сильный катализатор. Недостигаемая, за столько лет никем не тронутая, всё же повелась. Даже сейчас, в процессе, по-прежнему руководствовалась крайне путаными, противоречивыми идеями. Понапрасну мирила ангела с демоном. Коктейль её задушенных чувств, подавляемых инстинктов и болезней души, узнаваемых в каждом содрогании, доводил до экстаза. Был готов разделить безумие на двоих, потерять себя, лишь бы не... лишь бы не...

Очевидно, подготовилась. Посмотрела кино. Ей не хватало умения. Но это её ласковое рачение, эта самобытная деликатность...

«Пожалуйста... – надрывалась его истерзанная наслаждением душа. – Пожалуйста!»

Неопытная, бесталанная, она вила из Богата нити, не догадываясь об этом. Распускала всего и сплетала, распускала и сплетала. Мог бы переродиться. Мог бы на мгновение вознестись над земным бременем и вечным временем. Однако

окончательно самообладания не утратил.

«Вини, я обещал тебе. Я обещал».

Ах, если бы тело слушалось! Успешно подавив её лишнюю инициативность, в своём положении не стерпел. Не справился. Взыл сквозь зубы. Скрючило всего. Внутри поселилось так много всего, что они, духи прошлого и настоящего, казалось, разорвут тонкую кожу. И ладно. Секунды растянулись. Он растворялся и проваливался в себя. Мир – бесцветный трафарет, потерялся в его зрачках. А когда собрался по частям обратно, рай обратился в ад. Как писанный красавец, выворачиваясь наизнанку в фильме ужасов, становится чудовищем, так и блаженство сейчас обернулось букетом наисквернейших чувств. Рефлекторное отторжение к даме после кульминации – немного. Стыд – в том числе. Однако это вторичное.

Вини сидела перед ним на коленях, держала правую руку, как куриную лапку. Глаза по-прежнему завязаны, зато сведённые бровки, опущенные уголки приоткрытого рта однозначно трактовали реакцию. Не видела, но знала, что произошло, и реальность шокировала её. Кажется, предложи в моменте отрубить вторую кисть – протянула бы, не раздумывая. Лишь бы избавиться. Будто до настоящего момента не была уверена, как оно работает. Но разве это возможно?

Богат сперва подхватил испуг. Затем пришло смирение с участью проигравшего. А потом в душе его не осталось ничего, кроме чёрной обиды. Кроме концентрированной нена-

висти. Да, несмотря на все усилия, оступился. Но коли так вышло, раз ненароком открылся ей, пал, повиновался... как Вини ответила? Как поддержала, чем отплатила? Брезгливостью. Плохо скрытой, такой очевидной!

Униженный, достал из прикроватной тумбочки пачку влажных салфеток. Вытянул одну и, больно сжав жене запястье, небрежно утёр ей ладонь. Слепая, она оробела под натиском грубости.

«Не теснит овечья шкура волчьей сущности – так носи дальше».

Приноровившейся к темноте топот босых ног показался набатом, а хлопок двери – взрывом. Воздух, согретый дыханием двоих, застуденел до консистенции киселя. Пока Богат уходил по-английски, сознание готовилось к нырянию в чёрную дыру, к водружению всей тяжести пустоты на плечи. А в итоге ничего не изменилось. Ребёнок в утробе лучше чувствует окружающий мир, чем Вини сейчас. Её поймёт только... только утопленница.

Точность сравнения испугала – иголкой ткнула в живот и, подхваченная ветром в голове, улетела в небытие. Слепо и бездумно, как крот, девушка опасливо положила липкую руку на простынь. Сжала-разжала. В следующую минуту, согнув локти, вздыбилась. Ещё через какое-то время поломанной змеёй сползла на пол.

По движениям и каменному лицу её можно было бы предположить, что кое-кто ку-ку. И это стало бы чудесным оправ-

данием. Правом на чѣрствость. В каком-то смысле крыша уехала очень давно. Но не та, которая есть ум. Та, что дарует защиту, целостность «дома». Хозяйка который год стоит посреди некогда уютной комнаты и мокнет под проливным дождѣм. Смотрит, как темнеет тряпичный диван. Как плачут шкафы, хныкают кустистые фиалки. Как розетки плюются искрами в лужи на ковре. Но когда сама промокла до нитки, неудобство сырости умалывается. Принимается как данность.

Вини медлила. Корячилась в позе эмбриона на холодном полу. Прижалась к нему лбом. Потом лопаткой приложила язык, быстро убрала. Приступообразно оскалилась, но улыбка не продержалась и секунды.

– Вот мне... половая жизнь.

Снова попыталась придать своему лицу выражение злого торжества, и опять неудача. Она силилась вывести себя на эмоции. Пристыдить, выдавить слезу, истерический смешок. Застонать, закричать. Что-нибудь. Хотя бы притвориться. Ну для себя-то можно? Ведь момент значимый, немислимый в своей многогранности, драматичный и тупой. И... ничего. Колодец души исчерпан. Только ковшом царапать по дну. Даже интим, хоть, безусловно, воодушевил, не подействовал должным образом. Сколько ещё нужно звоночков, чтобы утвердиться в своём решении?

Она могла бы так пролежать всю ночь. Водить руками и ногами, играя со своим немым бесованием, смакуя своё пустосердие, и так и не снять повязку с глаз. Не позвать Бога-

та, чтобы разрешил. Такая нелепая формальность завершённой ролевой игры. Вини хотела наказать себя, довести абсурдность до совершенства. Потому что мёртвые не видят. Их обитель – темнота.

«Так научусь принимать, быть благодарной».

Мужчина, который сделал вид, что хлопнул дверью, а потом полчаса наблюдал за женой, молча подошёл к ней и подхватил на руки. Как организатор научного эксперимента, сделал выводы. Утешительные. Тридцати минут ему хватило для прощения. Особо поспособствовал момент, когда лизнула место, где он ступал. Из дурости. И в этом что-то было.

– Говорил – не сиди на полу. Холодно.

Выражение лица супруги не переменилось. Только, показалось, вроде бы потеплело. Или так лунный свет упал? Богат вернул её на кровать. Будто ведомые неким пророчеством, предчувствовали будущее. Приняли. Даже Вини.

– Хочешь видеть?

– Нет.

Тот отнёсся уважительно:

«Бережётся. Не всё потеряно».

Сюжет знакомый. В этой версии вкусить запретный плод предложил Адам. Змея-искусителя не видно – прячется в кроне, висит над ними дамокловым мечом. Образно, райское яблоко Ева даже не сорвала с ветки, но и вырваться из рук мужчины, направляющего её руки, не смела. В полной мере прощупала, погладила. Наливное, румяное. Кожица так

и лопалась от сочной мякоти. Адам давно кормился с этой яблони. Мол, видишь, ничего страшного, никто не выгнал из Эдема. Принципиальная женщина всё же не попробовала плода. Не лизнула даже. И мужчина, солидарно, на сей раз угощаться не стал.

Вини и эта, по факту, подростковая шалость, была в диковинку. Кроме того, что говорить, Богат поделился интересными открытиями о возможностях её тела. А ведь до последнего надеялся, что жёнушка выкобенивается. Что всё-таки изучала себя сама. Холодная майская ночь подарила ей множество приятных переживаний.

Вини осталась. Не пришлось даже обсуждать. Укрывшись одним одеялом, двое дистанцировались, отвернулись друг от друга. Боролись с неловкостью. Даже Богат. Но вместе с тем обоим было хорошо.

Глава 10 – Кто празднику рад...

Богат и ломаного гроша не ставил на красивый финал. Произошедшее в спальне будто бы откатило их к началу. Не обсуждали. Обжимались только на фотографиях. Друзья-соседи. Вيني как по взмаху волшебной палочки вновь стала собранной, скрытной мадам. На лицо последняя стадия – принятие.

Муж скрывал своё желание повторить. Хватит ему унижений. Однако заменить чем-то похожим, с другой, тоже не решался. Вечером возвращался домой, чтобы в тёмное время суток не оставлять жёнушку одну. Ей вроде нормально, даже хорошо – улыбается легче и чаще, чем когда-либо. Не робеет. Перед фотокамерой комфортно устраивается в объятиях, кладёт голову на плечо. Тепло и удобно.

Настал последний весенний день. Дверь кабинета грохнула о стену. Богат выглянул из-за монитора – поглядеть на крушителя. Вيني всплеснула руками.

– Сво-бод-на!

– Юху! – поддержал её тот. – Ну, ты как хочешь, а это надо отметить.

– Составишь компанию?

– Ясен пень!

Бизнесмен вернулся к заполнению электронной таблицы, но снование жены туда-сюда и шуршание вещей отвлекало.

– Безработные, не мешайте делать деньги! Сожжём торжественно твои бумаги позже, хорошо?

– Но мы опаздываем, – Вيني оторвалась от сборов. – У тебя срочно?

Помрачнел. Последнюю неделю углубился в работу, лишь бы не думать об уготованной ему роли. Даже не спросил, как отреагировали коллеги и друзья на приглашения на похороны. Посчитал любопытство неуместным. Откладывать составление отчёта пока можно, а обязанности провожающего – уже нет. Чувствовал себя сиделкой лежачего. И ему избавлять от страданий. Убивать. Того, кто дважды спас его от смерти. Карать иглой с ядом.

«Это больно. Адски больно. Зачем я сохранил твой номер?»

– Днём в бар одни брошенки ходят, – поделился мудростью Богат. – Или домашний раздербаним?

– А других вариантов нет? – доносилось из глубин шкафа. Каверзность вопроса подчёркивалась безответностью.

– Нам пора.

– Куда?

– Сумки сама соберу. Ты одевайся. Перекуси.

Довольная находкой – пластиковым чемоданчиком с красным крестом на крышке, Вيني встретила с напряжённым взглядом супруга. Бесстрастно заметила:

– Ты ведь согласился.

– Да на что?!

Она чуть наклонила голову, смущённая, но голос оставался твёрд:

– Я тебе доверилась. А ты мне?

Богат хмыкнул, внезапно обессилив. Девичьи губы, вкушённые им одним, растянулись в невинной улыбочке.

– Отдохни со мной. А если очень хочешь – вот, держи. Оно удобнее.

Вини кинула ему что-то серебристое. Это оказалась старинная фляга. Кованая роспись, чей-то фамильный герб. Приметная, ценная вещица в отличном состоянии. Сколько ещё сокровищ распахано по дому?

В тонированном окне пасмурное небо казалось зловещим. Того и гляди – разломит молния и тучи, и бронированное стекло. И не важно, что пелена и дождя не осилит – самой воды мало.

Богат наблюдал тучи в самой удобной позе – лёжа, закинув руки за голову, на пассажирском сзади. На переднем – Вини, что интересно, не в роли водителя. Машиной управлял неизвестный. Патлатый, бородатый. Мужу хозяйки

Угунди услышать его шанс не представился. Покидая ставшую родной усадьбу, встретил их двоих возле автомобиля. Супруга показывала незнакомцу что-то на экране телефона, тот кивал. Заприметив Богата, поманила рукой.

– Загрузились. Поехали!

Инстинкт самосохранения заскулил, попросился назад. Зашуганный, истерзанный, очень хотелось потакать ему. Но как бы это выглядело? Ответили бы ему на очевидные вопросы? Быть в зависимом положении оскорбительно. Достоинство кормилось невысказанной злостью. Только и оставалось, что смотреть, как улочки Копейкино сменяются натуралистическими пейзажами. Берёзовые колки, дремучие деревеньки, ручьи, пастбища, лесополосы.

Два часа по трассе, полчаса по бездорожью – прибыли. Слева поле, справа – лес. Богат вылез последним. Предательская тревога зудела между лопаток, не давала стоять на месте. С невозмутимым видом Вини перекинула через борт багажника два походных рюкзака. Накинула ветровку, натянула бейсболку, собрав волосы в конский хвост. Ремешок на её бедре оттягивала кобура. Муж не заметил, как отошёл от машины метров на десять. Закончив со сборами, жена обменялась с водителем рукопожатиями. Очнуться Богат не успел. Прыткий Угунди сорвался с места, колёсами растирая одуванчики, и укатил в обратном направлении.

Вини отвернулась. Щёлкнула предохранителем.

– Зачем тебе пистолет?!

Истеричный вопль испугал её не меньше, чем его – молчанка. Почувствовав себя маньяком, измывающимся над жертвой, та виновато призналась:

– От зверей.

Пресекая попытку дать дёру, убрала огнестрел. Залепетала:

– Не хотела напрягать. В тебя стреляли. Но тут волки... Твою мать, я думала, мы это уже прошли!

За что в теории должна бросить его истекать кровью в лесу? Понятное дело – многовато покушений для одного года. Психологическая травма, всё такое. Однако голова вроде на месте. Чего не пользуется, трусишка?

– Тогда объясни мне, – Богат шатался. – Объясни, на хер конспирация? Чего ты хочешь?

– А согласился бы?

Обескураженный и угрюмый, протестующе сунул руки в карманы. Вيني хихикнула. Он невольно расслабился. Не привык к её смеху.

Взяла рюкзаки за лямки. Поволокла.

– Никогда не ходил в походы?

– Так-так-так, не понял, мы тут надолго?

– Погуляем немного, а завтра нас буду ждать во-о-он там, – она указала на горизонт, загороженный бесчисленным липово-берёзовым полком. – Да не дрожи ты так! Я знаю этот район как свои пять пальцев. – Закидывая груз на плечи, добавила осторожно, – Ну, побудь со старушкой напоследок.

Умасли. Моя очередь показывать, как можно по-другому.

Не выдерживая её взгляда, тот отвернулся. Вот так рокировка. Теперь глаза символично завязали ему.

Не успело лето вступить в свои права, а травы уже по пояс. Деревья, накрывающие землю в день солнечный тeneвым кружевом, всё же не могли приструнить свирепость цветковых и злаковых. Красотки берёзки, грузные тополя и костлявые вязы, напротив, словно попустительствовали растительному бесчинству. Отдавали путников на растерзание своим «пасынком» и «падчерицам», наблюдая свысока. Из пучины лебеды, мятлика и овсяницы то тут, то там проглядывали розовые пёрышки змеевика, пушились хвосты папоротников. Своих же душил вьюнок, обвешивал гирляндами из маленьких изящных юбочек. Не обойди сегодня жара Подмосковье – духота сморила бы за считанные минуты. А так даже мошкарка не донимала.

Богат шипел всё реже, когда нога проваливалась во что-то хрустящее. Адаптировался к пряным запахам, задышал глубже. Только и знай – гляди во все стороны. Да и наверх поглядывай, чтобы какой-нибудь меткий дятел ненароком не озолотил. Дырявые кроны на фоне серой пелены плыли медленно. Ракурс нагонял тоску. По детству. По безвозвратно ушедшему, даже от тех, кто живёт вечно.

В безветрии птичий концерт помпезен. Под аккомпанемент шороха травы – вообще песня. Вини прокладывала дорогу. Не поднимая головы, едва слышно пропела:

– Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить?

Пернатая последний раз икнула и замолкла. Заказчица предсказания застыла на месте. Даже у её спутника мурашки по спине пробежали. Пусть подобной ерундой скептика не купишь, но так захотелось без явной причины отвесить ду-рёхе подзатыльник. Вместо этого ладонь мягко опустилось на женское плечо.

– Раз стоим.

Вытянул руку с камерой, прижал супругу к боку. Только затвор ляскнул, девушка напонила:

– Хорош, папарацци. Показали достаточно.

– Это... мне.

Тронута.

– А будет в программе что-то кроме снования по бурьяну?

Вини сняла рюкзак, вынула оттуда два плетённых диска с тарелку. Тряхнула – расправились корзиночками, как у той же Краской Шапочки.

– Игра «Собери ужин». Ягоды рвать не советую. Или разбираешься?.. Ну вот. Мы в зоне шампиньонов. С ними не прогадаешь.

– А ты у нас, можно подумать, знаток?

– Не отходи далеко, – только и сказала она, высыпая из лукошка сухой листовничный мусор, – Медведь пришибёт – я тебя по кускам собирать не буду. И без того мазила. Потолок – семёрка.

«Боже праведный, да со мной амазонка!» – ёрничал про

себя Богат.

Березняк потихоньку мешался с тайгой. А где хвойные – там и чащоба посвободнее. Идти легче. Удивительным образом и до этого Вина как-то углядела в густотравье три акkuratных грибочка. Разок исчезла из вида – нагнулась обчищать земляничную полянку, сокрытую всевозможными колосками, цветами и цепкими усиками. Когда весь этот «салат» стал понемногу редеть, Богат обнаружил под лопуховым листом свой первый грибной трофей. Супруга оставляла заметные шампиньончики мужу. Подкупала его детская радость от очередной находки. Себе оставляла прочие. Рвала «чайный букетик».

Эпоха деградации подмосковных лесов закончилась ещё до войны. Достояние – общественное, природа – заповедная. Не то, что, заблудший, не сгинет – голода не познает. Есть у лесников в штабе люди уникальные – сеятели. Ребята в камуфляже, с джутовым мешочком на поясе. Бродят, рассыпают споры, разбрасывают семена. Бдят, чтоб горожане лесные богатства особо не крали. Угощались разве что. Вот и сейчас паре встретился один. Девушка помахала ему, а он проигнорировал, дальше пошёл. Их присутствие вменяет чувство безопасности. Потому что у сеятеля помимо мешочка в арсенале автомат. А то хищники совсем озверели. Тут экологические программы сработали, конечно, не в пользу человека.

До речки добрались с доверху наполненными грибовен-

ками.

«Привал? Аллилуйя!» – порадовался раньше времени путник.

Местечко живописное, и небо начинает подозрительно синеть. Однако Вини предупредила – оставаться надолго нельзя. К водопою под вечер стекается всякая живность. Но освежиться им никто не мешает. Богат, на ходу сбрасывая одежду, вбежал в воду. Поверхность дохнула подземными ключами и болотной сладостью. Потревоженные рябью кубышки заволновались, закивали жёлтыми луковками бутонов. Брызгаясь и крича от восторга, он зазывал к себе. Но напарница стояла на бережку, обхватив плечи, спиной к нему.

– Я второй пойду! Купайся!

– Ха! Чтоб меня одного слепни сожрали?

Ведь точно. Она же не видела его нагим. Когда развязывал ей глаза, уже под одеялом был. Ещё и утром ускользнула. Не успел показаться во всей красе. А вот если перестановка... Полюбоваться русалкой сейчас был бы совсем не прочь. Чтобы, стоя в воде, выжимала мокрые волосы. Чтобы капельки очерчивали изгибы. Окружение благоволит. К тому же – хоть что-то интересное. Но, поменявшись со спутницей местами, не обернулся. Потому что она о том попросила.

Ночь супруги встретили на лесной прогалине. Низкая трава – колючая ворсовая подстилка. А вокруг – лес, лес, один лес с его корягами, пышными кустами и кусачей крапивой. Полянка была сродни колыбели. Ни журчаний ручьев,

ни скрипа ветвей, ни кукушкиной считалочки. Отдыхай себе, скиталец. Только прежде развесь по периметру датчики охранной системы, чтоб не проснуться с волчьими клыками в шее. Куда лучше вскочить от визга сигнализации и спронеся палить по светящимся глазам.

В горячих углях румянили бока картофелины. Там же, венчая горку пепла, попыхивал чугунный заварник. Шампурсы с шампиньонами – выше, чуть в сторонке, поддерживаемые нехитрой конструкцией из веток. Опускался лёгкий морозец, и, чтобы муж не чувствовал себя прикованным к костру, жена припасла новёхонькую мужскую охотничью куртку – из аловы, с ворсовым подкладом.

Сон в палатке отменяется. Так звёзд не видно. И плевать, что затянуло тучами. Всё равно такую дуру вдвоём не дотащили бы. Альтернатива – «умные» спальные мешки. По заверениям производителей, и в минус сорок в сугробе ещё и ножку высунешь. Богату с таким чудом сталкиваться не приходилось, но обещание комфорта «как у мамки в пузе» звучало вполне жизнеутверждающе.

Мрак разгонял не огонь. Угли давали тепло, а свет – кемпинговый фонарь. Вопреки названию, основная его задача – отпугивать насекомых. Включённый на малую мощность – радиус в десять метров, окрашивал лица болезненным жёлтым.

Вини ткнула грибочек кончиком ножа. Не готов. Рядом хлопнуло. Повернув голову на звук, вздёрнула бровь. А

спутник и не смутился. Мол, чего ещё ожидала? Сама ведь дала. Нежадный, отпив ещё, протянул флягу даме. Насмешливый жест вежливости пресекла железная рука, хватанувшая подачку. Девушка принюхалась, засомневалась. В итоге глотнула, кисло поморщилась.

– Фу.

– Из твоего бара, – прокомментировал Богат, принимая обратно.

– Что это?

– Скажем так, в моём коньячном топе занимает почётное второе место.

– Жаль гостей. Для них брала. Повелась на цену.

– Ну, судя по ассортименту буфета, жалеть тебе некого. Не припомню, чтоб кто-то приходил.

Далеко-далеко в чащобе согласно ухнула сова.

– Остановись лучше на чае, – съехидничала Вيني. – Вот где «букет».

– Обойдусь. Пей сама свою траву.

Мельком зыркнув на него, втайне отложила чаепитие. Принципиально.

В хорошей компании принимать на грудь в гордом одиночестве несколько не зазорно. Блаженное тепло питало мышцы. Тело восстанавливалось после долгой ходьбы, но лечь не просилось. Будто распаренный после бани, Богат оставался в тонусе. Так и млея, зная, что «вертолёты» ему не грозят. Качественный коньяк.

Бледное желтушное освещение откатывалось в оранжевый спектр. Рыжеватые лучи золотили скульптуру задумчивой женщины. Новый образ цеплял. Сидя на рюкзаке, широко расставив ноги, оперлась локтями на колени. В берцах, походной одежде, старой бейсболке. Для полноты образа не хватало сигареты в зубах. Хоть бы палочку погрызла. Ночь. Лес. Тихо, даже костёр не стрекочет. Картина становится глубже, если быть знакомым с личной драмой натурщицы. О чём она молчит с высоты эшафота?

У Богата открылось второе дыхание. Силы искали выхода, подталкивали на подвиги. Причинно-следственные связи в мозгу сохраняли форму, содержание плыло. Проснулась фантазия. Уже прикидывал, как прижать, где перехватить. Таков азарт охотника. Тончайшая грань – где кончается игра и начинается война. Или первое вертихвостки в критический момент назовут последним исключительно в оправдание своей природной распущенности? Слабый пол. А тут ситуация в своём роде исключительная. Если рассудить, чисто теоретически... Считается ли актом вандализма роспись здания под снос? Или грехом лепка из плесневелого хлебного мякиша? То-то же. Да и чего она смогла бы предъявить? Поплачется легавым, как над ней надругался муж? Смешно. Уже в зависимом положении. Другого провожающего не найдёт. Весь год с ней нянькался. Дом не отпишет, зато из рук не выпорхнет. Ведь... ей понравилось. По глазам видит, что понравилось! У девочек так в генетическом коде записано.

Бес шептал ему на ухо. О заслуженной награде. Об удовольствии, что превзойдёт прошлый раз. Чтобы теперь всё было по-взрослому. Богат, его трезвая половина, борющаяся с из ниоткуда взявшейся маньяческой сущностью, надеялась, что от преступления отваживается не один лишь пистолет на бедре Вини. Не может быть, чтобы его от обычного алкоголя так понесло.

Отошёл в тень, прихватив с собой бутылку воды. Вернулся с мокрым лицом. Его уже ждали с кружечкой чая. Вложили в ладони. Как из другой галактики донеслось:

– Выпей. Отпустит.

К совету прислушался. Устроился на рюкзаке, поджав ноги, укутавшись в куртку. Торчали только носки шнурованных ботинок, пальцы, обхватившие жестяную посудинку, и вжатая в плечи голова. Вини не могла оторваться от этого милого зрелища. Озябший, нахохлившийся. Похож на воробышка.

Чтобы хорошенько подумать, совсем необязательно мотаться в глушь. А что ни говори, в местах диких, чистых от автомобильного гула и шиканья всевозможных гаджетов, мысли яснее. При безмолвии и безлюдности в свидетелях дитя города пришла всё к тому же. И ничего-то с юности наивной, пустомельной юности не поменялось. Переживать по пустякам. По тому, что у остальных – в порядке вещей. А ей только расхлёбывать. Если орудовать метафорами, то привыкшая жить в тесной камерке потерялась в огромном доме,

куда супруг её за ручку привёл. Не знаешь, куда деть непрошеную лёгкость, незаслуженную уверенность. Хуже всего – это читается в теле. Много-много лет назад, когда мама думала, что у Вини появятся свои дети, поведала об одном ритуале. Мол, как ребёнок сделает первые шаги, сложи пальцы ножницами и обрежь невидимую нитку у него между ног. Как бы глупо ни звучало, Богат будто бы оборвал эту самую нитку во второй раз... Колени разъезжаются.

Наказанием за содеянное стали регулярные приступы желания. Для их подавления отныне требовались дополнительные усилия. Единоразовая акция не должна войти в привычку. Хотя бы из-за фактора времени... Как люди справляются? Как регулярно удовлетворяют потребности, на безрыбье не чураясь торговаться принципами? И так вечность. Дорожка скользкая, а механизм поощрения работает как наркотик. Вот точно – не суди, пока не попробуешь.

Да и, может, гори сарай, гори и хата? Чего стоит пережить любую реакцию мужа на её предложение повторить? А если подумать на холодную голову?.. Ау! Конечная. Всё неважно. Но тот опыт был... весьма занятным. Ведь и звёзды сошлись. Здесь, в лесу, где их сегодня нет. Хотя бы сам Богат. Вيني могла поклясться, чувствовала на себе его взгляд. Пока отлучался, пригубила чая.

«Кружитесь, листовые клочки, гонитесь друг за другом в бурой жиже. Раствори смуту, горькая вода. Помогите балованной лаской протрезветь».

Где это всё? Где всепоглощающий стыд, мука за фатальность ошибок прошлого? Каково ей отныне касаться лица рукой, пить с ладони? Нормально. В том то и дело – сейчас гораздо легче. Потому что ещё не решилась сформулировать, *что* сделала с мужчиной? Потому что уже всё? Или просто демонический гомон теперь всякий раз перекрывало воспоминание – жаркое прерывистое дыхание и скулёж, нелепый, жалкий – чужое удовольствие. И подумать не могла. Она! Его! И тревожно, что облажалась. Ему было *хорошо*? Точно?

– Нормально? – сотрясла воздух Вини, не выпуская кружки из рук.

В фонарном отсвете мелькнула почти что insultная ухмылка.

– Меня такой ерундой не возьмёшь.

Вини сняла шампур, тем самым как бы приглашая угощаться. Уточнила:

– В смысле?

– В смысле в коньячном топе – серебро. В остальном и в десятку не попал.

Укусив ароматное плодовое тело, медленно отвела его ото рта. Поедала Богата тревожным взглядом. Он, смущённый вниманием, боролся с приступом улыбочивости.

«В рот пароход! Откровения попёрли... Так и знал, другую бутылку надо было брать».

Вини, зацепившееся за это «остальное», с ходу придумала

лишь один каламбур, чтоб не в лоб.

– То-то ты такой хмурый²⁷.

– То-то! – с вызовом выпалил тот.

Пауза.

– Шутишь.

– Вот только не надо этого, а! Мне пятьсот лет!

Эхо заглушили еловые стены. Тишина напала со всех сторон, крикун сжался в плечах. Глянуть на собеседницу не хватило прыти, но краем глаза заметил вертел с шампиньонами. Подала, а то, похоже, стесняется кушать.

– Я ничего не говорю, Богат, – мягко сказала она. – Но теперь хочу знать. Ты... продолжаешь?

Сорвал гриб зубами. Приятный вкус подсластил минуту. Кто ж знал, что бесплатное сносно? Иль с голодухи мерещится?

– Нет, – ответил он спокойно. – По молодости. Цивильно. Если уже представила притоны с дверью нараспашку – представляй обратно.

Вини отвела глаза, задумчиво пожевывая.

– И как же ты справился? С зависимостью.

– У тебя какое-то однобокое представление. Не знаешь, что жизнь подкидывает испытания пострашнее безрадостного ожидания. Не знаешь ужас мук и горечи лишений, – хлюпнул чаем, отпуская себе секунду на «подумать». – Какие у тебя вообще могут быть проблемы? «Золотой Угунди с пла-

²⁷ «Хмурый» – одно из названий героина.

тиновыми дисками или платиновый с золотыми»?

– Я не понимаю...

– А я не понимаю, к чему этот снисходительный тон. Ангел мой, не зуб дам – челюсть на полочку положу, что каждый из твоих знакомых разок, да хапал. И мама, и папа, и даже братик! Ну как теперь? Приятно? Корона не жмёт?

Вини только моргнула, не отрываясь от завораживающих переливов затухающих углей. Железной рукой перенесла картофелины из пекла в миску – остывать. Подкинула веточек в огонь. Мужчина внимательно наблюдал за её действиями.

– Нет короны, – лениво повозила в костре голым шампуром. – Такими категориями оперируешь? Формальностями? Ну, нет тогда.

Его лицо помрачилось. Выпяtilась нижняя губа. Это ещё что за новости?

– Откуда?

– Антидепрессанты. Считается? Говорили дозировку. А как-то слабо. Затяжной курс. Предлагали новые. Перебарщивала. Врач предостерегал. Другие выписывали сильнее. Нейролептики. Сильнее, сильнее, и «щёлк»!.. отмерло.

В улыбке сверкнули зубы. Так карикатурно, что скажи она сейчас, что в свободное от работы время режет людей – Богат бы и эту сенсацию принял за нечто само собой разумеющееся. Её голос. Гробовой. Бессмертное сердце съёжилось. Так бывает с несостыковками. В эту минуту собеседник ненаро-

ком пополнил свою воображаемую галерею мрачных мгновений жизни. Пилюля для торможения веселья.

– Как давно?

– Лет двести. Сто пятьдесят... не помню.

– Ты поэтому?

Слишком глубоко капнул. Не обвалились, шахта. Вيني замурилась, сглотнула, но на него так и не взглянула. Спину скрючила, чтоб жар огня лизал лицо.

– Каждый варится в своём. Кого сдует бриз, кого землетрясение не свалит с ног. Нет, не из-за Мариды. Никогда себе этого не прощу, но жила как-то. Вот я мразь, прикинь? Вина подстёгивала. Чувство... вибрация в груди. Оно было. Какое-то. Дело принципа. Остались сельские бордели. Шлюшатни на Луне, за бугром, не знаю! С моего расследования должно карту писать. Но как ты сказал? Ужас мук? Порядок, как по техническому заданию. Поработала. Доброго подделала. Купила... дом. Руку на отсечение. Руку! – спряталась за ладонями. Ну, где же слёзы? Хотя бы сейчас, где? Ни едкий дым от горящей липы, ни исповедь, ничего не помогало вспомнить, что ещё жива. Кто проклял? За что? Плач давно погибшей души, будто пропущенный через десять фильтров, выдавал лишь осипший шёпот. – Я... устала. Наверное, как только родилась. Вот и вся причина.

Богат переваривал услышанное. Так долго, что Вيني стало казаться, будто она здесь одна. Повернётся – а его нет. И только чёрные деревья вокруг. Птица не гаркнет, волк не

взвоят, солидарности ради. Не испугалась бы. Пригорюнилась разве что.

– Да-а-а, – протянул муж. – Ты особенная, Вини... Неогранённая. – Делал длинные паузы, но голос креп с каждой фразой. Раздражение зашкварчало маслом на раскалённой сковородке. – У меня было много девушек. Красавицы, умницы. Половина – конченные эгоистки, вторая – ещё хлеще. Простительно. Зажиточные и самодостаточные заслуживают восхищения. Уважения, в конце концов. Но на моей памяти никогда не встречался с подобной тебе. С такой... патологично самовлюблённой. Упиваешься немощностью. Смакуешь, лелеешь. Любимый паразит ревнив. С какой страстью друг друга дерёте, аж завидно, – он сально улыбнулся. – А строишь-то из себя... девственную душу.

Ждал жалящей боли в груди – жар раскалённого железного прута, на который супруга насадит его сердце, как шампиньон. Или хотя бы брошенного уголька, что подпалит брови. На крайний случай – фокус со сгибанием металла. Как тогда, с вилкой, а теперь с шампуром. Вини же, по своей сути, предпочитает изливать гнев на предметы. Однако ничего подобного не случилось. Только испепеляла взглядом. Даже губы расслаблены... Да. Так же неприятно, как полешко в лицо.

– Я боюсь за тебя. – Его тон не смягчился ни на йоту. – Если не врёшь, и это вся причина – мне жаль. Я был о тебе лучшего мнения.

Не меня выражения лица, процедила:

– Много ты понимаешь.

– Много. Я же верно сказал?

– Дешёвый развод. Ты не получишь, чего добиваешься.

– Как и ты – моей жалости. И от остальных не получишь,

помяни моё слово. Нравится одиночество – люби и равнодушные гостей на своих похоронах.

Скрипнули зубы.

– Ты хороший. Поэтому мне не всё равно. Но я переживу.

– Переживёшь? Стерпишь? Ты лучшая... Ещё пятьсот лет потерпишь?

– Да, я лучше! – зажестикულიровала в мужской манере – широко, не разгибая локтей. – Я лучше вас! Настолько, что говорю это от сердца, от холодного разума. Без всяких... Америку открыл, эгоисткой назвал. Детский сад. И чем это помешало другим? Не тем ли ценнее добродетель, что замечена за дьяволом? Что от меня, нарцисстичной, в итоге останется? Дела проросли в чужих судьбах. В созидание – целый лес. Даже если люди прошагали по выставленным рукам моим, не глянув вниз. А ты? Что твоя жизнь против моей? Чем она богата, Богат? Любовью раз через два? Но ты же вообще недалеко здесь от меня ушёл. Озабоченные. Озабоченные довольством. Цели те же, средства не оправданны. Я, если не могу, не способна, честно признаю. Не перебиваюсь обманками. И чтоб ты знал – горжусь. Несла крест, сама сколотила! Хоть палкой в меня тычь – Атлант не может держать небо

вечно. Ты же – только язык за зубами. И то не всегда.

– Чего?

– Наркота, говорун. – Вيني деловито крутанула кистью. – За это мать отеклась от тебя? Где папа? Сестра? Но вы же, говоришь, все балуетесь.

– Эй!

– Или за похождения твои им стыдно? Отметила, мамка консервативная. Топит за рыцарство. А эскорт – дело такое. Неблагодарное.

– Ты перегибаешь палку, – вырвалось у Богата. Напыщенно киношное.

– А ты сдаёшь позиции. Я выиграла!

Победно вскинула руки. Никак не показывала, что тот своими пассажами истоптал её. Сровнял с землёй. От самоуничтожения спасла пустота. Дыра души, выеденная затяжной депрессией – дверь в убежище, где нет эмоций.

– Я спал с сестрой. Довольна?

А нет, что-то всё же осталось. Способность удивляться. Вيني посмотрела на Богата пронзительно. Он – на носки ботинок.

– Я спал с ней. Вот чего мама сердится. Вот почему её рука не дрогнула. – Его лицо приняло ехидное выражение. – Но хоть слово про фамильцев, и, клянусь, дорогая, мы сильно посоримся.

Настала пора Богату мириться с тишиной, что вынуждала продолжать. Неприятно признавать поражение, отчитывать-

ся, как школьник. Награждать соперника медалью из собственных запасов... Пусть подавится.

– Ох, Вيني, и угроздило же тебя так промахнуться! Случилось это вскоре после выпуска. Завалился с мальчишника друга домой, пьяный вусмерть. А Златая рыдала, рыдала. Рассталась с любовью всей жизни. Слез было, у-у-у... Много с чем водку намешал. Но и пальцем бы её не тронул, если б не присосалась. Я-то спать шёл. А она полезла... Договорились – никому. Коне-е-ечно! Дура. Дура! Двести с лишним девке – не знает об экстренной контрацепции. «Ужас! Аборт от брата!» Лячь, как мерзко, – его аж передёрнуло. – Очень скоро, считай на следующий день, сошлась со своим. Матушке, батюшке поплакалась – результат ожидаем. Разумеется, она жертва, – рассказчик стрельнул глазами в Вيني. Сойдёт за намёк. – Это теперь куда ни шло, но всё равно под запретом кровные наследники полоумия родителей. А тогда, в глубинке, с таким бонусом – похуже убийства. Вся семья отвернулась. Выписали из квартиры. А по прошествии лет Златая так и не нашла меня. Значит – не искала. Ясен пень, я ж её «испортил»... а то, что я... Не знают, каково это, глазеть в чужие окна и знать, что у тебя такого нет. Мои не выглядывают меня. Не ждут. Ночь тёплая, а мне холодно. Раньше мог неделями не появляться дома. Только когда потерял его, будто вся вселенная рухнула на меня. Будто чёрная дыра проглотила. И я один в этой...

Не договорил. В горле словно свинец застыл. Собеседница

кашлянула.

– Не волнуйся. Я унесу эту тайну с собой.

– И всё?

Вопрос неожиданный. Взгляд исподлобья смутил. Маленькие укольчики распространились по всей спине.

– Порядок. Я толерантна.

– Я не такой!

– Да-да, прости, – прикусила внутреннюю сторону щеки. – Прости. Просто термин такой. Сейчас это нормально... Ну, раньше, конечно, не совсем, но...

– Нет. Ты прости, – спас её Богат. – Что не сказал спасибо. На твой выбор – за что.

Та резко, с шумом выдохнула. Губы сами собой растянулись в нежной улыбке. Ответной вежливости не последовало. Не достало самообладания.

Когда кутались в спальные мешки, по обе стороны от костра, последнее пламя успело обглодать худые веточки и залечь в золе. Рыжие переливы в трещинках углей меркли, уступая первенство электрическому фонарю. Желать спокойной ночи не хотелось. Она уже с ними.

– О! – Богат указывал наверх, зная, что супруга не проследит за его рукой. – Звёзды. Рассосались тучи.

«Уже спит, наверное».

– Повезло им, – через время ответила Вина.

– Тучам?

– Звёздам.

– Что?

– Меняются. Схлопываются и взрываются.

Тот жадно втянул холодный воздух с ароматом хвои и берёзовых листьев. Заверил:

– Люди тоже меняются.

– И ты?

Сперва Богат оскорбился. Потом призадумался. Напрягся.

– Не заметил? – лениво подкидывала Вини. – Это проклятие. В фильмах и книгах вампиры чахнут, утрачивают жажду к жизни. Потому что не живые. А мы – да. В каком возрасте законсервировались, в таком и остаёмся психологически. С теми же потребностями, с теми же законами. Умнеем, если хотим, но прыгнуть выше головы не можем. Никогда не сможем. Время застыло. Страх нет. Это Эдем.

– Да ты заколебала! – ни с того, ни с сего вспыхнул он. Как в потухшем угольке под дуновением ветра вдруг зажёгся огонь. – Аморфность – только твоя проблема! Твой осознанный выбор. В курсе ли, нет, любовь не возникает из ничего. Если чего-то хочется, надо прикладывать усилия. Не уповать, сложив лапки, на манну небесную. Искать, общаться. На свидания ходить.

Вини не это имела в виду. Но он первым начал...

– Сходила на одно. Хватило. А что я сделаю? Мне притворяться, пока не колыхнётся? Вот то же – уповать. Как у вас легко это! Давай встречаться? А, давай. Просто потому

что! Я так не умею и не хочу.

– На одно?! Вау... Ты, я смотрю, человек дела.

– Ищешь ссоры?

– Мы уже ссоримся.

– Тогда спокойной ночи!

Шорох брезента – Вини повернулась на бок, лицом к лесу. А потом, когда сознание Богата затуманилось, до ушей его донеслось:

– Родители в своём маразме могли бы гордиться тобой теперь. Независимый, держишь «тараканов» на привязи. Настоящий мужчина.

Собеседник искал в сказанном тень насмешки. Не нашёл ни её, ни чего-то путного для ответа. А та и не ждала. Засопела.

32,

По возвращению домой Вини в первую очередь сорвала настенный календарь. Напрягал страшно. По очевидным причинам без часов могла определить, который час. Единственный живой свидетель порчи ни в чём не повинного альбома с циферками только напомнил, что, если понадобится, всегда рядом. Напомнил и сбежал. Сначала в спальню, пере-

одеться, потом – в город.

– Звони. Но вечером я тут, – отчитался супруг напоследок. Даже не попросил подвезти. Распахивая окно, Вини услышала, как хрустит кирпичная крошка под колёсами такси.

Все три дня от рассвета до заката особняк томился в одиночестве. Солнце-самодур калило черепицу, ветер-егоза игрался с хрустальными бусами люстр, надувал шифоновые шторы, точно паруса. Дом ждал хозяйку, чтобы затопился камин. Ждал того драгоценного гостя, чтоб в носках прокатился по гладкому паркету до своей спальни. Ждал и не знал – дни прошлые сочтены.

Лихая езда, катание на коньках, стрельба в тире, участие (и проигрыш) в заплыве по Москве-реке на лодках, караоке, лазерный пейнтбол – Вини ныряла во всё, что отвлекало и выматывало. Чтение книг, просмотр кино, посещение культурных мероприятий по этой причине перенеслись на никогда.

Но всегда неумолимо приближался вечер. Не отсрочить, не отменить. Небесный мрак гнал безнадежную дурочку обратно в её склеп. Наваливался огромной жирной тушей, усыпанной акне-звёздами. Лыбился месяцем. Смеялся над ней, прыскал метеорами. Не Вини в полной мере поняла Богата, когда тот остался без семьи и крыши над головой. Это он в далёком прошлом едва не упал в ту яму безнадёги, куда летела она. То есть убежденность в собственной никчёмности

пред силами высшими. Да хотя бы человечеством.

Первая ночь ознаменовалась душевным подъёмом. Отдавшись эйфории, Вини (как) в последний раз танцевала под музыку из наушников. Бойкую, басистую, выворачивающую душу наизнанку. Беззвучно подпевала, и через полчаса безумных плясок взорвалась... По-настоящему! Господи! Будто живьём резали. Орала, хрипела, рыдала взхлёб. Сердце просило милости. Не настало ещё его время! Но пустая часть души наслаждалась страданием, распаяла, разжигая истерику. Певцы надрывались напрасно. На этом концерте им быть бэк-вокалистами. Вини забыла обо всех. О супруге тоже. Он не мог не проснуться от этого рёва. Спросонья решил, что жену терзают бесы. Проверять не пошёл.

На вторую ночь она явилась сама. Привидением. Различив боковым зрением живую тень, хозяин спальни подпрыгнул на постели. Едва сдержался от брани. Время за полночь, но, слава Богу, бодрствовал. Если б эта дура за плечо его спящего взяла, нависла – втащил бы и извиняться не стал. Вид её не вызвал к жалости. Супруга внушала страх. Источала его. Белая, как смерть, в одной офисной рубашке. Волосы – патлы. Глаза – две монеты, серые и круглые. Под глазами синяки – следы бессонницы. Вини бесцельно вела руками по воздуху. Сипение её вызвало полчище мурашек:

– Можно... с тобой? Пож...

– Да, конечно, – как можно более непринуждённо сказал он, оттягивая уголок одеяла со второй половины кровати. С

психами только так.

Только легла на ложе, служащее напоминанием её порочности, Богат уже подтянулся, чтобы обнять. Пока шла, колени так и тряслись – знать, замёрзла. Исключительно утешительный жест. Уже и думать забыл о давнишнем мимолётном желании. А та выгнулась. Ни на чём не фокусируя взгляд, мявкнула: «Нет» и отвернулась, укутавшись по самую макушку. Мужчина скис.

«Вампирша... сука! Когда же это кончится?!»

Не ушёл, потому что податься больше некуда. Лёжа на боку, уже видел фантастические образы, когда почувствовал холодную спину на своей спине. Вيني свернулась в калачик. Не жалась, но касалась. Тот навстречу не подался.

«Не дышит... Сдохла?»»

Третью, последнюю ночь Вيني провела вне дома. Московский храм святой великомученицы Варвары на окраине Зябликово во всём уступал столичным, зато принимал прихожан и после захода солнца. Старенькая церквушка притягивает путников. Вероятнее всего потому, что стоит на южной доро-

ге. Водитель всегда может остановиться, зайти, помолиться. То, что в ДТП невозможно погибнуть, не значит, что нельзя покалечиться. Однако сегодня редкие машины проезжали мимо. Только серебряный Угунди остывал на обочине.

Богат не знал, где его жена. Не звонил. Правильно будет, наконец, спокойно поспать. Без истошных воплей и поехавшей бабы под боком, сминаящей одеяло под себя. В конце концов, на завтра ему отведена важная роль. Наверное, самая непростая в его жизни. И ведь никто не побеспокоился, готов ли он к ней. Только накануне вечером Вини с ошалелым взглядом влетела на кухню, с невиданной силой схватила за плечи, закричала, чуть не плача:

– Ты прошёл курсы? Ты прошёл курсы? Ты прошёл?

– Да да! Да! – вырывался Богат.

Курсы по умерщвлению длились три дня: лекция, практика, экзамен. Лицензия на жизнь Винивиан Степанчик лежала на столе вот уже целую неделю, а она только вспомнила. Пришлось повторить несколько раз, чтоб до неё дошло. Чтоб отпустила. Насупилась, как ребёнок, и убежала, хлопнув дверью. Вот и вся её забота.

«Я... я убийца. Твой. Зачем?»

Проверенное временем снотворное, которое не купишь в аптеках, уже начало действовать, однако страшные мысли отчаянно цеплялись за сознание. Проваливаясь в мир снов, Богат подумал, что, была б у него возможность вернуться в прошлое – отказался бы от сделки. Даже если ту ночь при-

шло бы ночевать в притоне. Даже если бы остался в проигрыше, не познав справедливости. Даже если бы не узнал Вины заново.

Пока он засыпал, она пряталась от церковнослужителя. Мужчина, облачённый в подрясник, устремлял взор к солее. Чтобы её не обнаружили и не сделали замечания по поводу внешнего вида, прихожанка шмыгнула к узкой винтовой лестнице. Спускаясь, грустно улыбалась. Символично.

Подвальное помещение по планировке дублировало главный зал. Но не было здесь ни царских врат, ни фресок, ни узких арочных окон. Только на голых каменных стенах по периметру висели иконы. Пред некоторыми – кадило. Несмотря на поздний час, на каждом хотя бы по одной горячей свече. Зажжённые кем-то, они прогоняли крошечный мрак, но не холод. Золотые элементы рам отражали капельки пламени. Нимбы светились, как настоящие. Ко всему прочему приложил руку сумрак. Алые одежды святых окрасились в винный, зелёные стали смоляными. Лица укрывала полутьма.

Подвал был очищен и отремонтирован в годы эпидемии, чтобы расширить площадь храма, а с ней и социальную дистанцию. Сохранили, как есть. И хорошо. Мама и брат не были набожными людьми. Могли зваться разве что пасхальниками, и то ходили освятить кулич, если лень не задавит. Накануне каждого такого похода в храм голос души обещал Вине очищение, обращение к Святому Духу. А в эти редкие

визиты она, переступив порог, будто садилась «на ковёр», как в том фразеологизме. В своей тарелке, где ей не было места. Причина не в людности – в ней одной. Окружение и атмосфера места так не походили на мир за этими стенами. Избавление от духовного разлада возможно лишь в случае неоспоримого примыкания к одной из сторон. Вيني знала – это не её путь. Что ей по долгу сердца вечность искать компромисс. Пусть земные страсти, как и у большинства, перевешивали, она возвращалась просить прощения. Молитвы получались нескладными. Образа смотрели с осуждением.

Подвал напоминал временную постройку, отчего больше, чем церковь из детства, походил на жестокую действительность. Не давило величие убранства. Но черты ликов так и не смягчились. Проснулся «внутренний ребёнок», оживляющий всё подряд, вкладывающий тайный замысел в качание ветви на сильном ветру, различающий музыку в цокоте часового механизма. Нехорошо сесть прямо на пол, возле иконы Николая Чудотворца. Предпочесть юбке – джинсы, не покрыть голову платком. Смотреть так, будто задала вопрос, на который ей непременно должны ответить. В самом деле, как депрессивный подросток. И снаружи, и внутри. Осталось только осквернить свято место венозной кровью.

Но во взгляде Вيني крылся не вопрос – просьба не обижаться. К кому? К чему? Да ко всем и всему, кто хоть в теории того заслуживал. Ведь сейчас, после бессмысленной беготни и приступов истерики, к ней, наконец, пришёл покой.

Не страшно. Не плохо. В подвале храма она как никогда чувствовала себя уместно. Будто весь её жизненный путь, все пятьсот сорок три года прошли для того, чтобы накануне прийти сюда. Домой. И суровые взгляды святых, как у мамы, на самом деле демонстрируют равнодушие. Любовь. И сырой стылый воздух как формалин с привкусом медового воска.

Приложив затылок к колонне, Вини провела на полу два часа. Лишь раз подняла глаза – на старушку в чёрном, шаркающей от одной лампы к другой. Служительница не поворачивала головы в её сторону. Схлопывала язычки пламени подушечками пальцев, складывала свечи в мешочек. Прихожанке в своём молчании не было скучно, но невольно засмотрелась. Как ни старалась быть хорошей, далеко ей до мирности этих женщин. До душевной целостности этих людей.

Время, наполненное бесконечной умиротворённостью, ползло медленно. В безопасности клонит в сон, но не в случае Вини. Она вообразила, как ей перепадёт дар вечного бодрствования, если останется здесь. Из полудрёмы вырвало предчувствие. Чьё-то присутствие вне поля зрения. Подрываясь, девушка обошла колону, выглядывая кого-то в темноте. Когда нашла – широко распахнула глаза. Разомкнула губы, сжимая челюсти. Головки бровей поползли вверх, придавая лицу вид драматичной маски. На горизонтальном бетонном выступе под потолком прятался он. Не белоснеж-

ный, без оливкового стебелька в клюве, но самый настоящий, живой голубь. Сизая птица едва слышно скребла когтями, устраиваясь поудобнее. Вيني, как зачарованная, смотрела и не верила своим глазам. Тот, кого видела на улицах города каждый Божий день, здесь и сейчас породил такой спектр чувств, от праведного ужаса до благоговения, что не удержись за стену – сползла бы на пол. Будто со стороны услышала свой шёпот:

– Посмотри на меня.

Совпадение, символ, знамение в образе голубя не мотнуло головой. Как бы Вيني того ни хотела – не мотнуло. На помощь пришли знания из уроков биологии. У птиц не биноклярное зрение, и то, что она видит один глаз, вполне может значить, что он смотрит. Похоже, в никуда... Внутри защемило. Защемило.

Голубь, скорее всего, напуганный чрезмерным вниманием к своей персоне, взметнулся к одной из икон и, не сумев устроиться на узкой раме, вылетел через открытую дверь. Вيني ещё долго смотрела ему вслед. Не верила, что Он всё-таки оставил её. Одну. В темноте. В неведении, что там, наверху, рассвет. Для всех, кроме неё.

Глава 11 – Похороны

Открыв дверь ударом ноги, он вбежал в светлую комнатку. Хищно огляделся. Возле туалетного столика, у распахнутого окна, нашёл полуголую Вини. Потревоженная вторжением, она стыдливо прикрывалась и пятилась. Не говоря ни слова, мужчина грубо схватил её за плечо и поволок за собой.

От попытки вырваться у неё только сильнее стянулась кожа, спутались ноги. Девушка сжала его запястье железной рукой. Тот отпрянул, взыв от боли. Пока разглядывал, не сломала ли ему чего, отбежала. В этот момент выход преградили трое охранников. Вини, уже наплевав на свой внешний вид, махнула им.

– Стойте! Не надо. Это мой брат.

По уставу, в этом крыле Траурного дома никого, кроме заказчицы и провожающего, быть не должно. И администратор вызвал их по рации для выполнения конкретной задачи – догнать и выпроводить нарушителя.

– Пожалуйста, выйдите.

Один из них кивнул остальным, и господа удалились. Только Богат протиснулся внутрь, тихонько притворив за собой дверь. А Витаритарх так и стоял в углу, держась за запястье. Мокрые глаза его маслянисто поблёскивали. Излучал напряжение. Бомба замедленного действия, и время на

исходе.

Часто дыша, Вини выпалила:

– Чего цапаешь? Мне же больно.

Голову его потряхивало, как от тремора.

– Ты дура?

– Эй! – подал голос Богат.

Но шурин не дал заступиться. Тыча в него пальцем, раскатил гласное:

– Ты вообще закройся, пока я тебя не убил!

– Вит, – тот примирительно закачал руками. – Вит, успокойся. Ты пугаешь её.

Витариарх глянул на сестру. Опустил глаза. Богат продолжил:

– Крики ничего не решат. Ничего не решат. А если будешь буяннить, я позову ребят... Полегче. Выпей, если надо. Там, на столике возле тебя.

Брат едва не пружинил. Точно привязанный, топтался, не зная, куда деваться. Свояк прав. От этого он чувствовал себя ещё хуже. Будто земля разверзлась под ногами и затягивает в свои глубины. Медленно, как топь. А Вини только ресницами хлопает. Не протягивает руку.

Его голос охрип от натуги:

– Это что за новости? – по лицу пробежала судорога. – Свадьба – постфактум, смерть – по факту!

Вини нахмурилась:

– Ты сам не приехал знакомиться. Если так заботило...

– А меня никто не приглашал! Фоточки на работе смотрел.

Смягчилась:

– Так ты всё-таки обиделся?

Витариарх хохотнул сквозь зубы.

– Обиделся? Да, обиделся! Что у меня сестра умирает и сообщила о том *в приглашении*. В приглашении! *За день до!* – почесал за ухом, прерывисто выдохнул. – Я прибью тебя, когда приедем домой. А пока...

– Я не вернусь. Это окончательно.

Его глаза едва молнии не пускали. Сестра сжалилась, хотела подойти, но, сделав шаг, передумала.

Витариарх не верил в смерть. Не верил, что на диске программа, а не душа мамы. Что его потерянная дочь не где-то там, жива и обязательно счастлива. Но они ушли. Теперь и Вини. По собственной воле. Слишком много на одного бессмертного.

Горячие сухие пальцы произвольно сжались. Боль в запястье? Это всё, что ему останется? На сколько? На неделю?

Рывкал по слогам:

– Объяснись, твою мать!

– Я хочу, чтобы ты принял моё решение.

– Если у тебя проблемы, почему не сказала?!

– Я прожила дольше мамы. Достаточно.

– Если это из-за Мариды...

– Витариарх, прошу тебя! – прикрикнула Вини. Добавила,

понизив голос. – Ты делаешь только хуже. Просто... просто обними меня, раз здесь. И проходи в зал.

Он не шелохнулся.

– Если невмоготу – уходи.

Вздрогнул. Невидимый нож, который сестра всадила ему в сердце, послав накануне приглашение, прокрутила с одной только этой фразой. Прошептал:

– Где твой диск?

– Мамин?

– Твой. С тобой. Где?

– Я... я не делала.

Его шаги как стук молота сотрясали пол.

И вот они остались вдвоём в зыбкой тишине. Муж и жена. Супруг прильнул к столику. Капнул в стакан с водой зелёной жидкости, взболтал, пригубил. Супруга с детским любопытством следила за его действиями.

– Всё хорошо?

Он глянул на неё исподлобья. Ухмыльнулся.

– А у тебя?

Хохотнула. Да, с неё успокоительного хватит. Предлагать Богат ещё не станет. А то заснёт. Читал в интернете – бывали прецеденты. Переносили мероприятие на другой день. Деньги на ветер.

Вини сверилась с настенными часами.

– Я оденусь?

– О да, конечно... Помощь нужна?

– Не.

– А сколько у нас?

– Минут десять.

– То есть я через пять зайду?

– За... зачем?

– Ну, посидим.

– Богат. – Осадила она его. – Выйду. Через. Десять. Минут.

– Всё-всё, не опекаю. – Он отсалютовал пустым бокалом, отступая к выходу. – Но если твоя истеричка по-прежнему там – спрячусь здесь.

Глупо улыбаясь, Вини стянула со спинки стула платье, и вдруг опомнилась.

– Слышь! – остановила она его. – А ты точно не струсишь?

Зависнув ненадолго, Богат щёлкнул большим пальцем по переднему зубу и скрылся за дверью.

Сценарий похоронных мероприятий утверждён законодательством. Если на свадьбе молодожёны вправе отходить от

традиций, здесь за любую вольность в жестах и выражениях можно схлопотать штраф. О своём, за проникновение к сестре в гримёрную, Витариарх ещё не знал. Получит по почте. За порядком строго следит персонал Траурного дома в составе администратора, охранников, приглашённого государственного представителя. Заключение в тюрьмах дышится свободнее, чем гостям здесь. Но, наверное, по-иному не получается, так как убийство превратилось бы в фарс или локальную войну. Но истинная причина крылась в другом. Умные люди прописали для суицидника специальные слова и ритуалы с расчётом, что он в последнюю минуту одумается. Глядя на близких, как кукла-чревовещатель, излагающий скорбные речи, застыдится, сдастся, отступит. Хоть один из десяти.

Богат вёл Вини под руку. Учредители устава полагали, что самоубийца боится. Потому провожающий должен поддерживать её. Без него и шагу ступить нельзя. Как сиделка с немощным. Здесь, в коридоре, их никто не видел, но будущий вдовец взял супругу под локоть и отпускать не собирался.

Сейчас, когда жизнь Вини мерилась минутами, душа её словно обрела физическое воплощение. Пустой аквариум, уместившийся в грудной клетке. Толстое стекло давило на ключицы и позвоночник, приятно холодило мышцы. Больше ничего не плескалось и не ворочалось. Хрупкий покой. Того и гляди – разобьётся.

Всякая мелочь возымела смысл. Каждая секунда растянулась тысячелетиями. Как с точки обзора Всевышнего, Вيني посчастливилось наблюдать бешеное круговращение часовой стрелки. Смотреть, как переплетаются чужие судьбы и в своё удовольствие умалчивать о величайшем, сокровенном. Ступая босыми ногами по тёплым кафельным плитам, Вини ловила вибрацию поезда метро глубоко под землёй. Различала птичьи песнопения за звуконепроницаемыми панорамными окнами. Могла поклясться, угадывала все ароматы, какими надушились её гости, ещё не встретившись с ними. Оттого не могла не отметить мертвенную бледность своего спутника. В тени ещё ничего, а на солнце совсем земляной. Особенно на контрасте с рубашкой цвета воронового крыла. Казалось, это она его, предобморочного, ведёт. Если бы не вакуум души, и без того звенящей на одной тревожной ноте, это стало бы поводом для волнения.

Двустворные двери открылись, и все за длинным столом синхронно повернули головы в их сторону. Весь Траурный дом сложен белоснежным известняком. С деревянными рамами окон и узенькими золочёными перекрестьями без того напоминал храм. Но обеденный зал с его высоченными потолками и арочными подпорками выглядел как капелла, которую забыли расписать. Сегодня пустые стены утопали в свежей зелени и живых цветах. Гирлянды и завесы из голландских ландышей, кремовых пионов и лазурных колокольчиков могли бы украшать элитную свадьбу. Обеспечить ат-

мосферу торжества, триумфа счастья. А в итоге даже до могилы не доедут. Проходя к своему месту во главе, Вини не удержалась, провела по лепесткам.

«Такие нежные».

Вилки не цокали о фарфор. Не шуршали бумажные салфетки. Не скрипели стулья. Гостям накрыли шикарный стол, и в ожидании той, кто их здесь собрал, они доселе пили и ели, перешёптывались, с опаской поглядывая на охранников. Теперь же тарацились на Вини, как на экзотическое животное.

С её обострившимися чувствами ей, конечно, стало неловко от такого внимания. Нервно оправила одежду, пригладила волосы. Образ как по методичке. Слабая косичка без украшений, чёрное атласное платье свободного кроя с подолом до колена. Там, где сердце, белой нитью вышит крестик. Чтоб провожающий ненароком не промахнулся. Хотя, похоже, это самая реальная перспектива. Богат чуть ли глаза не закатывал. Едва сознание не терял. Но стойко боролся с нездоровьем. Губы бескровные, на бледном лбу испарина, а он отодвигал своей даме стул. До последнего держал за руку.

Тишина давила на уши, однако никто, под угрозой штрафа, нарушать её не смел. Равнодушно оглядев угощения, Вини выбрала яблоко. Надкусила. Формальность соблюдена – можно вернуться к трапезе.

Смущение скрасила светлая, тихая радость – Витариарх здесь. Один в светлой футболке, выделяется в ряду людей

в около-траурных одеждах. Изучает своё отражение на дне пустого блюда. Подруга Лиси, напротив него, отрешённо пожёвывала булочку. Её красноватые, воспалённые глаза уставились в никуда. Впервые за сотни лет вышла в свет без хотя бы лёгкого макияжа.

Остальную массу делали рабочий коллектив. Те, кому пришлось иметь с Вини дело. Сейчас это были не серьёзные дяди и тётки – дети, не ожидавшие, что их пригласит на именины тихоня класса. Только то не день рождения.

Богат не кушал. Приличия ради плюхнул себе в тарелку кутью. Озабоченная его самочувствием жена осторожно тронула ледяные пальцы. Тот поднял голову и уронил. Тяжела стала шее такая ноша.

«Перебрал с успокоительным? Как бы... как бы чего не вышло».

Отведя гостям двадцать минут, Вини поднялась из-за стола с рюмкой в руке. Все последовали её примеру. Супруг смог встать, опираясь. Этот тост он точно не пропустит. В хрустале согрелся мятный джин. Что-что, а за свою кончину-то она таянет.

– За упокой моей души.

Пока безымянный представитель власти стенографировал её слова в блокнотик, опрокинула стопку в себя, суксилась, затолкнула в рот засахаренную дольку лимона. Все, как по команде, тут же удалились. Девушка задержалась. Под бдением государственного клерка, пред чистым блюдом своим

поставила фотографию в рамке, с чёрной ленточкой в углу.

«Ну вот и толку? Еду и цветы растащат, а это – выкинут».

После этих несказанных слов в аквариуме души что-то за-теплоилось. Разожглось быстро-быстро и в итоге бахнуло. Её всю затрясло. Окружение, даже неодушевлённые предметы, стали нести угрозу.

«Бежать!»

Паническую атаку подавил Богат. Сжал железную руку, обнял за плечи. Осторожно, настойчиво повёл к дверям, ведущим в соседний зал. Не моргая, Вини смотрела строго перед собой, как дурочка. А сознание разрывало. Мысль в секунду.

«Вот и всё... Просто перетерпеть. Переступить».

«Не просто! Мне не хватит сил. Мне – не хватит».

«Ещё не поздно. Плевать на всех!»

«Малышка, успокойся. Успокойся, всё хорошо. Это просто инстинкт. Отключи. Игнорируй. Ты же большая девочка».

«Там ад, Господи! *Мама!*»

«По-другому не уйти. Ты не самоубийца. Не самоубийца. Люди не искупили грехи, чтобы жить вечно. Адам и Ева оболстились однажды. Вы – ежедневно. Ты делаешь правильно. Честно. Поздновато, однако».

«Я не хочу умирать. Нет. *Нет!*».

«*Ибо Ты воистину злых сердец Умягчение.*»

«А как... как не дышать?».

«Всё готово. Все ждут только тебя. Помоги Богату. Ему хуже, чем тебе. Ради тебя он это делает».

«Я... я забыла все молитвы».

Прощальный зал представлял собой театральный, как в школе. Старенькая сцена, сколоченная из потёртых досок, кулисы, пошитые из потемневшего от времени и пыли алого бархата. Из трёхсот сидячих мест сегодня заняты двадцать. Взглядами присутствующие осуждали заказчицу и скорбно молчали. Лиси всхлипнула, когда Вини ахнула от увиденного и было отвернулась, но продолжила восхождение по скрипучим ступенькам под упрямыми толчками в спину.

Ничего не намекало на то, что должно произойти. Ни цветочных ковров, как в трапезной комнате, ни портрета на мольберте, ни пластиковых венков. Только одно единственное. В центре, на столе, в свете люминесцентных ламп переливался всеми оттенками серого свинцовый гроб. Различив его белоснежные внутренности, подушку с оборками, Вини почувствовала, как обивка, холодная, мягкая, буквально обхватила её. Зачавкала, зажевала. Невзначай дёрнула плечами, и Богат отпустил.

Обнаружила себя за кафедрой. Бегло погладив вдоль позвоночника, тот ушёл в другой конец сцены – за свою стойку. Гулкий ритмичный стук каблучков ботинок и прямолинейная траектория намекали – ему полегчало. Но на тумбу опёрся. Сутулился. Вини сотни раз выступала перед куда более многочисленной публикой. А теперь предательски задрожала.

ли колени. Сердце забилося пленённой птичкой. Будто риск оговорки – главная её проблема на настоящий момент.

Государственный представитель, позволив себе ещё минутку отдыха, всё-таки оторвался от табурета, дошёл до центра сцены – строго между заказчицей и провожающим. Несмотря на хроническую усталость и общую незаинтересованность к происходящему, звонким, хорошо поставленным голосом объявил:

– Сегодня, четвёртого июня две тысячи девятьсот семьдесят четвёртого года мы прощаемся с Винивиан Степанчик. Дочерью, сестрой, женой, ма... подругой, прекрасным руководителем, достойным гражданином нашей страны. Конституцией каждому предоставлено право не только на жизнь, но и на смерть. И как бы ни было тяжело, мы должны уважать такое решение. Понимание и поддержка – высший подвиг близких. И перед вами, родными и друзьями, я в последний раз должен спросить. Винивиан, ты уверена?

Та вяло кивнула. Смотритель в повороте эффектно раскинул руки:

– В таком случае, властью, данной мне, отвожу всем присутствующим право последнего слова. Скажите сейчас и замолчите навсегда. – Пока говорил, с места встал мужчина, единственный одетый не по дресс-коду. – По утверждённому списку первого попросим...

– Извините, – пыталась привлечь внимание ведущего Вини, махая ручкой. – Извините. Пропустите моего брата, по-

жалуйста.

Недовольный тем, что его прервали, госслужащий скривил рот. Витариарх заговорил негромко. Ком в горле сдавливал горло.

– Вини, хватит. Поехали домой.

Сестра чуть не охнула от разочарования. На что потратил последнее слово? И что хочет услышать?

– Не надо. Не заставляй меня оправдываться. Сейчас, при всех!

Прождав чего-то, рухнул обратно в кресло. Буравил взглядом, но глаза его уже не видели ничего.

И пошла череда признаний. Начальник хвалил, сожалел. Проронил одну скупую. Коллеги рассыпались в благодарностях, старательно поддерживали настроение траура. Кое-кто, кого не приглашали, пожелали гореть в аду. Это Богат проглотить не смог:

– Только после тебя, мразь.

– Провожающий! – пресёк ведущий. – Вам предоставят слово.

Неприятелей Вини ответом не удостоила.

Последней была подруга. Судорожно комкая влажный платочек, вскочила. Стекланный кулон в форме лисички, присланный вместе с приглашением, заходил маятником на груди.

– Почему? – едва не визжала она. – Ну как это называется, Вини? Я думала, что тебе не плевать на меня. Что ты честна

со мной хотя бы отчасти. А ты ничего не сказала. Даже сейчас! Если тебе всё равно, зачем это всё?

Той стало совестно. Закусила губу.

– Дружба – возможность быть самим собой. Мы редко делились, да. Но мне было достаточно. Если тебе нет, прости меня. Прости, Лиси! Зато теперь тебе не придётся иметь дело с таким другом, как я. Не придётся ждать инициативы... Ты славная. Интересная. Правда. Одиночество тебе не грозит. Никогда не грозило.

Вини задержала дыхание. Всё. Поток зрительских откровенней иссяк. Теперь эта часть зала будто закрывается невидимым супер-занавесом. Высказываться нельзя – только наблюдать. За тем, что происходит на сцене. За тремя действующими лицами.

Вини мельком посмотрела на мужа. Болезненная бледность осталась разве что тающими пятнами на щеках. Чувствуя на себе взгляд супруги, сам глаз не поднимал. Или не отпустило его? Озноб окатил спину.

«Торчок несчастный! Ты чем закинуться успел?»

– Как нотариальный представитель, – обратил на себя внимание ведущий, – пред всеми присутствующими, автором завещания и её провожающим зачитываю последнюю волю Винивиан Степанчик. Напомню, правки, вносимые в день оглашения, к сведению не принимаются.

Кашлянул, разворачивая наспех сложенный листок.

– «Я, Винивиан Степанчик, проживающая в селе Копей-

кино Московской области по улице Второй Весенней, в доме четыре, находясь в трезвом уме и добром здравии, настоящим завещанием прошу распределить нажитое мной движимое, недвижимое, цифровое и интеллектуальное имущество следующим образом.

Сорок процентов активов передать Русскому Государственному Благотворительному Фонду, тридцать процентов перевести на счёт Витариарха Степанчик (брата), пятнадцать процентов завещать Богату Громыка (мужу), тринадцать процентов зарезервировать на исполнение последней воли и два процента законсервировать в качестве уплаты нотариусу Михайло Попович за услуги по переводу имущества в финансовый эквивалент».

Шепоток прокатился по залу и так же скоро оборвался. Вини очень-очень медленно перевела взгляд на Богата. Едва не лёжа на трибуне, он улыбался. Нет, скалился. Не отрываясь от дощатой панели, посмотрел на свою дорогую супругу исподлобья. Теперь, узнав, что год спустя жёнушка-таки не поправила завещание в его пользу ни на рубль и в итоге плюнула в лицо отпиской в пятнадцать процентов, сейчас не скупился на мимику. Зарумянился, как наливное яблочко. Глаза переливались бликами, в губы прилила кровь и будто бы выступила.

Никогда, никогда Вини не видела его таким. И если бы увидела, сделку б не предложила. По-настоящему жутко. Зачем... зачем так? Специально пугает, позабыв, что они тут

по-прежнему не одни. В голове сама собой всплыла фраза, накануне адресованная брату: *«Так ты всё-таки обиделся?»*

– Право последнего слова предоставляется провожающему – Богату Громыка, мужу.

Траурный зал, солнечный день, мир – стали чем-то эфемерным. Теоретически возможным. Понятиями, уместными только в бесполезных философских трудах. Реальность для них двоих уменьшилась, перетекла в форму песочных часов, где они, заключённые в стеклянной фигуре, максимально далеки друг от друга. Кто на дне, придавленный, а кто сыпет сверху. Сквозь золотые пески времени Вини разглядела того, кого знала достаточно хорошо, чтобы биться за него. Его взгляд светится невысказанной печалью, обидой. Сквозил беспомощностью. А он держался. Самодостаточный. Понятный. Рассерженный.

«Я взял тебе сока. Яблочный и апельсиновый».

«Я же делал добро. За что?»

«Лучше так, чем быть бесчувственной мразью с раздутым самомнением».

«Почему за этот год я не смог стать тебе хотя бы другом?»

«Я спал с сестрой».

«Вини, не умирай. Там ничего нет».

– Я не готовил речь.

Богат едва удержался от истеричного смешка. Похоже, без опоры не обойтись. Сжимая борта кафедры до белых костяшек, глядя жене глаза в глаза, ровным голосом произнёс:

– Вيني, я не люблю тебя... И ты меня не любишь.

Прежде чем её лицо обрело выражение грустной растерянности, смущения не оттого, что сокрушил, а оттого, что проболтался при всех, затейник ткнул пальцем в зал.

– Не так, как они того ждут.

Теперь смотрел на них. С вызовом. Подобная фраза на похоронах из уст провожающего – мерзкая выходка, сродни кощунству. Хуже только, если б позлорадствовал, всячески выражая нетерпение. Особенный шанс для унижения того, кому нечего терять.

Показал на жену широким жестом конферансье.

– Целый год для вас старалась. Вам понравилось? – с наигранной надеждой в голосе спросил он у ошарашенных зрителей. Не дождавшись реакции, шагнул в сторонку. Недобро хихикая, глубоко поклонился.

– Вернитесь на место, – указали ему.

И тот послушался. Не мог не послушаться. Но всё делал нарочито медленно. Не оттягивал неизбежное – жил моментом. Смаковал. Как-никак, его звёздный час.

Вини впитывала, как губка. Только это и могла. Но не обдумывать, не действовать. Отказывалась примерять на свою долю. Принимать, что выстрадавший образ нормальной женатой пары в одночасье рассыпался от одного только призна-

ния. Что именно *он* его разрушил. Намеренно.

– Хм, – Богат надул губки. – Не хлопают. Дорогая, слышишь? Не хлопают... Зазнайки. Понравилось. Фотографии. Сплетни. Пир на халяву понравился. Вкусно. Поели, поглазеете и поедете домой. А она не поедет!.. Новые шансы каждый день. Ничего не изменится.

Лиси захныкала в платочек. Не замечая ни её, ни кого-либо ещё, без пяти минут вдовец, понурил голову. Понизил голос.

– Вيني, я уяснил – взрослым дружба недоступна. Ты ещё слишком маленькая и уже слишком старая для взрослой. Порой несешь несусветную чушь. Но... то, что ты делала для меня, не делал никто. При том что я тебе никто. Это абсурд какой-то. И мне давить? Топтать?

Стремительно отвернулся, схватился за волосы. В повороте со всей силы врезал по кафедре кулаками. Едко, чтоб не заплакать, выпалил:

– Оно стоило того?

Уткнулся в сгиб локтя, спрятался за деревянным выступом. Кончена речь.

Пришёл Вيني черёд отдуваться и расхлёбывать. Опешила настолько, что не расслышала приглашение бесстрастного госслужащего сказать чего напоследок. Однако десятки взглядов, буквально прожигающие её насквозь, больше не взволновали. Напротив, как по взмаху волшебной палочки исцелили от дрожи в ногах. Вдохновили расправить плечи.

Хотя, по правде, не они – свобода. Вернее сказать, безответственность.

Это просто очередной сон с предрешённым финалом. Решительность так и прёт. Если в тех сюжетах судьба-злодейка не предоставила выбора, значит, дала разрешение на творчество. На безумства.

Богат кожей почувствовал, как она смотрит на него. Жалостливо, ласково и тепло. Как мама когда-то. Точно его накрыли с головой лёгкой кружевной шалью. Из-за плашки показалась пара красных глаз. Но от кафедры-баррикады отступить рано. Ком в горле пух. Того гляди, лопнет, что слёзы брызнут.

«Божок? Ты ли это?»

«Родители в своём маразме могли бы гордиться тобой теперь... Настоящий мужчина».

«Сука, за что ты в моей жизни?»

«А мне капу на челюсть поставили».

«Ты – праздный проститут.»

«Ты мне нужен... Богат, пожалуйста».

– Слукавлю, если скажу, будто не продумывала, что говорить.

Её тихий, ровный голос слышали даже мыши в полу. Но скрипели не они. Хрипотца добавляла словам глубины, значимости. Выдавала сердечные тяжбы.

– Каждый раз останавливала себя. Потому что получилось бы напыщенно лживо, хоть и складно.

Вини буравила взглядом пустое кресло. К великому счастью и великой печали, плакать не хотелось. И грандиозность момента как-то рассеялась. Как с докладом на семинаре. Того и гляди, скоро объявят кофе-брейк, и беги к столу, пока кексы не растащили.

– Я жалею. О многом. Сильно. И за последний год поводов накопилось, будь здоров.

Она с трудом подняла глаза на Богата. Но улыбнулась легко.

– Но я почувствовала жизнь. *Узнала, вспомнила.* Это сделал ты, – нервно сглотнула, качнув головой. – Непропорционально. За год больше, чем за пятьсот лет. Но это было... столь захватывающе. Столь насыщено. Самый интересный период в моей жизни. В том завидую тебе. Ведь у себя ты такой был всегда.

Не видя никого и ничего, нахмурилась. Понизила тон.

– Кое-кто огорчится, узнав, что усомнилась. Близкие – что не довела дело до конца. Но это – лучшее, для меня, для них. Я... я видела любовь! То – удача моя! Аклава, Григорьян, вы правда такие!

Вскидывала руки, обращаясь к тем, кого здесь не было. Упоминание неких неизвестных в её прощальной речи отрезвили Богата. Он выпрямился, удержавшись от порыва стереть с лица паутинку скорби.

И супруга снова повернулась к нему. Лучезарная. Родная.
– Я буду благодарна тебе до скончания дней... Ещё мину-

ты две.

Ведущий, дождавшись затянувшейся паузы, приложил сложенные ладони к губам. Отныне всякие слова запрещены. Простительно, только если супруги в моменте перекинутся парочкой.

Вини, маленькая девочка на торжественном вечере для взрослых, сделала последние свои робкие шаги навстречу провожающему. Тот, кто только что чуть не плакал, теперь порозовевший, ободрившийся, крепко обнял за талию. Как из резиновой игрушки, выдавил выдох, стиснув девушке рёбра. Та занервничала пуще прежнего, ища что-то в карих глазах. К её ужасу, он ухмыльнулся. Одними губами. Пока отворачивал от всех, глянула в зал в немой, пустой мольбе:

«Не отдавайте меня ему! Посмотрите, посмотрите, как он улыбается. *Почему никто не видит?*»

Но, как в американских ситкомах, зрители верят, что это по сценарию. Тем более, ничего сверхъестественного не происходило.

Вот теперь её затрясло. Точно от магнита с тем же полюсом, Вини отталкивало от гроба. Но сильная, настойчивая рука направляла, поддерживала на подъёме по передвижной лесенке, помогала устроиться.

Борта сузили обзор. Обивка, обшитая белоснежной тканью, обжимала, успокаивала холодом. Как в стоматологиче-

ских клинике делают невыносимо комфортное кресло в попытке компенсировать предстоящие муки. Хотя... нет, не «как». Какое «как»?! Что вообще может сравниться с лежанием в гробу?

«Держись. Потерпи. Представь... представь, что это уже случилось. Что это воспоминание».

«Какое воспоминание?!»

От невысказанной паники начала ехать крыша. Материю тишины, точно нож, рвала возня. Где-то рядом хрустел пластик чемоданчика, шелестела бумага документов, цокали ногти по стеклу капсулы... прыскал Баят из шприца.

Тусклый свет софита заслонил Богат. Не отдавая себе отчёт, озверевшая, отупевшая Вيني, часто-часто дыша, с едва слышным мычанием, царапая ногтями манжеты рубашки, потянулась к нему. К единственному, кто оказался рядом. Хотя именно он сжимал в кулаке её смерть. Прежний – заботливо-взволнованный, сочувствующе-отрешённый. С уст провожающего ритмичным шелестом потекли звуки, какими успокаивают маленьких детей. Спешно гладил по лицу, плечам. Якобы спасёт. Вызовет Белоснежку из хрустального гроба.

Ласковый убийца. На самом деле пресекал попытки встать, удерживая. Ему в помощь смертоносное оружие, от которого сам чуть не помер. Дважды. Дёргалась от иглы, насколько позволяла теснота. В смертный час растеряла нажитое – лицо, самообладание. Трусливый зверёк. Ни больше,

ни меньше.

Лучи нимбом расходилось от его головы. Чуть наклонившись к ней, проваливаясь в её зрачки, ворочая нутро, как муравейник толстой палкой, чтобы слышала только она, Богат спросил:

– Ты мне веришь?

Несмотря на простоту формулировки, это был самый важный вопрос. Вспомнив всё, что их связывало, соскребя со дна остатки души, не отводя взгляда, Вини сказала своё финальное, искреннее:

– Нет.

Простояв секунду-другую с каменным лицом, Богат жадно впился в её губы. Украл последний вдох. Мятный, согретый спиртом. Прикусил, лизнул. Оторвавшись, с размаху засадил шприц в сердце Вини.

Вцепилась в руку, так и не сжав. Парализовало. Только железная кисть охватила диковинным браслетом чужое запястье. При жизни представляла, как будет отсчитывать десять секунд. Не то, что цифры – все слова погасли разом. Мясной мешочек, сбиваясь со своего ритма, тяжелед, набухал. Баят распространялся по артериям с невероятной скоростью, выжигая, разъедавая органы, словно перекручивая в мясорубке. Как если бы ею из пушки выстрелили. Мозг, прежде чем лопнуть, родил:

«Нет! Остановись! СТОЙ!».

Пленница собственного тела, обречённая вариться зажи-

во, тарасилась на прильнувшего к ней Богата. Отчего-то мокрые пряди прилипли к его лбу. Одна капелька, прочертив дорожку на виске, капнула ей на ухо. От усилия, с которым давил на поршень, скалился. Уже нечем было узнать в этом торжество. *Ликование*. Нечем разобрать, как именно подытожил:

«*Не зря*»

или

«*И зря*».

Всё теряло значение очень быстро. Бессмертное сердце разорвалось от боли. Сразу же отступила и она.

Ни тишины.

Ни темноты.

Ничего.

Не почувствовать, как госслужащий критически щупает шею – удостовериться в отсутствии пульса.

Не увидеть, как грохает свинцовая крышка.

Не ощутить жара горелки, сваривающей гроб в единое целое.

Не узнать, что Богат отвернулся, зажав рот ладонью в приступе тошноты, отошёл к заднику, навалился на него. Оттуда заставил себя смотреть, как четверо неизвестных в робе уносят гроб за кулисы.

Бездна дыхнула электрическим ветром.

Разбросанные по Вселенной лоскуты разума парили хаотично. Раз в тысячелетие, как форма немислимого чуда, сталкивались друг с другом. Лениво склеивались, срастались бумажные волокна, делаясь значительнее для гравитации. Долго, бесконечно долго вольные течения кружили их по просторам бескрайнего космоса. Беззвёздного. Слепого.

Спустя вечность последствием череды случайных столкновений явилось призрачное подобие жизни. Блеклое воспоминание, посмертный рефлекс. Импульс, недостойный сравнения даже с искоркой. Дымок, рождённый всполохом пламени, окислился, множа прочие микро-вспышки. Энергия прорастала в материю вяло, неумолимо. Взрыв сингулярности не разбух до сияющего букета Галактик – встретился с непреодолимой преградой. Обрисовал фигуру человеческого тела, отозвавшегося мурашками по коже. По коже.

Как в предрассветный час. Невмоготу ползти из пучины сна. Он наваливается тяжёлой липкой массой. От попыток

сопротивления лишь пуще неистовствует. Вселяется, чужой дух, подчиняет всецело, изводя пограничным состоянием. И давит. Давит. Давит. Не меч для борьбы – динамит с зажжённым фитилём подкинет сама реальность. Озарение. Что ты, соня эдакая, опаздываешь страшно. Расколдованный, соскочишь тут же с постели, с правой ноги уже в брючине. Очнёшься только на пороге, с ключом в замочной скважине. И к птицам крикливым, восхода пернатым свидетелям, великодушное прощение станется, как к матери надоедливой, заботливой и участливой. К светофорам – обида. У всех в эстакадной очереди. Сиюминутный гнев выплёскивается на руль. Отхватит и ни в чём неповинный гудок.

Но не было руля, ключей. Места, где немедленно требовалось её

«моё»

присутствие, также не было. Лоб упёрся в плотную мягкость до того, как пришло понимание, *что* есть лоб и что он *есть*. По первобытному сценарию природы живая сущность, вместилище неохотно заворочалось. Тесно, неудобно в утробе.

Оцепенение и беспамятство отхлынули. Кромешная темнота и полотняная плотность обернули её

«меня»

в рулон. Не раскручивался. И воздух, сжатый, душный, смрадный пробуждению способствовал значительно. Уже после того, как веки разлепились, а вдох оборвался, гробо-

вую тишину раздробил грохот выстрела. Игра воображения. Точно тесное обиталище сорвалось и полетело вниз.

Зажившее сердце болезненно, ритмично сжималось, вопреки немым мольбам, только ускоряясь. Руки

«мои руки»

замельтешили по обивке гроба. Тупая паника, сдавившая горло, вырывалась из груди судорожными выдохами, скулежом. Совершенно жалкие, нелепые звуки. Для собственно-го успокоения их источник можно было бы найти в стороне. Только не было стороны. Короб со стенками два на полметра и высотой сантиметров сорок. Вини здесь одна.

К пытению, рыку и подвываниям добавился треск рвущейся ткани. Кончики невидимых лоскутов лизнули лицо и шею. С обивкой справилась бы и живая рука, но вот железная наткнулась на что-то холодное и гладкое. Хныканью аккомпанировал скрежет металла о металл, а после удары кулаком. Со всей силы, насколько хватало пространства для замаха.

«Поче..?»

Почему сердце не может разорваться от страха?

У бессмертия свои недостатки. Последствия. Через считанные часы с момента гибели человек гниёт моментально. Буквально на глазах разваливается на куски и тает, как какой-нибудь вурдалак, окочённый святой водой. Жижа – то, что остаётся от покойника, радиоактивна (пусть и период полураспада исчисляется неделями). Кто не знаком с азами со-

временной биологии – тому объяснять бессмысленно. И без того вечное сердце – нечто из разряда тёмной магии. Кровавая лужица убить не убьёт, но от лучевой болезни приятно-мало. А перерабатывать мертвеца – неэтично. Хоронят в свинце, как ядерные отходы. Гроб заваривают сразу же, как убедились в отсутствии пульса.

Как убедились...

«Как убедились».

Вини оглохла от вопля дикого необъятного ужаса. Не считаясь с потребностью дышать, надрывалась невысказанным по силе, страшным криком отчаяния. Руки то скользили всюду, то дрожали на груди, то били крышку. И левой толстый свинец не по силам, так правая ранилась понапрасну. Сдирала ногти под корень. С голосом точно душа покидала тело.

Странное новое чувство посетило Вини. А с ним – запоздалое открытие. Разум – гладкое литое стекло на дне песчаного театра, где пальчиками размашисто пишут мысли, рисуют картинки. Как бокал от пения оперной дивы, её надломился. Одна половинка выступила над другой. Некомфортное, неправильное соединение. Теперь проведи рукой – порежешься. Песчинки, прежде льющиеся единым потоком, забьются, противно заскрипят в стыке. Заползут в кровоточащую рану, зашипят.

Разум... дефектный, в мгновение ока сгоревший от скачка напряжения «аппарат», без шансов на восстановление. Предсмертная сирена охрипла. Будто лезвие гильотины

вгрызалось в горло. А Вини, не пережившая потрясения, в одночасье безвозвратно утратившая единство своего «Я», никак не могла остановиться.

– БОГАТ, БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ!!!

Вместе со словами, за которые не прощают, высвободившимися откуда-то из самого нутра, брызнули слёзы. Маской застилали лицо.

Если бы можно было бы. Если бы...

Невозможно.

Она не могла попасть в такую ситуацию. Худший вариант из миллиарда возможных не сбывается. Никогда.

От предположения о главном заблуждении человечества всё внутри перевернулось и похолодело. Что на самом деле не одна. Что через метр-другой по соседству в своих могилах столетиями стенают несчастные. Кому это нужно? За что?

«За что, Господи? Почему Ты меня оставил?»

Потому что Богат не мог промахнуться. Не мог отомстить. Что обделила финансово? Но ведь компенсация по решению суда озолотила его. Бизнес наладил, встал на ноги. Она ведь не задумывала оскорбить пятнадцатью процентами вместо традиционного «завещаю всё своему мужу». Они ведь... ведь стали наравне. Достойный честности. Самостоятельный, решительный и хитрый, с лёгкой помощью устроится в жизни. Не различил знак уважения? Трактовал примитивно? Не мог. Только не он.

Даже после того, что сказала напоследок. Правду, что

пени был удовлетворён происходящим. Искуплением скупости.

«Какого я цвета?»

Вини постучала по крышке, как в кабинет, где её не ждали. Какой подлый обряд посвящения. Под стать организаторам. Чтобы закоренелый богобоязненный, не дождавшись помощи от Него, обратился к единственному, кто никогда не бросит. Ко всегда внимательному и отзывчивому. И терпеливые бесы отпрут дверь немедленно. Схватив за волосы, затащат в адские чертоги, в коих гроб и стоял всё это время. Прокляв своего убийцу, она не побоялась мысленно послать и дьявола, соглашаясь, что в конечном итоге последний её дождётся.

А снаружи не сырая земля. Там наверняка ох как жарко! Также наверняка, как то, что племяшка пожелала своей тётке гореть в аду до скончания веков.

«Одиночество – это когда слышишь тиканье часов!»

Голова тяжелела. Гудела, как волновой генератор, что пускал по всему телу поочерёдно холодные и горячие потоки. Горло стягивало огненным обручем. В груди плющило, до скрипа. Пытка первая – задышаться.

Вини вздрогнула, ударившись коленками. Жгучее онемение отметило области, где скорее раньше, чем позже, расцветут пролежни. Правую икру свело. Расквасила только недавно заживший нос, но не дотянулась. Так и стерпела судорогу, *пища*.

Отключилась, не заметила. Потеряла сознание от недостатка кислорода. И там, где очнулась, стало только хуже. Кисло пахло железом и аммиаком.

«Мне... мне надо выйти!»

Смерть – не изящное падение в объятия любимого. Не аристократическая бледность и выражение миролюбивого покоя на лице. Это неприятное, скверное в своей неуклюжести событие. В момент гибели организм непроизвольно освобождается от всего лишнего. Положение спасает подгузник – такой же обязательный элемент одежды, как наряд с вышитым крестиком.

Слезинка скользнула по виску, затерялась в волосах. Всё к одному. Годовалый ребёнок. Знай себе – оконфузиться и плакать. Но там взрослые причитали. А тут ей стесняться некого. Куда с подводной лодки? В том же нет её вины. И каково теперь, состоятельной, взрослой, здоровой женщине справляться под себя? Томиться в нечистоте.

Насколько хватит? Насколько хватит Вины?

Вдыхая со свистом, какой издаёт при сжатии лопнувший резиновый утёнок, она раскрыла железную ладонь перед глазами, будто могла видеть. Если кибер-рукой впору раскалывать черепа – рёбра для неё, что та же вилочка! Раз – и вырвать. Только надо быстро. Лучше биться сердцем. Мясным мешочком терпеть нецелостность свою и нехватку крови. Без толку качать воздух, как сломанная паровая машина. Чувствовать мир как место, где ты просто есть. Без запахов.

Без холода. Без мучений. Что воля, что не воля – одно, пока не тронут. И не тронут. Человеческому телу по номиналу предоставлено слишком много форм страданий. Вот хотя бы мурашками по телу подкрадывался следующий обморок.

Стальные дугообразные выпуклости, имитирующие кончики ногтей, ткнули в грудь, да так и замерли. Проклятый «Скалолаз»! Не даст. Не по программе. Там, наверху, имеет распространение странное развлечение. Храбрецы пробуют петлю, яды, а то и остриями нашпиговывают живот. Всё равно потом их, любопытных, вырастят заново из сердечной косточки. И если Вины, всегда принимающей подобное чудачество за необходимое зло, недоставало бы решимости, сейчас, в конце концов, хватило бы безумия. Если б не «Скалолаз». Протез – последняя надежда, в итоге оказался издёвкой.

«Больно. Больно отрубать руку. Как рыбу потрошили, выковыривали косточки. Плечи, ключицы. Как мишку плюшевого на живую зашивали. Некачественный наркоз. Они ведь, фактически, работают и на меня. Почему не слышали, как я прошу? Почему циничные? Хирург сказал – я фантазёрка. Медбрат сказал – это фантомное, пройдёт. Санитарка сказала – я дура конченная».

– Паскуда.

«Не прошло. Медбрат. Он ничего не понимает. Зачем его допустили?»

– Бляха-муха, я забыла!

«Кости. Мои кости. Где они? Почему не в гробу? Почему

не со мной? Не упокоюсь. Из-за них. Не упокоюсь. Сучьи колдуны. Они мои. Верните. Верните! *Откройте!*»

– Только без мух! Никаких мух! *Никаких мух! За-крой-ся-я-я.*

Проваливалась и возвращалась. Проваливалась и возвращалась. Держалась на плаву, считая до минуты, когда лёгкие откажут вновь. Но в какие-то моменты, точно чего вкололи, как припадочная дрыгалась, дралась с демонами.

«Моё сердце. Где оно? Почему не со мной? Где оно? Почему? Где оно? Почему? Почему так хочу? Я так хочу. Я так хочу есть».

Словно сама себе не принадлежала. Добровольно отдала поводья. Кому угодно, кто хоть теоретически мог доселе спать в её голове. Это удобно. Защитный механизм. Лишь бы не оставаться с ситуацией один на один.

Сон являлся спасительным убежищем. Но, несмотря на состояние варёного овоща, сбегать туда с каждым разом становилось всё труднее. Её саму затягивало, как арканом, но что-то мешало. Точно туннель заваливался сперва каким-то жухлым тряпьём, потом картонными коробками, а следом и деревянными ящиками. Волочило. Не удавалось увернуться от острых углов. Убивалась, как под камнепадом. Знакомые образы, яркие и хаотичные, со временем тускнели. Обращались в серый ком бессвязных мыслей. Бессмысленное бормотание двух и более голосов. Но чёрное глухое ничего, которое вскоре и накрывало медным тазом, всё равно лучше

реальности. Ибо ненадолго притупляло чувства. Особенно зуд. Будто жучки под кожей.

«Их нет. Ну, мне-то ты веришь, зайка?»

Время от времени какой-то ребёнок отравлял её сон. Испуганно, жалобно звал:

– Мама! Мама! Мамочка!

«Обещала же встретить. Где ты?»

Невидимая гиря, давящая на грудь, всё тяжелела и тяжелела. Ощущения чем-то напоминали пытку водой. Её арт-хаус-версию. Льют, льют в безразмерный желудок. А он всё расширяется, вылезает из пуза. Вот уже как планета, как Галактика, а несчастный – как титан, молящий о смерти... Несуразное, неуместное сравнение родил повреждённый ум. Натолкнули сухость ладони, жажда с привкусом гнилой горечи, плёнка кожного жира, мерзко стягивающая лицо.

Желудок, поурчав, смирился со своей участью. В отличие от мочевого пузыря. Внизу живота пылало и тянуло.

– Я больше не могу!

Но смогла ещё минуту-другую. Запястья коснулось упругое, мягкое. Кое-как открыла рот, стала сжимать челюсти. Чуть не взревела, но только трещинки губ напитались первой тёплой каплей, принялась жадно пить. Скучно и мерзко, зато жидко. Струйки щекотали подбородок и шею, расплывались по щекам.

«Всё-таки обиделся?»

В мозгу неоновым знаком горело предупреждение – от

крови рвёт. Нет бы предложить вариант получше. С низа-то до лица в ладошке в положении лёжа да в такой тесноте ничего не пронесёшь. И, несмотря на малое, что попало на язык, позывы не заставили себя долго ждать. Сжимаясь от спазмов, отплёвывалась.

Прокус запястья оказался не такой уж и плохой идеей. Липко, зато потеплело. Да и горло, как-никак, смочила. Вдыхать легче. А от потери крови нырять в безвременье сподручнее, чем от удушья.

– Смилуйся. Избави. *Я больше не могу.*

Неожиданно для себя Вيني разрыдалась без слёз. Быстро устала и стихла.

Забытая игрушка в тесном ящике. Только пластиковые глаза уставились в темноту. Не закрываются.

Этому нет конца.

Позови.

Забери.

Не. Ни.

Глава 12 – Поминки

Первым и единственно верным решением было закопать обратно. Лазерная указка сварить свинец также лихо, как разрезола, не сможет, так хоть просто землёй присыпать. Несмотря на то, что упахался, махая лопатой, готов был сделать над собой усилие и поработать ещё, лишь бы немедленно избавиться. Силился блокировать нехорошие мысли. Будто глаза не врут. Будто ей уже не помочь.

До киношных зомби далеко, но ближе, чем живым людям. Как и до Вины на надгробной плите – излишне красивый портрет, выжженный старательным художником на сером камне. Какой контраст с оригиналом, придавившим своим телом некошеную траву. Потускневшая кожа усеяна бордовыми прожилками, пигментными пятнами и мелкой сыпью. Лицо блестит от жира и высохших слёз. Рот в запёкшейся, побуревшей крови. Тёмные потоки разбежались по подбородку и щекам, кривыми дорожками растеклись по шее, обогнув ключицы. Кровь повсюду – на платье, на волосах, на лбу брызгами. Но страшнее всего – правая рука, будто в рваной перчатке, шитой из потрохов. От ногтей одно название. Там, где они должны быть на левой – только царапины, хотя повредить сталь доселе смог лишь выстрел.

Всё это Богат успел отметить, пока вызволял жену из гроба. Бормотал, упоминая всеу, мешая с матом, морщась от

сморда. А Вини спит. Перепуганный мужчина первым делом вскрыл обивку в углу. Без труда отыскал спрятанную под тканью металлическую конструкцию не больше куриного яйца. Вынул из неё пузырёк, потряс для собственного успокоения. В стекляшке пересыпался серебристый порошок. Этот карманный прибор – суцая детская игрушка. Перегоняет углекислый газ в кислород, накапливая угольную пыль как отход. Настоящие аппараты жизнеобеспечения бункеров, подводных лодок и космических кораблей куда крупнее и сложнее. Мощность этого мала даже для человеческого футляра. Но его должно было хватить, чтобы поддерживать состав воздуха ближе к нормальному для дыхания в течение суток. Должно было хватить...

Богат вылез из могилы, приложил ухо к носу трупа. С подкатившей к горлу тошнотой кое-как справился, но ничего так и не услышал. Только тёплый ласковый летний ветерок хвойным ароматом разбавлял запах грязного тела. Вводил в заблуждение, выдавая себя за выдох.

Ладонь прижалась к девичьей груди. Сердце бьётся. Ровно. В душе его, как в барабане стиральной машины, полоскались ужас и чувство вины. Суется, будто только-только опаздывает, кое-как открыл бутылку. Пластиковая крышечка, подскакивая, укатилась в лебеду. Богату хотелось отойти как можно дальше. Помыться немедленно. Но он, придерживая Вини за затылок, тонкой струйкой лил воду ей на губы. Не выдержав и пяти секунд, плеснул в лицо, тут же утирая.

– Очнись! Чтоб тебя... Ну же!

Отвесил пощёчину и снова загладил, расчёсывая пальцами её спутанные, слипшиеся волосы. Затряс за плечи. Безвольно болтающаяся туда-сюда голова широко распахнула глаза, залитые кровью лопнувших капилляров. Жена жадно со свистом вздохнула. Спаситель матюгнулся с перепуга. Не обращая внимания на её приступ сухого кашля, продолжал насильно поить.

Захлёбываясь, Вини боролась с одышкой. Буйство цвета и света слепило до боли. От избытка кислорода качало, как на лодке в шторм. Бросало в дрожь, морозило и мутило. Онемевшее тело закололо миллионами иголочек, да так рьяно, что захотелось взвыть. Вместо этого могла только кряхтеть, вдыхая.

Самовосстановление. Как плохо.

Богат отпустил Вини, давая той возможность попробовать встать самой. Отдыхал тут же, на земле. Минуту спустя живой мертвец кое-как приподнялся на локтях, огляделся. Безусловно, вид кладбищенских деревьев, утопающих в солнечных лучах, чужих могил, а также собственная физиономия на каменной плите ошарашат кого угодно. В первую очередь того, кто очнулся в гробу. Но то, как медленно Вини переводила взгляд – по сантиметру, ни на чём не фокусируясь и не моргая, заставило Богата насторожиться. Отскочить не успел.

Железная пятерня сомкнулась на его шее. В горле влаж-

но хрустнуло, глазные яблоки едва не вылетели из орбит. Ей не должно было хватить на это сил. «Скалолаз» взял всё на себя. Не ослабляя хватку, Вини на вытянутой руке держала Богата и, как человекоподобный демон из фильмов ужасов, с абсолютно безумным выражением наблюдала, как муж краснеет и трепыхается.

Не реагировала на удары, царапанья. С яростью и немой мольбой тот смотрел на супругу, хватая её за предплечье. Соппротивление сходило на «нет» соразмерно с тем, как багровело лицо. Когда мокрая рука соскользнула с её локтя и безвольно повисла, Вини отбросила Богата. Упав навзничь, повалился так секунду-другую и вдохнул, голубчик. Конечно, здесь-то ему есть чем дышать.

Выпрямился, жмурясь от боли, осторожно потирая горло. Не увидел – почувствовал угрозу очередного нападения. Ноги подвели девушку. Не выпрямились. Только клюнула носом в траву в сантиметре от чужих ботинок. Спаситель ловко перекатился назад, пересел на корточки и выставил перед собой зажатый в кулаке тоненький блестящий предмет, напоминающий формой сигару, а цветом – фольгу. Пропыхтел:
– Руку отрублю.

Растерянная жена переводила глаза с него на оружие и обратно. Богату показалось, что во взгляде проклюнул огонёк узнавания. Зерно рассудка. Тот закрепил результат:

– Обратно закопаю. Поняла?

То, что в народе зовут лазерной указкой – старая-добрая

военная разработка. Достал на «чёрном рынке» аж через знакомых знакомых. Штучка может разрезать всё, что угодно. Ей впору и скважины бурить. Что уж говорить про свинцовый гроб? Вот только смертоносный луч бьёт дальше, чем хотелось бы, и это едва ли регулируется. К счастью, пока новый владелец указки вскрывал сварочный шов, супругу не задел. Хотя очень спешил.

Кладбищенскому сторожу повезло куда меньше. Бедолага исполнял служебный долг, за что лежал теперь располовиненный у крылечка своей избушки. Тот, кто сделал это с ним и уехал, заверил, что бояться нечего. Что он не видит, не запоминает. Но от вида вытекших из брюха внутренностей и крови, напитавшей газон, Богата едва не вывернуло. В ту минуту предпочёл обогнуть труп по широкой дуге.

«Ему вызовут помощь. Он не умер. Ему вызовут помощь, как найдут. Его восстановят... Прости, парнишка. Прости».

Лазерная указка – то небольшое, что эффективно против самых крепких сплавов. Не хотелось бы самолично отрубать кому-то руки. И, разумеется, спаситель не собирался воплощать угрозу в жизнь. Дурак он, что ли? Зачем тогда припёрся? Однако приструнить жёнушку пришлось. И вроде поверила. Свела бровки, глазки мокро блеснули. Отползла. Но не страх ей руководил. Приступ невыносимой грусти.

«Чудовище. Самое настоящее».

Богат протянул к ней руку, не выпуская оружия.

– Я пришёл за тобой, – говорить по-прежнему трудно. Го-

лос подрагивал, теперь не только из-за удушья. – А ты не верила.

Прикрыв лицо ладонями, Вини захныкала на пустом месте. Глухо, как пакетик шуршит. Мир богат на звуки другие. Шелест ветра в зелени, чириканья наперебой, резонансный стрекот в шорохе злакового разнотравья. Надтреснутый хрип и дыхание Богата. Сладко,пряно пахло соком берёзовых листьев, сосновой смолой, пылью. Летом. Рассеянные солнечные лучи мягко падали на затылок и плечи. Воздух скользил шалью по коже, теребил пряди волос. Только сейчас дошло:

«Я опять здесь».

Лучше, чем под землёй. Хуже, чем было «до».

Богат прикусил губу, лихорадочно соображая, как себя вести. Что говорить и стоит ли вообще. Может, в самом деле, шарахнуть лопатой? А то что-то не нравится она ему. Рядом с ней больше не чувствовал себя в безопасности.

– Вини, послушай меня.

Всхлипы не стихли.

– Ты идёшь со мной. Тебе помогут. Слышишь? Посмотри на меня.

Опустила руки. Богат ненароком вздрогнул.

– Ты идёшь со мной, – повторил он. – Будешь ерепениться и распускать руки – отсеку. Хочешь? То-то.

Соскреб остатки храбрости, взял даму под локоть. Сопротивления не встретил. Смягчился:

– Вيني, я знаю, что это по-прежнему ты. Ну, помоги мне ещё немножко.

Уже было скуксилась, предвещая очередную волну плача. Но в ту же секунду её лицо вытянулось, выражая спокойную тоску. Так молниеносно, точно тумблер переключили. У Богата озноб прошёл по коже.

Могила свежая. Почва мягкая, смоченная дождями. Вода была так близка, но недостижима за толщиной свинца. Вездесущие сорняки не успели проклюнуться, разве что кое-где. Утоптаный лишек земли для захоронения прибывал траву в метре вокруг. Те, кто приедут сюда после и пойдут проверять территорию, не заметят, что здесь недавно копали. Специальный человек перевернул всё в домике сторожа верх дном, дабы отвести подозрения. Такой себе разбой. Да и наверняка, между прочим, чего-нибудь прихватил. А Богат в это время, скрипя зубами, работал лопатой в одиночку. Специально попросил помощника оставить его, не вдаваясь в подробности, зачем ему, собственно, кладбище без охраны. Тот интереса и не выказывал. Профессионал попался.

Богат тревожился, что Вيني даст дёру. Полицейские наручники (единственные, коими располагал, исключительно для мирных целей), прихвати их с собой, расплющила бы железными пальцами. Однако, к великому его облегчению, та сидела на прежнем месте, безучастная. Оглядывался, пока не надоело. Недвижимость её и пустое выражение лица нагоняли жути.

Копатель добавил последние штрихи – смахнул песчинки с пластиковых листьев ландышей, украшавших подножие надгробного камня. Недолго думая, зачем-то зажёл затухшую ветром свечу.

– Шагать можешь? – озаботился он, ставя супругу на ноги.

Босая ступня подвернулась. Раздражённо рыкнув, тот закинул Вини на плечо. Девушкам нравится кататься на мужчинах, но лично он это очень не любил. Только если страшно хотел сделать приятное очередной красотке. Сейчас же и она не красотка, и он утомился страшно. Однако волочить её по земле было бы некультурно. Хотя, кажется, согласна и на это. Овощная.

«Нет, Вини. Я знаю, что это по-прежнему ты. Наказывай меня, сколько хочешь, но обманщика не проведёшь».

Мужественно сдерживая стоны, Богат доковылял до Угунди, припаркованного на пригорке за забором. Пока укладывал Вини на пассажирское, со всего маху шархнул её затылком по раме дверного проёма. Просил прощения, прощупывая грязную голову на предмет повреждений. А она только насупилась, будто её спящую пальцем в щёку ткнули. Сердце его ощутимо кольнуло. Опоздал с извинениями.

Завёл мотор, пробежал пальцами по приборной панели. Тронулись. Покосился на жену, ожидая реакции на то, что он, бесправный, за рулём. Точно тряпичная кукла, та только голову склонила на бок. Ветер из открытого окна трепал локоны-нитки. Приподняла руку.

– А-а.

– Пить?

Внедорожник подпрыгивал на ухабах просёлочной дороги, оставляя за собой шлейф пыли. Одной рукой водитель поил супругу из бутылки, считаясь с её слабостью. И не скажешь, что недавно чуть не удушила.

Брызги летели во все стороны. Потоки воды, бегущие по подбородку и шее, питали кровавые разводы. Зашлась кашлем. Смоченное горло не саднит – дышать хорошо. Как картинка на экране за лобовым стеклом сменялись бесхозные поля и деревеньки на горизонте. Ненастоящее. В любой момент отрубит питание и не будет кино.

– С... ко... льй-ка? – кое-как выговорила Вини. Что гравий пересыпается.

Встретив тёмный взгляд исподлобья, Богат вернул внимание на дорогу. Это её интересует в первую очередь? Не «как?», не «за что?», а «сколько?». Всё бы отдал за то, чтобы оказаться сейчас в чьей угодно шкуре, только б не в своей. Отвёл глаза.

– Девять. – Через минуту уточнил, добавив голосу истерические нотки. – Тебя не было девять дней.

Как грамотно сформулировал. Будто это её выбор, а не он облажался. Но Вини не вспыхнула. Смиренно прикрыла веки.

Давным-давно на девятый день, как и на сороковой, устраивались поминальные обеды по усопшему. Традиции кану-

ли в лету по понятной причине. Церковь никогда не одобряла самоубийство, а единственный теперь возможный уход из жизни (не считая заказного убийства) иначе назвать нельзя. Оттого батюшки теперь трудятся исключительно для живых. Оттого и поминки как-то забылись. Подобное вносит смуту и вникает гостям неудобство. Ибо косвенно причастны к большому греху.

Надо объясниться. Только бы заполнить эту пугающую тишину. А то разорвёт, как хомяка. Решаясь, Богат крепче сжал руль.

– Я имею право на звонок!

Сталь скрипнула под пальцами. В ближайшем кабинете с распахнутой настежь дверью кто-то стал громче клацать по клавиатуре.

– Остынь, брат, – донёсся сонный голос из-за спины.

Не обращая внимания на советы сокамерника, заключённый вдавил лицо в проём между прутьями, будто это поможет.

– Эй! Вы нарушаете мои права! Я выйду и накатаю на

вас... АЛЛО-О-О!

– Мих! – донеслось из каморки, а затем раздались мягкие шаги.

Тот самый Мих, два метра, не считая фуражки, за то отныне наречённый Шпалой, соизволил выйти к правоборцу. Поинтересовался:

– Кому накатаешь, малец?

Богат, глядя ему в глаза снизу вверх, пробубнил:

– Телефон мой дайте.

– Мы не проверили. Может, он тоже краденый.

– Ещё раз – это машина моей покойной жены, – чуть пар из ноздрей не пускал. – Спросите у этого, кто документы отобрал, допрашивал. Если договориться не можете, в одном кабинете сидите, я-то тут при чём?

Миха, судя по всему, сегодня благодушен. «Добрый коп». Навалившись плечом на дверь, сложил руки на груди.

– В том-то и дело, что покойной. И суток не прошло, а ты её имущество приватизировал. – Хмыкнул. – При жизни могли договариваться, сколько угодно. Права качаешь, а по завещанию авто тебе не отписано.

Богат невесело хохотнул, сощутив глаза.

– Это что, вы на меня кражу собрались повесить?

Голос предательски дрогнул. Уголки губ Шпалы чуть дёрнулись вверх.

– Прикалываетесь, что ли? – глаза заключённого метали искры. Он вроде бы сдался, отошёл, но тут же снова при-

льнул к прутьям. – Дайте телефон. Я имею право позвонить... Не стационарный. Мой. Там номер.

– Мих! Чайник вскипел!

Напарник немедленно последовал на зов.

– Вы не понимаете! – крикнули ему вслед. – Это вопрос жизни и смерти!

Полицейский даже не притормозил. Заключённый шаркнул ладонью по решётке, и она задрожала. Старый оборвыш, растянувшийся на лавке, только смачно всхрапнул. Не смея докучать соседу своим обществом, Богат осел прямо на деревянный пол. С надеждой поглядывал на замок, будто он вот-вот должен щёлкнуть. Скрашивал бессмысленное ожидание тем, что клял всё подряд.

План был безупречен. Максимально быстро от задумки до исполнения. И опять всё решили связи. Как старшие товарищи учили.

На самом деле, когда Богат валялся на помойке, больной и нищий, в телефонной книге его был стопроцентный вариант. Мать двоих детей, примерная жена, хорошенькая блондинка и мечта индивидуумов, помешанных на безропотных и нежных. Так вышло, что сердце подарила не какому-нибудь садисту, а случайному проходимцу, кто эти самые сердца коллекционирует. При том ей многого не надо. Одна ночь в году. Ни встречи, ни звонка до следующей, где она с порога кинется на шею, весь вечер будет смотреть в рот, а на утро томно вздохнёт, провожая взглядом. Оно и к лучшему. Ра-

болепие раздражает почти сразу же.

Малышка зарекомендовала себя как лаборант от Бога и дослужилась до места в главном научно-исследовательском институте страны, в Московском филиале внутренних сил. Несмотря на, казалось бы, приземлённость своей профессии, заправляла по-крупному и была на короткой ноге с ключевыми фигурами. У кого ещё можно выведать о тонизирующих новинках для солдат, если не у неё?

Пока нежился в белоснежных простынях, наматывая её кудрявую прядь на палец, ему так, между прочим, по большому секрету доверялись военные тайны. В том числе о разработке программы по массовой слежке под кодовым названием «Кошачий глаз». В одну майскую ночь, уже будучи женатым на Степанчик, Богат поинтересовался, нет ли у них, у учёных, чего-то такого, чтоб попробовать настоящую смерть. Чтобы сердце не билось. Встретив тревожный взгляд и неловкие попытки убедить в безрассудности идеи, сократил путь от протеста до кокетства, воздействуя на слабые точки. Не пришлось даже вылезать из постели.

Удивила, ведь подводиться под статью не просил. Через неделю в продуктовом супермаркете некто в капюшоне пихнул Богату в руки коробочку с именем услужливой любовницы (чтоб не пугался) и убежал. По картонному дну катался пузырёк с прозрачной жидкостью. Прилагалась записочка-справочка. Стресс-Д²⁸, если по-русски – препарат, не про-

²⁸ Stress-Death (англ.)

шедший всех клинических испытаний, но уже активно используемый в экспериментах. Помогает исследовать процессы в мёртвом организме, чтобы, так сказать, «отмотать время назад». Срок клинической смерти определяется дозой. Способ применения сокрыт в названии. Глотаешь, в течение часа ранишь сердце иглой, ножом, пулей, да хоть палкой, и гостишь у праотцов. Только Стресс-Д показал свою эффективность. Лишь он на сегодняшний день способен ослабить «вечный двигатель», чтобы, как смертный, не выдержал удара. Чтобы эффект продержался хоть немножко, пока бессмертие не возьмёт своё... Вот же реверс.

Подлить Вина на похоронах, за общим столом, было невозможно. Оставалось только замешать с успокоительным, на которое налегала накануне. Поставщица чудо-зелья заверяла в записке – побочных нет. Вот во избежание каких-либо подозрений (если они вообще могли возникнуть), да и для храбрости, Богат разделил лекарство с супругой. Вид у неё в течение всего мероприятия был вполне здоровый, а сам отравитель чуть первым Богу душу не отдал. При том, что его молодой цветущий организм многое переносит относительно легко, предположил следующее – водичка, что на время отправляет на тот свет, успокоительное и купленное в подворотне снотворное, чтоб сон наладить – скверное сочетание. Конечно, зачитывание завещания волшебным образом взбодрило, но это другое.

Противоречивые чувства поспособствовали учащению

пульса. Только строгое следование плану помогало сохранять лицо. Уверенность давала сил для актёрства. Подводя супругу к гробу, гонял по кругу одни и те же воспоминания. Как незадолго до настоящих событий посетил контору, где по заказу делали гроб для его жены. Как пропустили под каким-то глупым предлогом, стоило показать «брачную страницу» паспорта и сунуть пару банкнот в сухую руку. Как распахивал «секретки», наспех зашивая, прикрывая кривую строчку оборкой.

Как и таланта швеи, способностей к фокусничеству Богат за собой прежде не замечал. Но настал час, когда пришлось продемонстрировать всю ловкость рук. Второго шанса не представлялось, это подстёгивало. Сцена, куча зрителей, и государственный представитель за спиной бдит, собака. Прощальный поцелуй – не только подарок Вини по случаю, но и единственная возможность скрыть шприц с Баятом от чужих глаз. Сунул бы в карман – заметят, за пазуху – заметят. А порыв страсти простителен для главных действующих лиц мероприятия. Обхватил её лицо, прижался. Игла вошла в подушку, в заранее спрятанный там пузырёк. Его резиновая крышечка едва слышно чпокнула под тканью от прокола. Слил яд, зажал шприц в кулаке, чтобы не было видно, что он пустой, и вколол в сердце Вини воздух.

Ужасно. Убийца чувствовал себя ужасно в своей новой роли. В сотый раз обругал себя, что год назад принял столь заманчивое предложение. Она ведь принимала всё за чистую

монету. То, что сказала. То, с каким выражением глаз переживала эти бесконечно долгие десять секунд. Показалось, что это он в её руках, снова там, на вершине башни, изнемогает, а не наоборот. Знал, что чуть позже Вини очнётся. Знал. А душа всё равно обрушилась, когда пульс на девичьей шее не прощупался. Когда грохнула крышка, чуть не отрубив ему пальцы, и заскворчала сварка.

Нет, он всё-таки неплохой актёр. Потому что ему хватило самообладания первому кинуть горсть земли. Потому что выстоял до самого конца, хотя на благодарности за соболезнования сил уже не нашёл. Горе и страх – братья по несчастью. Приложи немного старания, и одно другое скроет.

Узник водяных часов. Отведённое ему время отныне мерилось каплями зелёного цвета с запахом лекарственных трав. Стук, с которым они падали ему на макушку откуда-то сверху, усиливался, пока таксист вёз Богата домой. Выйдя из машины, пассажир нервно провёл рукой по шевелюре, как с волос смахивают паука. Но это был дождь. Вода с неба, только и всего.

Сумерки густели. Из-за плохой погоды ночь наступила раньше. Усадьба не заметила ухода хозяйки. Зеркала не завешаны. Очаг греет, как прежде. Даже постель застелена, будто Вини вот-вот должна вернуться.

Горящие поленья трещали в камине, аккомпанируя гулу ливня. Тлеющая бумага с хрустом сворачивалась, кукожилась в бурые бутоны. Документы Винивиан Степанчик хо-

рошо топили дом. Блики пламени робко мелькали в стекле, пытаясь перевести внимание единственного человека в гостиной с мрачного пейзажа на себя. Но Богат не видел ни то, ни другое. Перед глазами стоял бутылёк с чёрной этикеткой, точно картинка в негативе, отпечатавшаяся на сетчатке. Всеми правдами и неправдами убеждал себя, что тот «стакан» был на половину пустой, как минимум! Он-то сам отпил немного. Значит, должно хватить... По пропорциям до утра должно хватить.

«А потом, – шептал провожающий, нервно царапая локти, – а потом спит. Да? Коматозники сразу не встают. Она будет спать».

Порыв выбежать в дождь, в темноту уже сейчас, был оперативно подавлен. Помощники ждут рано утром на окраине. Без них ничего не сможет.

«Должно хватить».

Не успело затеплиться небо на востоке, как Угунди выкатил из гаража. Надобно вспомнить водительские навыки. Потренироваться по пути. К тому же, это дорога за городом. Без адских развязок и полос с рецессивным движением. Знай себе, поезжай прямо. Дело двадцати минут.

Страж обочины с полосатым жезлом буквально из-под земли вырос. Сердце сжалось, кровь прилила в ногу, вдавившую педаль газа в пол. Сообразив, к чему всё ведёт, горе-водитель не оставлял надежд оторваться, поставив всё на преимущество дорогушей тачки перед их разукрашенным ко-

рытом. В скорости легковушка, может, и уступала, но только потому, что её тяжелела конструкция с арканом. Удар грудью о руль ознаменовался гудком, выбил воздух из лёгких. Завизжали шины, понесло палёной резиной.

Опомнился Богат уже прижатым к двери внедорожника, с заведёнными за спиной руками. Дёргался в попытке сбросить чужую ладонь с бедра. Выудили телефон. Не отсутствие прав, так неповиновение указаниям сотрудников полиции давала последним карт-бланш на задержание. Взятки служители закона, ходящие под их всевидящим оком, конечно, демонстративно презирали. Хотя не чурались отщипывать от нормы за содержание арестантов. Оттого всегда рады новым «постояльцам».

Солнечный свет лился из кабинета, лоскутным одеялом стелился по полу, медленно, неотступно подкрадываясь.

«Бандиты, наверное, ещё ждут. А Вины...»

Только сформулировал мысль о том, *куда опаздывает*, почувствовал близость паники. Впервые смерть воспринялась как возможность сбежать от самого себя. По крайней мере, там, в небытие, после покушения, его ничего, кроме аляповатых снов, не тяготило. В который раз одиночество всадило кол в спину. Как если бы ему, избранному, доверили заколдованный хрустальный шар – единственное, что спасёт мир, а тот предательски выскользнул из вспотевших ладоней и разбился.

Была крупная дрожь. Сосед заметил, любезно предло-

жил опохмелиться, вынув из своих вонючих одежд какую-то склянку. Нервный только отмахнулся, меряя шагами камеру от угла до угла. Щедрый господин расправился с заначкой сам.

В накале чутьё обострилось. Доложило о чьём-то приближении. Узнав в тени на полу рост Шпалы, Богат припал к решёткам, как голодный зверёк, которому работник зоопарка несёт еду. Вместо вкусности полицейский, выдавая кислым выражением лица свои сомнения, вручил телефон. Тот выхватил и, словно ребёнок с волшебным артефактом, заморожено смотрел на потухший экран.

Задумавшись лишь на секунду, крутанул послужной список контактов и ткнул на знакомое имя. Прислонил трясущуюся руку к уху. Глаза удивлённо округлились. Пока Богат отводил трубку от лица, товарищ Миха различил доносящееся из динамика: «Этот абонент внёс вас в чёрный список». Едкая ухмылка полицейского всё же не была лишена подобия сочувствия. Уже потянулся, чтобы забрать мобильный, как тот прижал его к груди, затараторив:

– Да ладно тебе, командир! Что ты клянчишь? Что, нужен он тебе?

– На базу, малец. – Шпала сжимал и разжимал пальцы. Однозначный жест. – Попытка засчитана.

Богат отступил назад. Мотал головой туда-сюда в тревожном смятении. В итоге обида взяла верх.

– Я что, в программе «Цена вопроса»²⁹..? Можно мне стационарный телефон? – сжал челюсти. – Ну, войдите в моё положение, ей Богу! У меня вчера жена умерла!

Обменялись волчьими взглядами. Миха молча требовал вещдок обратно. Смирившись с тем, что повлиять на ситуацию никак не может, второй повиновался. За покорность был награждён пластиковым раритетом с трубкой на пружинке. Шпала даже кабель протянул, запутавшись носком ботинка в петле провода. Неловко улыбнувшись в знак благодарности, абонент набрал номер вручную. Полицейский внимательно следил за происходящим. Похоже, кому-то неохота пурхаться с отчётами. И плевать, что подсушивать нехорошо.

Не здороваясь, Богат, как можно чётче, негромко проговорил:

– Четвёртое отделение полиции. Меня хотят судить за угон моей машины. Закрыли, а я спешу. Клянусь, там всё горит. Вообще всё.

Его голос, безусловно, узнали. Не так давно услаждал слух звуками её имени, шептал на ухо всякие непристойности.

²⁹ «Цена вопроса» (в тридцатом веке) – телевизионное шоу, копия реальной программы «Кто хочет стать миллионером?». Приглашённый гость отвечает на вопросы из самых разных сфер, и с каждым правильным ответом его денежный выигрыш растёт. Гостю доступна функция «Звонок другу», чтобы он мог проконсультироваться со знакомым. Однако ею за всю игру можно воспользоваться лишь единожды. Проблемы со связью и отказ абонента от разговора не являются поводом для послаблений.

Пугающую тишину на той стороне прервали, буркнув что-то нецензурное, и отключились.

Сияя воодушевлением, Богат вложил средства связи в руки своему великодушному «орденоносцу». Скрипя зубами от любопытства, тот ещё раз обжёг его взглядом и, гордый, молча ушёл восвояси. А кто? Кто ещё может помочь в этой ситуации? Разве что президент... Или, например, полковник ФСБ.

Часы спустя Дидье, уже в гражданском, чтоб не наводить шороха, продефилировала мимо, показательно игнорируя бывшего своего любовника. Тот не высовывался. Молча караулил дверной проём того самого кабинета. Вскоре оттуда высунулась её голова.

– Кто заверял завещание? Михайло Попович?

Богат не сразу понял, что обращаются к нему.

– Д... да.

И обратно.

Туда-сюда сновали люди в форме. Им до лампочки, что сейчас решается его судьба. Они носили папки тусклых цветов, дразнили ароматами кофе в пёстрых кружках. Голод напомнил о себе, но принеси кто обед, арестант не притронулся бы. Не до того.

Богат так и просидел на полу. Искал удобную позу. Едва ногти не сгрыз, но спасительница, слава Богу, вышла. Оглянулась, подошла. Тот подскочил, но липнуть не посмел. Похоже, красотка не настроена на нежности.

Наконец подняла на него глаза. В чёрных опалах зрачков отразились солнечные зайчики. После паузы спросила устало:

– Чего без прав едешь?

– Чего меня в чёрный список добавила?

Дидье тихо посмеялась, не размыкая губ. Взялась за прутья, как за трости, сгорбилась. У Богата озноб прошёл по коже. Всё плохо. Можно лишь гадать, насколько.

– Короче, – девушка шумно выдохнула. Рассказывать неинтересно, а объяснить надобно. – Нашли вашего Михайло. Связались. Они с твоей Винивиан составили документы так, что после её смерти всё имущество держится за ним, пока не перепродает и не распределит. Ну, кроме дома. Про это там пункт был. Типа, вдовец, живи спокойно. Чтоб от тебя отстали, от него нужно письменное разрешение на пользование машиной. Он как услышал, так сразу и прислал.

Возникла пауза, после которой следует «но».

– Почему на права не сдашь, объясни мне?

С чего бы начать? С того, что их можно получить только за крупную взятку? Что он отказал той грузной бабе и сделал всё, чтобы отвоевать свой документик? А его, выпускника автошколы, «на законных основаниях» в итоге отправили на повторную медкомиссию, где «внезапно» вскрылся какой-то редкий психологический недуг, запрещающий садиться за руль. А тётка, видать, сильно на него запала, раз за попытки сопротивления пообещала сделать всё, чтоб оформ-

мить ему путёвку в дурку... Или сейчас признаться, что ему просто нравится, когда девочки его катают по первой просьбе?

Не дождавшись ответа на риторический вопрос, спасительница продолжила:

– Вот от этого откреститься не получится.

Глаза Богата забегали от одного зрачка к другому, пальцы затеребили железные частики решётки. В голосе угадывались паника, пресмыкательство:

– Дидье. Дидье, пожалуйста. Вытащи меня. Ты же можешь. Ради всего хорошего, что между нами было.

Полковник буравила взглядом пол. Ритмично постукивала каблучком, чтоб утрамбовать мысли.

– Ради этого, может, и могла бы, – хрипнула она, – но я не Бог. Тебе просто не повезло. Не в то время, не в том месте.

Тот застыл в ступоре, лишь крепче сжимая металлические опоры.

– Работает комиссия. Будет тут всю неделю. Пока они здесь, никто тебя не выпустит.

Богата будто ледяной водой обдало. Встрепенулся, отскочил, задышал громко и часто. Смущённая его реакцией и побелевшим лицом, помощница поспешила утешить:

– Чего ты? Посидишь недельку. Ничего с тобой не...

Но он уже не слышал. В груди всё сжалось так, что для воздуха не осталось места. Под гулкую пульсацию крови в ушах, сполз по стене. Сердце съёжилось, он чуть не заорал.

Как из-за стеклянной стены донёсся обрывок фразы:

– ... плохо?...

«Не то слово».

Необдуманно бросался словами:

– Мне нужно идти.

– Что? – растерялась Дидье, когда Богат с низкого старта впечатался в решётку.

– Мне нужно! Ты не понимаешь!

– Не буянь. Я поручилась за тебя.

Богат сдавленно пискнул от отчаяния и бессилия.

– Куда тебе надо? – раздражалась она. Но, как настоящая женщина, сохранила в себе остатки чуткости. Заговорила шёпотом. – Что стряслось? Что с тобой? Скажи.

Бывший старательно избегал её взгляда. О чём он может поведать ей – полковнику ФСБ? Что похоронил человека заживо? Что военная хим-лаборатория – проходной двор? Что какой-то левый чувак смог без проблем достать секретный препарат? Или про лазерную указку, тоже штучку вояк, купленную на чёрном рынке? Или про его дела-делишки с уголовниками? Или про наркоту? У него накопилось много историй, которые заинтересуют Дидье, и их мимолётные отношения его уж точно не спасут. И девочку-лаборанта. И Вини...

Она там, в земле. Он мог бы сказать. Вот только больше не у кого просить помощи. Единственный звонок потратил на ФСБшницу. Может, и выручила бы. А потом стала бы ко-

пать, как так вышло, и всё вскрылось бы, как по цепочке. Из любой ситуации есть минимум два выхода. И они все ему не нравились. Слишком высокие ставки.

Вини.

Он.

Глаза застелила туманная пелена. Признание встало комом в горле. Ни слова вымолвить, ни вздохнуть.

Дидье устала. В любом случае, он заслуживает уважения. Честности.

– Это был последний раз, – произнесла она ровно. Положила холодную ладонь поверх его кулака. – Будешь отсвечивать – пеняй на себя. Наши, к слову, ищут претендента на роль подмастерья Саратовского Донни Гого³⁰.

Тот вздрогнул, но она уже отпустила. Ушла, не обернувшись.

Всю неделю Богат отводил от себя дурные мысли. Старания шли прахом. Через сны прорывался один и тот же кошмар в самых извращённых интерпретациях. Бессонница и ничегонеделание в четырёх стенах в компании с храпящим бомжом оказались сродни пыткам. При том, что каждый день вынужденного промедления только усугублял положение главного неудачника года. Ведь когда он, наконец, выйдет... Кто его будет там ждать? *Что?*

Выдержка подводила. Когда совсем не вмоготу, орал на со-

³⁰ Донни Гого (в тридцатом веке) – наркобарон, столь же знаменитый, как Пабло Эскобар.

седа, жаловался на давление. Выделили из аптечки то самое успокоительное. В такое же он добавил Стресс-Д своей жене, а после убил её. Злополучный бутылёк разбился о стену камеры. За буянство суток не добавили, но при комиссии пожурили. Штраф выписали.

«Поборники».

Пока то, пока сё – задержали ещё на денёк. Затем ещё на пару часиков. На девятый день после «смерти» Вина Богат ступил на крылечко участка. Пусть у ворот стоял Угунди, отпущенный нотариусом, вдовец не спешил. Потому что возле тачки, играясь с ключом зажигания, его поджидал тот самый гаишник. И ухмылялся так гаденько. Но пусть подавится. Теперь-то у Богата есть телефон.

Через полчаса к нему подошёл парнишка в чёрном. Пожали руки. Незнакомец занял водительское кресло. Права с ним, документы в порядке, тест на трезвость на КПП прошёл. Хмыкнув, охранник выпустил их.

Богат распинался в извинениях. Объяснялся. Благодарил, что, несмотря на всё, сразу ответили на звонок и согласились прислать своего водителя, чтобы больше без казусов. Клиентоориентированность – как она есть. Для бандитов они чересчур великодушны. Но, по законам жанра, сдержаны и неразговорчивы. Парень по завершению чужого монолога только кивнул, набирая скорость. Первый раз за рулём настоящего Угунди. Хорошая машина.

Их преследовал крузак. Притормозили на пустыре, за го-

родом. Богат вынул из сидения лазерную указку, не переставая хвалить себя за предосторожность (за документами Вины полицейские лазили в бардачок, а его карманы прощупали дважды), молча передал другому водителю через окно. Те вырвались далеко вперёд, а Угунди покатыл следом.

Всё просто. Кладбищенский сторож и камера на его домике засекли только чужую машину с палёнными номерами и пассажира с лучом в руках, прежде чем были разрублены на куски. Это единственный способ ликвидировать «объект» на большом расстоянии для тех, кто не может похвастаться меткостью... Ну, и чтобы без взрывов. Современные кладбища, по сути, мало чем отличаются от древних. Участочек в лесу или берёзовом колке, обнесённый ржавым забором. Здесь самые тихие соседи, а рядом никто не селится. И воровать особо нечего. Вот только оставили очередного пьянчужку за порядком следить.

Следующий шаг – к воротам, брыкаясь на кочках, доплелся Угунди. Пособники вручили орудие убийства заказчику, погромили в избушке, через уведомление удостоверились, что денежные средства переведены, и на своей тачке удалились в закат. Богат остался со всем этим один.

С Вины один на один.

Просёлочная дорога обладает голосом. Под колёсами она шуршит травой, хрустит сухими листовенничными иглами и мелкими ребристыми камушками. Голос леса – сокровище его. Летним днём тайга – особенный охотник до пения. Жучки, паучки, цветы, тополя, ели – у всего свой голос. Все переговариваются, талдычат, шепчут, истекают, хрупаяют. Все, кроме Вини. Инородный элемент живой яркой картины. Свежий воздух, окуренный пылью и горечью полыни, изливается ветром на её лицо, шею и грудь. Кружево солнечной юбки скользит по коже. Восставшая из мёртвых, отвыкшая от всего, кроме темноты и грязи, всё видит, всё чувствует, тоньше, чем при жизни. Вот только ни на что не реагирует. Даже глаза не щурит, так и держит веки полуприкрытыми. Весь мир шорохом листвы, синичьей арией, скрипичной партией кузнечиков поддержал рассказ Богата. Поругал судьбу за жестокую шутку. Утешил смельчака за упорство и находчивость... Весь мир, кроме Вини.

Она слышала. Запомнила. Теоретически, даже могла бы высказаться.

«Но почему... – колол осколок личности. – Почему?..»

Как долго будет мучать его? Поглядывал на неё, больше не говорил. Потому что следом должно идти «Прости», а оно стало бы фатальным. Рано. Разобьётся ещё.

Ехать с ней в одной машине ему неприятно. Находится рядом – неприятно. Долг помощи укрепляла истина – это его вина. Но почему-то взгляд, как привязанный, возвращался к полутрупы. Художник для этого портрета не отыскал карандаш телесного цвета. Зато не поскупился на чёрный, бурый. Помешанный на уродстве. На лопнувших капиллярах. На «бороте» из крови. Больной ублюдок.

Ощущая отвращение супруга, та не смотрела в его сторону, но и не жалась от унижения в угол.

«Скоро проснусь».

Ток пробежал по плечам, ужалил раненые пальцы. Нет, это мороз по коже. Люди называют его мурашками, хотя больше похоже на дождь. Взору открылась прогалина. Сосново-еловые заросли плотным кольцом окружали потемневший от времени бревенчатый сруб. Два этажа, маленькие окна. Дом компактный, добротный, жилой. В него вложили любовь и деньги – некто, презирающий помпезность и праздность, разглядевший в бремени жизни ценности уникальные. Настоящее. Уединение.

Вини с трудом поднимала красные глаза, с каменного фундамента к укрытому шапкой цветущего мха охлупению. Начинала догадываться. Образ отца в её голове, прикорнувшего за столом на дачной веранде, отсалютовал рюмкой:

«Здоровеньки булы!»

Из-за дома на подъездную тропинку (если можно таковой назвать притоптанную траву) вышла девушка. Одета в спортивное, волосы собраны в куцый хвостик. Полненькая, на лицо хорошенькая. Угрюмая. Скрестив руки, облокотилась на столб, подпирающий козырёк крылечка. Через лобовое стекло смотрела Вини прямо в глаза. Богат, ухнув, взял жену на руки. Ноги подкосились, повели назад – удержался. Понёс в дом. Поворочав ключом в навесном замке, с ноги открыл дверь.

– Где вас только носило? – выказала недовольство незнакомка.

Первый раз такое, что приехала на место раньше тех, кто вызвал. Переступила порог в тот самый момент, когда мужчина бросил раненую на диван. Приземление вышло жёстким, но тут уж ладно. Богат пытался отдышаться. Потряхивало всего. Ещё немного, и сможет передвигаться лишь ползком.

Моментально настроившись на рабочий лад, доктор навис над Вини. Послушал пульс. Раздвинул веки, вглядываясь в зрачок. Под светом сузился. Её пальцы не отличались врачебной чуткостью и женской нежностью. Оттого ещё необычнее отсутствие реакции. Ресницы не дрогнули от прикосновения.

Богат по пути на кладбище позвонил домашнему безлицензионному врачу знакомого друга и сказал, якобы его же-

ну держали взаперти. Как так вышло – опустил, и та, к счастью, не интересовалась. Деньги за выезд-то хорошие, с щедрой надбавкой за молчание. И вроде ладно, но что-то не похоже на простое измождение. Поэтому, прощупывая пациентку, не могла не спросить между делом:

– Что было-то? Пытали?

Тот не ответил. Доктор отвлёкся. Пальпация живота вызвала непроизвольные спазмы желудка. Рвало ничем. Только кровавые ниточки тянулись с губ на тёртую обивку.

– Ладно. Жить будет. В душ надо бы.

Богат обтекал в кресле. Немая мольба в глазах и палец, указывающий наверх, намекали, что помощничек из него сейчас так себе. И будет. Бывшей медсестре не привыкать.

– Так! – гаркнула она, чтоб полудохлая расслышала. Схватила под руки. Поволокла. – Пошли! Пошли-пошли! Давай. Шагай. Шагай же! Что ты, в самом деле? Ну, топ-топ.

Какой тут топ-топ? Вيني, правда, старалась. Выдрессированная в детстве реакция на родительский повелительный тон проявилась шорканьем пяток по паркету, балансированием. Но не получалось. Не держалась. Для того чтобы заново научиться ходить, эта нянечка дала ей слишком мало времени. А результата требует немедленно.

Грубая, усадила на холодный кафельный пол ванной комнаты, стянула с девушки платье. Вيني ахнула, затряслась. Что это? Холодно, остро, мелко. По макушке, по спине. Щечечет шею и за ухом.

Вода.

Это вода.

Душ.

Подняла правую руку. В полиэтилене, туго обмотанном выше запястья скотчем. Капельки бьют, но не щиплют. Чужую ладонь, умывающую её лицо, обожгла горячая слезинка.

«Я голая».

Как унижительно. Не хватает сил.

– Ну, давай сама? Что как маленькая?

«Зачем? Не трогайте меня. Отстаньте».

В самом деле, по опыту женщины, в эмалированной ванне сидел запуганный ребёнок. Как в том эксперименте, где серое вещество с мозга пса соскребли, и он вёл себя, как щенок. По психиатрии тройка была, но в педиатрии бывшая медсестра чего-то да смыслит. Жалко. Но медикам чуждо сочувствие. Это всего лишь работа. Всего лишь человек. Жива же – остальное зарастёт, как на собаке.

Обтерев полотенцем, приодев в ночную рубашку, проводила пациентку обратно в гостиную. Заняв единственный в этой комнате стол, погремев склянками в своём рюкзаке, не глядя, протянула Богату исписанный листочек.

– Здесь не всё. В город за последним съездите. Надо перед сном принимать. Обязательно.

Тот не удосужился даже кивнуть. Значит, не примет.

– Вставай, – пустила фонтанчик из шприца. – Буду учить ставить внутривенный.

– Умею.

– Хм... интересно.

Получив все указания и медикаменты на первое время, мужчина поблагодарил, протянув денежную пачку. Стянув канцелярскую резину, врач пересчитала.

– А за дорогу?

Скривился. Добавил. Осторожно уточнил:

– Мы ведь договорились?

– Это не моё дело.

Ушла, не закрывая дверь. Ей, пока светло, ещё нужно доехать на мопеде до главной дороги.

Богат заново учился ставить уколы. Помогать другому в этом нехитром деле доселе не приходилось. Кое-как накрутив жгут из носового платка, попал в вену с третьей попытки. Синяк останется. Но пациентка не жалуется. Хотя это не очень хорошо.

Вини заново училась ходить. До туалета упрямая плелась сама, по пути обтирая стены. Колдуя над ужином, Богат различил в шарканье босых ног в коридоре новое – быстрый

сбивчивый топот, глухой стук удара и дребезг тонкого стекла. Знать, не туда повело. Но фигура оленя – сувенир от бывших хозяев, не такая уж и значительная потеря.

Он пытался делать вид, что ему комфортно. Включил какую-то комедию (старенький компьютер с интернетом в наличии), откупорил бутылку пива. За весь вечер и слова не проронил.

Она пыталась есть. Воду желудок уже принимал, что теперь не напёшься. Даже почки словно потяжелели... и мёрзли. Вроде организм восстанавливается. А от одной только ложки овсянки, отдающей нагаром, скрутило живот. Еда попросилась обратно. Зачем в таком состоянии в принципе покидать уборную? Очевидно – жёстко на кафеле. Уже привыкла к мягкой обивке.

Лежал с ней. Закрывая в кольце рук, укрывал со спины. Запах сруба усилился в ночной прохладе. Заниматься очагом сил не осталось, а в обнимку теплее.

Лежала с ним. На боку. Пролежни жгло, как ожоги. Кроме того, от возвращения в ту позу, в коей пробыла больше недели, впадала в панику. Несчастливая начинала капризничать – мычала и вяло дралась. Совесть грызла. Потому что Вини однозначно была в себе, а за то, что свои мимолётные концерты не способна пресечь – не ручалась. Как могла ждать, а тем более просить чего-то для себя? Но хуже всего, что сейчас действительно нуждалась в нём. В его помощи.

«Но как же? *Как же?*»

С наступлением темноты, когда диалоги персонажей фильма сменились стрекотом сверчков и цоканьем часов, отсчитывающих последний свой век, трещина в сознании Вини пришла в движение. Больно резала острыми гранями. Медленно разверзалась. Из бездны лезли чёрные тени. На перебой талдычили тарабарщину, тянули за собой. Рефлекс немедленного пробуждения при погружении в сон сработал, как никогда. Девушка вскочила на ноги, не покачнувшись, хлопнула по лицу ладонями. Сосед по дивану тут же открыл глаза, будто и не дремал. Тёмная фигура у изголовья стояла спиной к нему, слепо глядела в окно. С перепуга всю злость растерял. Тем более что речь Вини в одночасье лишилась всяких дефектов:

– Прости, Богат, прости меня! Я так виновата перед тобой! Не смогла иначе. Это была бы не я.

Хотел уже руку протянуть, но спросонья отчего-то побоялся прикоснуться. Происходящее завораживало.

– Я не разгадала Твой замысел, Боже! Они ложились грудью на амбразуру. Они ставили всё на красное. Я же могла умирать хоть каждый день! Могла ошибаться каждый день. Так много шансов. Я не воспользовалась ни одним. Это не мне. Не мне! Меня не должно было существовать. Это не мой выбор. Пожалуйста, скажи, что не мой.

Шмыгнула. Повышение тона вернуло гортанный хрип истерзанного горла.

– Не уговаривай! Я не хотела, чтобы ты меня уговаривал.

Я сделала всё, чтобы ты меня уговаривал.

Её схватили за запястье. Левая рука, железная.

– Я одно и то же. Они тоже. Это круг. Они умеют. Они нормально. Я ненормально. Такая же упрямая.

На том смолкла.

– И что дальше? – спросил вдовец тихонько. Голос дрогнул от злости и усталости.

Вини чуть повернула голову на звук, выдернула руку. Серый лунный зайчик мигнул на деревянной, покрытой лаком двери. Свет не заструился из щелей. Из того конца коридора не доносилось шума воды. Никаких посторонних звуков.

Как Богат ни ворочался, как ни кутался, сон не возвращался. Только холод цеплялся за кожу коготками, щекотал ступни, насылал пугающие образы. Соображая лишь наполовину, мужчина дошёл до уборной. За щиколотку поволок им убиенную по полу, точно вожжи. Сопротивления не встретил. Уложил обратно на диван, подмял под себя, закинув ногу. Только человеческое тепло коснулось груди, засопел. Вини так и не сомкнула глаз. Чужое дыхание перебивало отступивание секунд, часов, лет, пока небесная палитра не сменилась с чёрной на голубую, отделила день от ночи.

Есть зрение – полагается видеть. Ноги послушны – извольте ходить. Умывание и причёсывание – необходимость, требование жизни. Переодевание тоже имеет смысл. Утренние ритуалы включают завтрак. Чтобы набраться сил на день насыщенный, нужно глотать пресную кашу маленькими пор-

циями. Чтобы появлялось желание разговаривать, надобно пить воду. Стук ложки о чугунную миску прервался единственным:

– Зачем?

Богат замер с сэндвичем у рта на секунду. Куснул, прожевал, хлебнул пива. Убеждённость в понимании истинного смысла брошенных обрывков фраз вызывала внутренний трепет. Как непрощенная сверхспособность, накладывающая определённые обязательства.

– А зачем тебе в городе внедорожник? – отвечал на незаключенный вопрос супруг, не отвлекаясь от трапезы. – На участке тайга, всё для ночи под открытым небом, лесничество знания, зачем?

– Я спрашиваю – зачем?

– Подарок, – смахнул крошки с губ, выискивая что-то в окне. – На день рождения. Завтра, я не забыл.

Богат сутулился, будто хотел нырнуть в тарелку. Прежде самоуверенный и свободный, теперь чувствовал себя привязанным к стулу. В гостях у волка. В плену у чёрных риэлторов едва ли хуже.

Кроме медицинских процедур и приёма пищи, ничем совместным они более не занимались. Вيني уже могла кушать по чуть-чуть. Развлекала себя прогулками по дому и вокруг него. Понимающий муж был безынициативен и лишний раз к ней не лез. Однако ничто не могло спасти его от случайных встреч в дровянике, на лестнице, в коридоре за поворотом.

Бессмертная потихоньку оживала, цвет возвращался в щёки. Но розовые белки глаз, руки, безвольно опущенные вдоль тела, и игра в молчанку откатывали в дешёвый мистический триллер.

Закат сотворил из летнего леса осеннюю сказку. Расплескал бронзовую краску, превратил капли сосновой смолы в янтарь. Кроны деревьев же будто бы обуглил. И никуда не скрыться от вездесущего ласкового солнышка. Огненной лунной оно замерло за стволами. Без туч всегда проигрывает в прятки. Размахивает широкими рукавами. Шишки на траве вспыхивали тусклыми лампочками. Ночь копошилась в густеющих тенях.

Вини провожала рыжее светило, сидя на ступеньке крылечка. Будучи единственным зрителем для птичьего оркестра, слушала вполуха. Пряные травяные запахи, от которых прежде кружилась голова, улавливались случайно, как парфюм прохожего. Но с лица её не сходила мягкая, точно тепло вечернего солнца, полуулыбка. Как прежде требовала усилий демонстрация добродушия к потенциальным деловым партнёрам, теперь Вини стреляла вхолостую. Чудеса случаются. Ничего не поделаешь.

Дверь щёлкнула, скрипнули доски. Он присел рядом. Медленно вдохнул и выдохнул, тихо сказал:

– Мне пора.

Та будто и не услышала. Наслаждалась игрой света в разнопёрой листве. Зачарованная. Чувствовала себя как нико-

гда уверенно. Наконец-то на своём месте – здесь, у забытой Богом хижины. Где никого.

Недолго Богат продержался в сиделках. Будь больная смертной, без способности к быстрому восстановлению, пришлось бы маяться не неделю и не две. Но и эти полные сутки виновник происшествия счёл за справедливую меру своего наказания. Сам успел зачихнуть. Присутствие супруги отравляло.

– Долго не было. Надо доделать дела, – плёл он невпопад. Не выдержав её выражения абсолютного блаженства, попросил. – Вيني, посмотри на меня.

Медля, повернула голову. Отчего-то особенно тяжело ему. Уводил взгляд, возвращал. Лучше пусть он выдаёт своё малодушие, чем она – своё душевное нездоровье. Пусть успокоит его – отреагирует на внешний раздражитель как все нормальные люди.

У Богата задрожала губа. Впервые по-настоящему испугался Вيني. Она источала опасность. Так не похожа на его девятую жену, его единственного настоящего друга за последние сотни лет. Ту, которую он знал. Бездушная ухмылка её являла аналогию с ящиком Пандоры. И глаза... глаза. В некогда холодной тьме теперь полыхали пожары. Пурпурным заревом клубились на дальнем берегу широкой реки. Там горели города, а у него нет лодки, чтобы доплыть. Чтобы спасти хоть кого-то.

Самообладания хватило, чтобы сдержать эмоции.

– Никогда себе этого не прощу. Должен был успеть. Должен был... – Крепко зажмурившись, кивнул своим мыслям. – Я даю тебе последний шанс. Билет туда, где будешь жить. Где тебе хорошо.

Жестом попросил руку. Вынул из кармана стеклянный пузырёк с резиновой пробкой и вложил в ладонь Вيني. Пока рассматривала, прокомментировал:

– Баят. Он твой. Уверен. Уверен, не откажешься от моего подарка... Я вернусь. Не завтра, но скоро. Мы попьём твой таёжный чай. Клянусь, в конечном итоге сделаю то, зачем ты ко мне обратилась. По первой же просьбе. Хоть ночью напиши – примчусь. Но сейчас... Не готов. Потом сама поблагодаришь. А пока не готов. Не хочу терять. – Против воли вырвалось. – Вيني, прекращай так себя вести. Включи уже голову.

Осколок её сознания, заимевший собственный голос, залился смехом. Вيني позабавило, как сыграли страхи. Прикрываясь искренними, добрыми намерениями, дорогой мужёнёк организовал себе убежище в жестоком мире. Место, которое теоретически мог бы назвать домом. Где его всегда примут, более того, будут ждать. Всегда. И супруга, теперь бывшая, не вернётся в мир живых, чтобы не устроить катастрофу. Чтобы не подставить своего «некроманта» и случайных несведущих. Такая себе психологическая заложница. Такой себе заповедник.

«Я в гробу».

А её страх... Тягостность существования, выгорание. Так вот же – запасной выход. Жизнь после смерти, без горьких последствий, обещанных священными писаниями.

Богат спас её. Сбор хвороста, заработок на анонимном копирайтинге в интернете, незаменимые таёжным «супермаркетом» и «аптекой» еда и медикаменты, спускаемые на парашютике – доставка для путешественников. Она точно уже составила подобный сценарий, наверняка усовершенствовала, почерпнув из своих знаний о жизни в лесу.

«Точно знает лучше меня», – утвердился Богат, глядя на неё задумчивую.

А в тот момент думала одно:

«Столько подарков! С днём рождения, *неблагодарная ты сука*».

Смотрела в его глаза слепо и как бы насквозь. Спустя пять мучительно долгих секунд усмехнулась, так невинно и легко, что тот сам расплылся в улыбке облегчения. Порывался обнять, но в последний момент только сжал её правую руку с пузырьком.

– А до моего следующего визита исполни просьбу, – стиснув кулачок Вини, вполголоса проговорил, – прости меня.

Как подстреленный, сорвался с места. Не оглянулся. Садясь в машину, зачем-то прикрыл лицо ладонью. Зелёные ветки театральным занавесом захлопнулись за серебряным Угунди. Шорох шин стих, потонул в воробьиной польке.

– Трус, – не своим голосом произнесла Вини.

«Лучше, чем бесчувственная мразь».

Гипнотизируя жгучее светило, она играла пузырьком в ладони. Без единой мысли, провела некоторые манипуляции с железным манжетом протеза левой руки. Между титановой лучевой и локтевой костью до живого предплечья, отгороженного пластиной, есть маленькая полость. Сюрприз от фирмы, особенно полезный для наркокурьеров. Вини перед похоронами спрятала там дротик, которым подстрелили Богата в первый раз. Приберегла. Так себе талисман, зато, по разумению, должен был умирять страх.

Боясь потерять хоть каплю, Вини переливала золотистую жидкость из пузырька в дротик.

«Люди умирали и верили в бессмертие души. Оказалось, душа всё же погибает в теле нетленном. У меня раньше. Мало души, много лет. Даже если и внешне и внутренне осталась молодой».

Мораль сей басни не злила. Не угнетала. Не ужасала. Очевидная закономерность. Это круг, и пришлось пройти по нему, чтобы убедиться, закрепить давно усвоенное. Год закончился. Два человека вернулись к исходной точке, каждый по отдельности, к своим проблемам и убеждениям. От себя не убежать, и это, как выяснилось, нормально.

«Ему будет хорошо».

Преисполненная светлой мудростью, вертела дротик. И всё тарацилась на закат, будто он должен ознаменоваться чем-то стоящим.

«Впрыскивается без нажима. Воткнуть и всё».

Вещдок ловко покрутился между истерзанными пальцами. Солнечная искра скользнула по тонкой игле.

«Вставить в щели между досками пола. Или прикопать. Встать в планку, резко развести руки в стороны и...»

Баят красиво перемешивался в стеклянной капсуле. Солнечные лучи превращали сок смерти в волшебный нектар. Любовное зелье, лекарство от вечной жизни. Своей гибелью здесь Вини отравит дом. Готовясь к ней ещё на берегу, будучи в ясном уме, вычитала в интернете, что радиус зоны поражения от одного трупа без средств защиты – метров пятьсот для её весовой категории. Лучевая болезнь с месяцем лечения в изоляторе – достойная месть незваному гостю?

С этим вопросом возникло острое желание обронить слезу, но Винивиан, напротив, улыбнулась шире. Это была бы не она, если бы поступила так.

«Он хороший. Ему не всё равно. И мне не всё равно».

Через сложную, опасную схему Богат сделал прихожанку леса хозяйкой леса.

«Моя колыбель, моя могила. Я не воин³¹».

«Предательница! Он должен был знать, что доверять никому нельзя».

«Не хочу, чтобы он с этим жил. И он не хочет. Но я больше не могу... Не могу больше отравлять твою жизнь. Не могу с

³¹ Воспоминание о стихотворении М. И. Цветаевой «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»

этим жить. Не могу всё это вынести. Себя. Больше не могу. Больше не могу».

Карман старых строительных штанов тяжелил маленький блокнотик с вдетым в пружинку обрубком карандаша. Вырванные исписанные страницы спланировали на траву. На чистом листе появилось сообщение. Обратившись к адресату по имени, адресант настоятельно порекомендовал ему не ходить дальше в лес, чтобы ненароком не попасть в зону заражения. Пусть друг, самый дорогой, самый близкий друг, не обременяет себя поисками, если такое желание вообще возникнет. И пусть не волнуется лишний раз. Не пугается. По жизни ничего не боится... Блокнот полетел в дверной проём, шлёпнулся на пыльный коврик. Найдёт.

Вволю идти туда, вволю ещё дальше. Где никому не навредит, ни одной живой душе. Больше не докучать дыханием. Топтанием земли. Пустыми извинениями.

«Спасибо».

Собираясь с силами, чтобы подняться и сделать первый шаг на последнем своём пути, не удержалась и снова посмотрела на солнце. Прохлада с ароматом хвои дохнула в лицо. Уходящий день игриво поцеловал на прощание в щёку лучом. Птицы притихли, уступая сцену ночным насекомым. Нега эйфории разлилась по венам и будто бы вышла из тела, как вода из переполненного сосуда.

Не сегодня.

Сейчас так ясно. Так хорошо.

Грех портить момент.